

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 18

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ № 3 • 2015 • ИЮЛЬ — СЕНТЯБРЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в три месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Современная социологическая теория

- Бабосова Е.С., Мамедов А.К., Панич Н.А.* Развитие неопарсонсианства на рубеже XX–XXI в. 5
- Рахманов А.Б.* Периферийные направления мир-системного анализа: концепции Дж. Абу-Луход и Ф. Моулдер. 24
- Батуренко С.А.* Современная российская элитология: становление и современное состояние 44

Социология образования

- Зырянов В.В., Носкова А.В., Осипова Н.Г., Титова М.А.* Национальная система образования в России: проблемы и перспективы в контексте реформирования и глобализации 61

Социология семьи

- Синельников А.Б., Дорохина О.В.* К чему приводит неограниченное право на развод? 79

Социология коммуникаций

- Бабосов Е.М., Трусъ А.А.* Особенности коммуникации в организационных моделях различных типов 95
- Верховин В.И., Ионов А.А.* Особенности информационного партнерства в условиях современного гражданского общества 115

Социология управления

- Васильев В.П.* Целевые ориентиры социальной политики 134
- Осеев А.А., Осеев А.А.* Методологические основы исследования личностных качеств руководителей и отбора кадров на государственную службу, персонала в сфере безопасности, руководителей промышленных предприятий 144

<i>Масалков И.К.</i> Российско-французский диалог в сфере бизнеса: межкультурные компетенции (1990-е годы)	160
Социология девиантного поведения	
<i>Богданов С.В., Богданова Ю.С.</i> Самоубийства в Великобритании (1981–2011 гг.): динамика, тенденции, особенности	175
Политическая социология	
<i>Кривокапич Н.</i> Демократия, демократизация и транзция	192
Рецензии	
<i>Карпова Н.В.</i> Небольшие заметки о значимой проблеме. Рецензия на работу “Руководство по политической социологии: государства, гражданские общества и глобализация”	202
Слово молодому ученому	
<i>Родионов А.А.</i> Роль протестантизма в развитии российского общества.	209
<i>Рыбакова В.В.</i> Структура и функции научного коллектива как объект социологического анализа	222
<i>Смирнов Г.П.</i> Соотношение основных значений слова “смысл” и форм человеческой активности: постановка проблемы.	233

CONTENTS

Contemporary sociological theory

<i>Babosova E.S., Mamedov A.K., Panich N.A.</i> The innovations in the theories of T. Parsons at the turn of the XX–XXI centuries	5
<i>Rakhmanov A.B.</i> Peripheral lines of world-system analyses: theories of J. Abu-Lughod and F. Moulder	24
<i>Baturenko S.A.</i> Modern Russian elitology: formation and current state	44

Sociology of education

<i>Zyryanov V.V., Noskova A.V., Osipova N.G., Titova M.A.</i> National reforms and globalization process in Russia: problems and prospects in education system	61
--	----

Sociology of the family

<i>Sinelnikov A.B., Dorokhina O.V.</i> What causes the unrestricted right to divorce?	79
---	----

Sociology of communication

<i>Babosov E.M., Trus A.A.</i> Communication features in organizations of different types	95
<i>Verhovin V.I., Ionov A.A.</i> Special features of information partnerships in the context of modern civil society	115

Sociology of management

<i>Vasiliev V.P.</i> Target reference points of social policy	134
<i>Oseev A.A., Oseev A.A.</i> Methodological bases of personal qualities research of managers and personnel selection for the public service, security personnel, managers of industrial enterprises.	144
<i>Masalkov I.K.</i> Russian-French dialogue in business: cross-cultural competence (1990–1999).	160

Sociology of deviant behavior

<i>Bogdanov S.V., Bogdanova J.S.</i> Suicides in the United Kingdom (1981–2011): dynamics, trends, especially	175
---	-----

Political sociology

<i>Krivozapich N.</i> Democracy, democratization and transition	192
---	-----

- Karpova N.V.** Summary points of significant issue: Review of the book “The handbook of political sociology: states, civil societies and globalization”. 202

Word of the young scientist

- Rodionov A.A.** The role of Protestantism in the development of Russian society 209
- Rybakova V.V.** Structure and functions of a scientific research team as an object of sociological analysis 222
- Smirnov G.P.** The correlation between basic definitions of the word “meaning” and forms of human activity: the problem formulation 233

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Е.С. Бабосова, канд. социол. наук, ст.н.с. отдела политической социологии и социологии права Института социологии НАН Белоруссии*

А.К. Мамедов, докт. социол. наук, проф., зав. кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова**

Н.А. Панич, канд. истор. наук, ст. преп. кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова***

РАЗВИТИЕ НЕОПАРСОНСИАНСТВА НА РУБЕЖЕ XX–XXI вв.

**E.S. Babosova,
A.K. Mamedov,
N.A. Panich**

THE INNOVATIONS IN THE THEORIES OF T. PARSONS AT THE TURN OF THE XX–XXI CENTURIES

Статья посвящена осмыслению неопарсонсианстских теорий на рубеже XX–XXI столетий. Констатируется возросший интерес к структурному функционализму как в развитии социологической теории, так и в прикладных социологических исследованиях. Показано, что предпринятая Т. Парсонсом попытка разработать категориальную систему, допускающую систематическую интеграцию социологического знания, которое объясняло бы все уровни общества и все формы движения социальной материи, затронула ученых в ведущих социологических центрах мира. Ассоциируемая с Т. Парсонсом структурно-функционалистская парадигма нашла свое выражение в институальных императивах “этоса науки” Р. Мертона, понимания науки как многоуровневого континуума Д. Александера, в концепции “двойной контингентности” Н. Лумана, культуры как сети символов К. Гирца, теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, теории структуризации Э. Гидденса, концепции человека действующего А. Турена и др.

Ключевые слова: структура, функция, структурно-функциональный анализ, социальная система, социетальная система, социальное действие, этос науки, пресуппозиция, неофункционализм, коммуникации.

The article is dedicated to the conceptualization of the innovations in the theories of T. Parsons at the turn of the XX–XXI centuries. It is stated the increased interest for structural functionalism in the development of sociological theory as well as in applied research. The article illustrates that the attempt of T. Parsons to create a

* Бабосова Екатерина Сергеевна, e-mail: soccomsys@mail.ru

** Мамедов Агамали Куламович, e-mail: akmnauka@yandex.ru

*** Панич Наталья Александровна, e-mail: natalia.panich@mail.ru

system of categories enable to accept systematic integration of sociological science, explaining the existence of all the levels of the society and all the social forms in the process of movement of the matter, caused great interest among the scientists in the leading sociological centres of the world. The structurally-functionalist paradigm, associated with Parsons, was reflected in institutional imperatives of “ethnic science” by R. Merton, representation of science as a multilevel continuum, suggested by D. Alexander, in the conception/concept of “double contingency” by N. Luhmann, culture as a network of symbols by C. Geertz, the theory of communicative action by J. Habermas, in the theory of structuration by A. Giddens, the concept of the acting person by A. Touraine and etc.

Key words: *structure, function, structural and functional analysis, the social system, societal system, social act, the ethos of science, presupposition, neofunctionalism, communication.*

Популярность идей Т. Парсонса и оценка их значимости для развития социологической теории выстраиваются в волнообразную траекторию: достигнув пика своей популярности в середине XX в., затем социологическая парадигма стала утрачивать свои преобладающие позиции в сфере социологического теоретизирования, а с начала 80-х гг. XX столетия и вплоть до настоящего времени интерес к творчеству Парсонса не только возрождается, но и существенно усиливается, прежде всего в тех странах, где зарождаются ведущие социологические тенденции. Сегодня этот процесс актуализировался повсюду: в Германии это нашло отражение в теоретических работах Ю. Хабермаса, Н. Лумана, Р. Мюнха, в США — в трудах Р. Мертона, С. Липсета, Н. Смелзера, Дж. Александера и др., в Великобритании — в исследованиях П. Коэна, Д. Аткинсона, С. Сэвиджа, во Франции — А. Турена, Ф. Шазеля, Л. Альтюссера, а также в работах социологов Италии и ряда других стран, включая Россию. Среди адептов и последователей Парсонса, несомненно, самым большим авторитетом в научном мире пользуются Роберт Мертон (1910–2003), Нейл Смелзер (р. 1930) и Джеффри Александер (р. 1945).

Широким признанием, конкурирующим с теоретическими концепциями самого Парсонса, среди социологов многих стран пользуется версия структурного функционализма, созданная и много лет развивавшаяся в трудах **Роберта Мертона**, в которых функциональный анализ должен выполнять ключевую роль в развитии социологической теории и в прикладных социологических исследованиях. Помимо этого, Мертон разработал гораздо более сложный (во всех отношениях) вариант функционального анализа, чем те концепции, которые предлагали до него А. Рэдклифф-Браун и Б. Малиновский. Исходным пунктом его функциональной парадигмы является дальнейшее уточнение понятия “функция”. В ав-

торском понимании функция — это те наблюдаемые последствия, которые способствуют адаптации или приспособлению данной системы; все функции неразрывно связаны с определенной социальной структурой, они взаимозависимы, что выражено в сформулированной им теории, согласно которой “социальные функции организации помогают определить структуру (включая набор персонала, входящего в структуру), точно так же, как структура помогает определить эффективность, с которой выполняются эти функции”¹.

Следующим этапом в раскрытии функционалистской концепции Мертона стало последовательное применение метода функционализма, трактуемого в качестве стратегии упорядочения применяемых понятий и вычленения существенных социальных феноменов из несущественных. В парадигму функционализма включены категории функциональных требований к определенному социальному объекту, механизмов, посредством действия которых выполняются функции, функциональной необходимости, функциональных альтернатив действия. Мертон подчеркивал, что функциональные потребности субъекта действия могут быть удовлетворены некоей областью структурных альтернатив. Однако нет однозначной взаимозависимости, нельзя постулировать, что данной структуре соответствует только указанная функция, и, наоборот, что данная функция может выполняться только данной структурой. Сформулированная Мертоном основная теорема функционального анализа гласит, что точно так же, как одно и то же явление может иметь различные функции, так и одна и та же функция может по-разному выполняться различными явлениями. Конкретизация функции, необходимая для удовлетворения определенной потребности, обеспечивается за счет уточнения класса структур, способных ее выполнить, введения принципа многоступенчатого системного рассмотрения с вычленением структурных единиц с определенными и сохраняющимися во времени структурами функции. Уточняя понятие “функция” в контексте различных исследовательских процедур, Мертон вычленил пять значений этого термина. Функция-1 выступает как общественное поручение, возложенное на конкретного исполнителя. Функция-2 — это специализированный род занятий, составляющий для индивида постоянный источник деятельности (в более узком смысле конкретная должность, связанная с определенным социальным статусом и определенными сферами ролевой активности). Функция-3 — математическая, когда (согласно наиболее распространенному и традиционному определению) переменная есть функция другой переменной или множества переменных,

¹ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. С. 183.

если ее значение однозначно определено значением (-ями) другой переменной (-ых). Функция-4 выступает как системообразующий принцип связи структурных единиц. Функция-5 проявляется как объективное следствие определенной деятельности, благоприятное для приспособленности системы к окружающей среде, в отличие от субъективных намерений деятелей, с которыми они приступают к реализации своих представлений функциональности. Последнее толкование является главным в функциональном анализе.

Большое значение для развития современной социологии имело четкое разграничение социологом видов функций — явных и латентных: “Явные функции — это те объективные результаты, способствующие регулировке или адаптации системы, которые осознают и планируют участники данной системы. Латентные функции, соответственно, те, которые они не планируют и не осознают”². Особо отмечается приоритетное значение для социологических исследований умения видеть, осознавать и оценивать сущность и роль латентных функций. Введение понятия латентной функции привело к выводам, показывающим, что социальная жизнь не так проста, как кажется сначала, и пока изучаются только явные функции определенных действий, социальная жизнь представляется вполне обычной, а ее картина мало отличается от представлений, основанных на “здравом смысле”. Но реальная социальная действительность очень часто насыщена противоречиями и конфликтами, которые ведут к неожиданным, парадоксальным ситуациям, здесь вступает в свои права применение понятия “латентная функция”, позволяющая не только увидеть, но и понять, объяснить непредвиденные последствия осуществляемых социальных действий, внести в них надлежащие корректировки на основе “ответственных социальных решений”³.

Одной из значимых заслуг Мертона в развитии социологии явилась разработанная им “теория среднего уровня” (1947), которая должна выступить в качестве соединительного элемента между бесчисленными эмпирическими исследованиями и общей социологической теорией наиболее высокого уровня научной абстракции. Классическим образцом построения социологической теории среднего уровня признана разработанная Мертоном концепция девиантного поведения в ее органической взаимосвязи с развитой и конкретизированной им дюркгеймовской теорией аномии.

Придавая большое значение эмпирическим исследованиям, Мертон обращал особое внимание на то, какое влияние оказывают

разнообразные виды последствий эмпирического исследования на развитие социологической теории. Такое исследование не только подтверждает определенные теоретические концепции, но и закладывает основы социологической теории, заново формулирует, переориентирует и уточняет ее, тем самым обогащает теоретическое знание. Мертон внес существенный вклад в развитие теории референтных групп, в разработку их классификации в органической взаимосвязи со структурным контекстом референтно-группового поведения, в развитие социологии познания и массовых коммуникаций.

Мертон также стал родоначальником конституирования социологии науки в качестве относительно самостоятельной научной дисциплины, обстоятельно исследовал социокультурные предпосылки возникновения науки как социального института, подчеркнув решающую роль пуританской религии и морали в становлении науки Нового времени. Он сформулировал институциональные императивы “этоса науки” — универсализм, коллективизм, незаинтересованность (бескорыстие), организованный скептицизм. Из этих императивов, рассматриваемых в органическом единстве, он выводил институциональную цель науки — генерирование и расширение достоверного знания, добываемого в процессе творческой научной деятельности. Мертон обстоятельно проанализировал социальные последствия возникающих на базе науки технологических изменений и степень их социально-экономического влияния на развитие общества, на формирование и функционирование его структур⁴.

Существенный вклад в развитие функционалистской социологии внес также талантливый ученик Парсонса, профессор калифорнийского университета в Беркли *Нейл Селзер* — автор ряда фундаментальных трудов в области экономической социологии, теории социальных изменений и методологии сравнительных исследований, теории коллективного поведения, взаимодействия личности и социальных систем (“Экономика и общество” (1956), совместно с Парсонсом, “Социальные изменения в индустриальной революции” (1959), “Теория коллективного поведения” (1962), “Социология экономической жизни” (1963), “Эссе о социальном объяснении” (1968), “Социологическая теория: современный взгляд” (1971), “Сравнительные методы социальных наук” (1976), “Социология” (1988, русский перевод 1994)).

² Там же. С. 146.

³ Там же. С. 167.

⁴ Мамедов А.К. Этические параметры развития современной науки (опыт институционального анализа) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2011. № 1. С. 53–64.

В соответствии с базовыми принципами функционализма Смелзер характеризует общество как живой организм; социальные системы, как он полагает, сохраняют устойчивость, поскольку в них функционируют такие внутренние механизмы контроля, как правоохранительные органы и суд. Происходящие в них изменения, по его убеждению, имеют обычно (кроме крайних случаев) постепенный, а не революционный характер. Социальная интеграция осуществляется на основе согласия большинства граждан страны следовать единой системе ценностей и норм, которая является самым устойчивым остовом социальной системы. Наибольшее значение в обеспечении устойчивости общества имеет взаимосвязь между экономическим развитием страны, ее политической структурой и стабильностью. Приоритетной значимостью в этой взаимосвязи обладает политическое устройство, которое «можно определить как совокупность идеологий и институтов, формирующих политическую деятельность внутри общества. В основе политической системы лежит понятие власти, [которая (Прим. Е.Б., А.М.) ...предполагает способность навязать свою волю другим и мобилизовать ресурсы для достижения поставленной цели»⁵. Говоря о необходимости углубленного исследования происходящих в последние десятилетия коренных трансформаций в современном мире, Смелзер призывает не превращать теорию социальных изменений во всеобщую панацею, а наряду с происходящими крупномасштабными переменами уделять достойное внимание примордиальным первичным структурам общества, к которым относятся семья, личность, культура и образование.

Наиболее существенную творческую роль в развитии и переинтерпретации постпарсоновского этапа в развитии структурно-функционалистской теории социальной системы, на наш взгляд, играет один из наиболее авторитетных в современном мировом социологическом сообществе мыслителей *Джеффри Александер*, который важнейшей задачей современного неофункционализма считает воссоединение теории действия и теории структуры «постпарсоновским способом»⁶. На путях решения этой задачи он внес существенные дополнения в развитие теории социальной структуры и осуществление адекватного подхода к пониманию, истолкованию контингентности действия. Первая серьезная попытка реконструкции теории Парсонса, нацеленная на демонстрацию заложенных в ней возможностей, была предпринята Александером в статье 1978 г. «Формальный и субъективный волюнтаризм в работе Толкотта Парсонса: теоретическая и идеологическая переинтерпретация»,

⁵ Смелзер Н. Социология. М., 1994. С. 544.

⁶ Alexander J. Action and Its environments: toward a new synthesis. N.Y., 1988. P. 2.

в которой он предложил новый синоптический взгляд на теоретическое развитие идей Парсонса и их внутреннюю динамику. В трактовке автора главная тема теории Парсонса вовсе не функционирование систем, как часто предполагается, а проблема волюнтаризма действия, социальных оснований индивидуальной свободы и автономии, соединение свободы действия и социального порядка. Александер предлагает следующую логику развития теории Парсонса: от абстрактных философских пресуппозиций (формальный волюнтаризм) к их спецификации и выходу на эмпирический уровень анализа (субстантивный волюнтаризм), при этом уточняется, что пресуппозиции — это фундаментальные философские и эпистемологические допущения относительно природы изучаемой реальности, имеющие предельно абстрактный характер и определяющие основные параметры научной работы на всех ее уровнях. Таким образом, Александер выходит на метатеоретический анализ научной деятельности, выдвигает свою предельно общую эпистемологическую схему, близкую по своей структуре к парсонсовскому кибернетическому континууму. Он предлагает понимать науку как многоуровневый континуум, особый вид деятельности, представленный в виде системы, аналитически разделяющейся на несколько иерархически упорядоченных, относительно независимых друг от друга, но при этом взаимосвязанных уровней научной деятельности. Пресуппозиционный уровень теории, считает он, в том числе и в сфере социологии, оказывает решающее влияние на аналитическое структурирование событий и процессов эмпирической жизни и их корреляций, ибо устанавливается общая система координат для соотношения различных версий социологии как классических, так и самых современных. Каждый уровень относительно автономен и в то же время взаимосвязан со всеми другими. Непонимание подлинной природы автономии и связи разных уровней научного континуума составляет, по мнению Александера, корень «шумов» современной социологии. Идеалом, к которому должна стремиться социология, является гармоничное, непротиворечивое соединение элементов, относящихся к разным уровням. В существующих ее вариантах такой внутренней гармонии нет, и хотя указанный идеал не может быть реализован в полной мере, к нему нужно стремиться, тогда как непонимание связи абстрактных и конкретных элементов в социально-научной аргументации препятствует этому движению. Вместе с тем, непонимание относительной автономии разных уровней теоретической и эмпирической работы приводит к таким типичным ошибкам, как редукция и конфляция.

Особое внимание Александер уделяет роли пресуппозиций (попытки социологии уйти от философии делают ее заложницей не-

решенных принципиальных проблем), под которыми, повторим, он понимает фундаментальные эпистемологические допущения относительно природы изучаемой реальности, имеющие предельно абстрактный характер и определяющие основные параметры научной работы на всех уровнях научного континуума. Центральные проблемы, которые должны быть решены социологией на пресуппозиционном уровне, — проблемы действия и порядка. Хотя пресуппозиции не поддаются непосредственной верификации и фальсификации, есть некоторый стандарт их оценки — многомерность. Если считать общим вектором развития социальных наук движение от узких и односторонних пресуппозиционных подходов (таких, как инструменталистское толкование действия в классической политэкономии) к многомерному пресуппозиционному синтезу, то дальше всех по этому пути, с точки зрения Александера, пошел Парсонс. Однако поскольку Парсонс допустил при этом ряд упущений, его теоретический синтез нуждается в дальнейшем развитии. Исходя из этого, Александер пытается дать иное решение принципиальных проблем действия и порядка: социальное действие детерминировано тремя основными составляющими — культурой, индивидуальностью и социальной системой. Социолог вводит в научный оборот термин “неофункционализм” (1985), отмечая вступление функционалистической тенденции в социологии в этап реконструкции, с целью “подчеркнуть два момента — преэминентность и внутреннюю критику теории Парсонса”⁷. Далее отмечается: «Поскольку ядро подвергается существенным сдвигам, не прерывая своей связи с основополагающей традицией, начинается теоретическая деятельность, которую мы назовем “реконструкцией”. Она отличается от “совершенствования” и “ревизии” тем, что четко признаются расхождения с основателем данной традиции и определенно выражается открытость другим традициям. Реконструкция может оживить теоретическую конструкцию даже в том случае, когда создает предпосылки для зарождения новых»⁸.

Осуществляя теоретическую реконструкцию социологических доктрин, он отстаивает “новую теоретическую логику социологии”, составляющую основу пропагандируемой им многомерной социологии, которая должна интегрировать в себе цельную трактовку социального действия как особой природы норм и мотивации, а также понимания социального порядка как определенным образом упорядоченного и взаимосвязанного множества действий.

⁷ Александер Дж. Неофункционализм сегодня: восстанавливая теоретическую традицию // Социологические исследования. 1992. № 10. С. 113.

⁸ Там же. С. 116.

Само же действие интерпретируется как выполнение деятельности человеком, которое должно быть закодировано культурными системами (макроизмерения) и мотивировано индивидуальностью (микроизмерения). Однако индивидуальности и культурные коды не исчерпывают содержания человеческой субъективности необходимо еще одно важное измерение деятельности, каковым является свобода воли, которая в социологическом смысле предстает в качестве процесса, включающего в себя изобретательность, типичность и стратегию. Все три названных компонента в своем взаимодействии образуют социальные структуры, синтезируемые в социальной системе. Сама же система в своем функционировании предстает в качестве упорядоченной совокупности политических, экономических, экологических и иных отношений и цепочек, которые люди выстраивают в процессе их взаимодействия во времени и пространстве. Определяя основные параметры многомерного социально-структурного анализа, американский социолог уделяет особое внимание выявлению и прояснению взаимосвязей между материальными и нормативными элементами социальной структуры, теоретической экспликации коллективистской трактовки волюнтаристского действия и “рассмотрению социальных структур в конкретных исторических контекстах”⁹. Под этим углом зрения разрабатывается программа развития теории дифференциации, в процессе чего имеется в виду, что современная социальная реальность характеризуется неровной и многомерной дифференциацией, процессы которой наполнены специфическими историческими напряжениями. Для этого необходимо преодолеть как макросоциологические, так и односторонние микросоциологические подходы на пути их взаимного сближения в исследовании меняющейся социальной действительности, что представляется возможным только при осуществлении многомерного теоретического синтеза. Чтобы правильно объяснить такую амбивалентность социальных феноменов, “знание на одном уровне должно строиться так, чтобы его можно было связать со знанием на другом уровне”¹⁰. Этот теоретико-методологический подход к социокультурной реальности последовательно применяется в разработанной Александером на рубеже веков теории культуральной социологии. Он противопоставляет эту интегративную теоретическую доктрину социологии культуры, и если вторая, по его утверждению, имеет дело с материальными культурными объектами, с производством и распространением идей, с ценностями, нормами и образами поведения, то

⁹ Alexander J. The civil sphere. N.Y., 2006. P. 37.

¹⁰ Alexander J. Action and Its environments: toward a new synthesis. N.Y., 1988. P. 304.

сущность первой заключается в исследовании культуральных структур, сформированных в контексте более или менее устойчивых смыслов социальной жизни, находящихся в бинарной оппозиции по отношению друг к другу (например: добро — зло, священное — вульгарное, демократический либерализм — демократическая репрессия). Например, зло в его интерпретации предстает как “культурно сконструированное коллективное представление, как результат смыслового кодирования, т.е. культурологического осмысления какого-то явления, события, процесса в качестве плохого, приносящего страдания и способного быть привнесенным в каждую социальную сферу — в интимную сферу семьи, в мир науки, религию, экономику, управление”¹¹.

Современное общество, находящееся в состоянии постмодерна, утверждает Александер, наполнено множеством целенаправленно созданных культурных структур, каковыми являются имиджи, бренды, нарративы, мифы, под влиянием которых социальная жизнь движется взад и вперед “между трансцендентальным языком сакральных ценностей добра и вульгарных символов зла”¹². В таких условиях происходит актуализация плюрализирующейся социальной реальности, существенно усложняющейся в контексте возрастающей значимости факторов виртуальности в создании смысла посредством символов, знаковых кодов, симулякров. В результате этого в социальных ожиданиях и предпочтениях людей “фактические суждения и фиктивные нарративы плотно переплетены. Бинарности символических кодов и истинных/ложных суждений накладываются друг на друга”¹³. Такие противоречивые, подчас латентные смыслы в процессе нелинейной, зачастую непредсказуемой динамики сливаются в парадоксальные синтезы, создавая в массовом сознании привлекательные образы одного актора (певца, актера, бизнесмена, политика и т.п.) и отталкивающие — другого. Александер приводит примеры воздействия такого рода культуральных структур не только в сфере культуры, но также в сферах социальной жизнедеятельности и политики, в частности в области борьбы за власть в современных США. Успешно решать многомерную и сложную задачу, изучения “смыслов социальной жизни и социальной жизни смыслов”¹⁴, по утверждению теоретика, призвана выдвигаемая им “культуральная социология”, имеющая целью всестороннее исследование “культурной среды действия”.

¹¹ Alexander J. The meanings of social life. A cultural sociology. Oxford, 2003. P. 115.

¹² Ibid. P. 4.

¹³ Ibid. P. 5.

¹⁴ Alexander J. Formal and substantive voluntarism in work of Talcott Parsons: a theoretical and ideological reinterpretation // American Sociological Review. 1978. Vol. 43. P. 9.

Такой подход, по его мнению, позволяет доказать, что культурные феномены не являются вещью или фактом (в Дюркгеймовском понимании), а воплощаются в изменениях, не являются зависимой переменной, а представляют собой линию, проходящую сквозь каждую возможную социальную форму. Следовательно, основное предназначение культуральной социологии — выяснение внутренней культурной архитектоники социального смысла посредством анализа культурных кодов и символических действий.

В неопарсонсианском функционализме существенное место занимают также ученики Парсонса — Кингсли Дэвис и Клиффорд Гирц, хотя степень их влияния, безусловно, заметно меньше, чем вышеупомянутых Дж. Александера, Р. Мертона или Н. Смелзера.

Основной тренд научной деятельности *Кингсли Дэвиса* — развитие и конкретизация функционалистской теории стратификации: во всех обществах существуют социальные позиции, объективно обладающие гораздо большей функциональной значимостью по сравнению с другими, но для этого требующие специальной квалификации. Однако существует определенный дефицит такой квалификации, поскольку талант — явление редкое, а обучение отнимает много времени и ресурсов, и чтобы существующий в данном случае разрыв, приводящий к дефициту, минимизировать, необходимо стимулировать нужных индивидов к повышению и развитию своей квалификации. Основными средствами стимулирования должны стать материальное вознаграждение и достижение высокого социального статуса, приносящего вместе с собой повышение функциональной значимости. При обеспечении таких условий социальная стратификация может сформировать ситуацию, в которой наиболее высокие социальные позиции станут занимать наиболее способные и ответственные люди, а это будет стимулировать эффективное функционирование общества.

Клиффорд Гирц подчеркивал гуманитарную направленность социальных наук и их интерпретативный характер. Он сформулировал концепцию культуры как сети символов, своеобразной ткани, интегрирующей и определяющей направленность социальных действий. Чтобы правильно понять эту особенность культуры и ее роль в развитии общества, утверждает автор, необходима герменевтическая адекватность социокультурной аналитики, позволяющей определить пределы автономии культуры в развитии социальных систем.

Толкотт Парсонс оказал значительное влияние на развитие социологии не только в Новом Свете и не только на тех социологов, которых можно с полным правом назвать приверженцами неопарсонсианства, но также и на представителей иных социологических

направлений и школ. Существенное влияние этот выдающийся американский социолог оказал на *Никласа Лумана* (1927–1999) как в период стажировки последнего на социологическом факультете Гарвардского университета, что вполне естественно, так и в процессе всего его наукотворчества. Это влияние отчетливо прослеживается и в лумановской общей теории социальных систем, и в концепции двойной контингентности, и в более обширной трактовке теории социального действия, приобретшей очертания общей теории социальных коммуникаций. Опираясь на основные теоретические установки своего гарвардского учителя, Луман заявил о необходимости формирования “универсальной теории социологии, на что со времен Парсонса больше никто не отваживался”¹⁵. Ядром этой универсальной теории Луман, как и Парсонс, считает социальную систему. Под системой Луман понимает нечто, способное отличать себя от внешней среды и воспроизводить эту границу. Именно под такое определение системы подпадает, по его мнению, и само общество. Оно тем и отличается, что постоянно производит различия себя и внешней среды, различия, дающие ему право именоваться системой. Эта система является самовоспроизводящейся, в том смысле, что акт воспроизводства не предполагает воссоздаваемости и воспроизводимости причин и условий производства. Эти причины и условия могут видоизменяться, что приводит к развитию системы, но это различие должно быть воссоздано в дальнейшем развитии системы: общество выступает не только самовоспроизводящей, но и самореферентной системой, что означает его способность наряду с самовоспроизводством осуществлять описание самого себя, воспроизводя и само это описание. При таком понимании социальной системы ее элементами оказываются не люди или их действия, а коммуникации между ними. Коммуникации можно разложить на действия, которые возникают для упрощения системой самой себя, для преодоления ею собственной сложности. Коммуникация в таком случае становится не просто передачей информации, а смысловым, самореферентным процессом, приводящим к определенному структурированию социальной системы. Делая общий вывод из этих концептуальных положений, Луман формулирует свое теоретическое кредо следующим образом: “Мое предложение — положить в основу понятие коммуникации и тем самым переформулировать социологическую теорию на базе понятия системы вместо понятия действия”¹⁶. Итак, в предлагаемой Луманом постмодернистской социологической теории в центр

внимания выдвигаются два взаимосвязанных понятия — “коммуникация” и “система”. В теории Лумана коммуникация выступает тем элементарным процессом, который конституирует, создает социальную реальность. Этот процесс характеризуется определенным “смыслом”, поскольку в нем всегда присутствуют нереализованные возможности событий и действий, каждое из которых могло быть тем, каким стало, или совершенно иным, вследствие чего человек постоянно осуществляет выбор из многих возможностей. Выборочными являются внимание и понимание отправителя и получателя сообщений, содержание информации и способ ее передачи (восприятие). Процесс коммуникации замкнут на себе, ибо в него включены только те индивиды, которые коммуницируют между собой, следовательно, он самореферентен. Каждый из коммуницирующих знает, что восприятия его партнера, как и приходящие ему самому сообщения, могли бы быть и другими. Эту вариантность сообщения и его восприятия Луман вслед за Парсонсом называет “двойной контингентностью”. В процессе коммуникации получатель сообщения может принять или отклонить его. Отклонение тоже является актом коммуникации, поскольку одно и то же сообщение может иметь разный смысл для разных людей (например, сообщение о мяче, забитом в ворота одной из футбольных команд или победе одной из них), в коммуникации заключена возможность разногласия, “потенциального конфликта”. Такой конфликт превращается в социальную реальность в случае отказа, отклонения коммуникации. В этом случае коммуникаторы (как отдельные индивиды, так и целые социальные системы) оказываются перед выбором: избежать конфликта или же разрешить возникшую проблему посредством давления, влияния, насилия. Социальные системы, как считает Луман, многообразны, а в их совокупности можно выделить три основных типа. Первый из них — *системы взаимодействия*, которые возникают и функционируют в тех случаях, когда присутствующие индивиды воспринимают друг друга, а также воспринимают само взаимное восприятие. Личное присутствие является здесь принципом формирования границ таких систем. Примерами могут служить семейный ужин (в отличие от самой семьи), игра в покер, массовая демонстрация, поездка на такси. В каждом из подобных случаев присутствующие имеют приоритетное рассмотрение, а забота об отсутствующих уменьшается, независимо от того, каково их влияние. Второй тип систем — *социетальные системы*, они свободны от каких-либо ограничений, являются всеохватывающими, независимыми и “авторитарными”. В качестве примера такой системы можно привести мировое общество, являющееся не просто совокупностью личностных и

¹⁵ Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб., 2007. С. 18.

¹⁶ Там же. С. 31.

межличностных взаимодействий и состоящих из них систем, но системой более высокого порядка. Ее регулятивные принципы автономны по отношению к принципам формирования границ и самоселекции (самоотбора), специфичного для систем непосредственного взаимодействия. Третий тип социальных систем представляют *организации*, которые формируются и функционируют в соответствии с новыми принципами граництворчества и селекции, занимая квази-промежуточное положение между системами взаимодействия и системой общества в целом. Организациями являются те системы, которые связывают членство в них с определенными условиями. Безличные правила членства в таких системах (например, подчинение руководству в обмен на заработную плату) несмотря на возможность собственного изменения и добровольность выбора способствуют длительной стабилизации определенных способов поведения. Благодаря этому становится возможным достижение общего равновесия между системой и требованиями к индивидуальному поведению, способствующее независимости организации от спонтанных личных мотивов, ценностей, нормативного консенсуса.

Влияние Парсонса прослеживается и в разработанной выдающимся современным немецким социологом Юргеном Хабермасом (р. 1929) теории коммуникативного действия, и во всесторонне обоснованной не менее выдающимся английским социологом Энтони Гидденсом (р. 1938) теории структурации, и в активно отстаиваемой известным французским социологом Аленом Туреном (р. 1925) концепции человека действующего. Все названные социологи, развивая свои собственные социологические доктрины, так или иначе многократно опирались и ссылались на идеи Парсонса.

Используя основные политические положения о природе и сущности политической системы и о роли политической власти, разработанные Парсонсом и Луманом, немецкий функционалист **Рихард Мюнх** конкретизирует их в несколько иной плоскости. Основное направление его исследовательской программы политических систем находится в сфере ресурсной и мобилизационной политической динамики, что создает фундированную теоретико-методологическую основу процессуального истолкования сущности и особенностей функционирования политики. Мюнх подчеркивает, что для адекватного понимания данного социального феномена необходимо “выйти за рамки внутренней структуры и динамики этого процесса и представить его в общей связи общества и культуры”¹⁷. Такое панорамное понимание развития политиче-

¹⁷ Мюнх Р. Неофункционалистский подход: политика как общественный процесс // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 1. С. 6.

ской сферы общества в ее органической связи с культурой приводит Мюнх к выводу, согласно которому “современные общества характеризуются повышенным динамизмом, неопределенностью, непредсказуемостью и противоречивостью как самих политических действий и событий, так и их последствий”¹⁸. Теоретическое осмысление основных тенденций политического развития общества, согласно Мюнху, нуждается не только в политической науке, но и в социологии. Первая из них исследует формирование и осуществление политики с точки зрения правления. “Политическое управление, — по его утверждению, — это вопрос генерирования и применения власти эффективным и демократически легитимным способом... с социологической точки зрения мы обращаемся к этому же процессу как к урегулированию разносторонних общественных конфликтов, возникающих между правительством и обществом”¹⁹. В соответствии с новейшими выводами социологии конфликтов Мюнх рассматривает общественные конфликты не только в их деструктивных вариантах и функциях, но и в качестве конструктивных факторов общественного обновления. “Мы, — утверждает он, — сосредоточиваемся на вопросах, как могут выявляться и улаживаться конфликты, каким образом в сферу урегулирования конфликтов включаются новые ценности, политические цели и интересы, иначе говоря, как может происходить общественное обновление”²⁰. Мюнх считает важным установление различия между политической властью и влиянием. “В отличие от политической власти влияние зиждется не на распоряжении доступом к государственной монополии насилия, но на солидарности, внимании, уважении, репутации, преданности или притязания на руководство”²¹. Этими различиями в свою очередь определяется и различие ценностных суждений об эффективности и значимости данных политических феноменов. “Ценность политической власти, — отмечает Мюнх, — определяется широтой и глубиной реализации политических программ в обществе, ценность влияния — шириной и глубиной поддержки политических программ и содействия им в обществе”²². Вопрос же о том, в какой мере та или иная политическая программа получит необходимое одобрение в обществе, в существенной степени решается в зависимости от степени связанности с господствующими в обществе культурными ценностями и обусловленности ими. “Объективно обоснованные политиче-

¹⁸ Там же. С. 7.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 8.

²² Там же. С. 9.

ские решения только тогда становятся легитимными, когда они становятся совместимыми с укоренившимися в культуре базовыми ценностями и нормами (основными правами) и содействуют их претворению в жизнь”²³. В процессе разворачивания конфликта в политической сфере акторы чаще всего исходят из того, что выигрыш одного в каждом случае — проигрыш другого, и потому ведут борьбу. “Чтобы устоять в этой игре, — пишет он, — необходимо прежде всего укрепить и расширить власть. Поэтому разрешение конфликта обостряется до борьбы за власть”²⁴. Одна из особенностей конфликтных взаимодействий в современном обществе, считает Мюнх, заключается в том, что в демократических странах складывается тенденция к утверждению конкурентной модели политического развития в рамках плюралистической многоуровневой демократии. Наиболее перспективной формой управления конфликтами в условиях плюралистической конкурентной демократии он считает кооперативный менеджмент конфликта, для чего необходимо конструирование “множества площадок кооперативного менеджмента конфликтов от локального до глобального уровня”²⁵. Но в процессе исследования системы таких площадок, сетует он, “в глобальном модерне национально-государственная интеграция является помехой для прогресса европейской и глобальной интеграции”²⁶. В процессе разворачивания площадок кооперативного менеджмента конфликтов, по его мнению, “успех больше зависит от способности индивида быть ответственным, чем от тотальной опеки со стороны государства... поэтому успешный кооперативный менеджмент конфликтов в наибольшей степени осуществим на основе сплоченного и активного гражданского общества”²⁷. Мюнх подчеркивает, что “в структурном отношении современная политическая система все больше дифференцируется”. По его убеждению в многокомпонентной экспозиции сетей политики “следует различать три основных структурных компонента политического контекста: 1) авторитетные сопричастные специалисты, 2) институциональные правила политической практики, 3) основополагающая для данного общества (политическая) культура”²⁸. Поскольку в процессе современного общественно-политического развития увеличивается множественность рисков, которые все чаще приобретают комплексный характер, то, безус-

²³ Там же. С. 8.

²⁴ Там же. С. 14.

²⁵ Там же. С. 19.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 20.

²⁸ Там же. С. 19.

ловно, возрастает необходимость учета рисков, прежде всего в процессе разработки и реализации политических решений. Отсюда вытекает непреложное требование осуществления “все более широкой мобилизации научной и технической экспертизы”, что будет содействовать “усилению адаптивной способности к ставшим намного более комплексными рискам”²⁹.

Умножение комплексности окружающего мира в форме комплексных технических рисков неминуемо влечет за собой, утверждает Мюнх, усиление комплексности методов принятия политических решений. При разработке и осуществлении таких решений, считает он, необходимо учитывать, что “наука, техника, индустрия образуют инновационный комплекс, функционирующий в качестве мотора динамики развития”³⁰.

Развивая и конкретизируя парсоновскую идею о связи кризиса власти с процессами политической инфляции и дефляции, Мюнх подчеркивает, что в процессе разворачивания политических процессов нередко возникают фазовые колебания политической власти, политического влияния, а также сопряженных с ними ценностных обязательств, равно как и денежных курсов. Инфляция политической власти приводит к девальвации политических решений: сначала решения начинают игнорироваться, а потом их перестают выполнять. “Во время инфляции политической власти для исполнения одних и тех же законов приходится все чаще прибегать к легитимному насилию... Обратная динамика, дефляция, хотя и повышает ценность коммуникационных посредников, но делает это за счет уменьшения их доступности, так что эффективность вынесения политических решений снижается из-за недостатка политической власти, влияния, денег, и потому общество лишь в ограниченном масштабе может быть политически организовано и политически управляемо”³¹. Опираясь на основные положения парсоновской теории изменений, при разработке логики и траектории изменений на двух видах функциональных дефицитов Мюнх обращает внимание на дефицит “технических инноваций и одновременно политического управления, контролирующего технические риски”³². Теоретические предпосылки исследования и преодоления названных дефицитов, а также кооперативного менеджмента конфликтов в современном обществе, как утверждает Мюнх, могут быть созданы, а затем и реализованы в практике

²⁹ Там же. С. 21.

³⁰ Там же. С. 22.

³¹ Там же. С. 10.

³² Там же. С. 23.

принятия и осуществления неофункционалистского подхода к политике как к общественному процессу.

Даже те социологи (а их было и есть немало), которые подвергали критике определенные социологические установки Парсонса, признавали его выдающуюся роль в развитии социологии. В частности, известный социолог Ральф Дарендорф (1929–2008), упрекавший Парсонса в использовании специфической терминологии, излишней сложности его понятийного аппарата, а также в недооценке роли конфликтов в развитии общества и в конструктивном разрешении возникающих в нем проблем, утверждал, что “благодаря Парсонсу социология больше, чем когда-либо прежде, приблизилась к статусу зрелой науки”³³. Столь высокую оценку он аргументировал тем, что Парсонс предпринял “грандиозную попытку разработать категориальную систему, допускающую систематическую интеграцию социологического знания”³⁴.

Следует согласиться с мнением профессора Петра Штомпки о том, что Парсонс — “главная фигура в американской социологии после Второй мировой войны и вплоть до 1970-х годов”³⁵. Можно признать вполне обоснованным утверждение профессора С.А. Кравченко, согласно которому “Парсонс пытался сделать в социологии то же, что в физике стремился совершить великий Альберт Эйнштейн — создать всеохватывающую социологическую теорию, которая объясняла бы все уровни общества и все формы движения социальной материи”³⁶.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александр Дж. Неофункционализм сегодня: восстанавливая теоретическую традицию // Социологические исследования. 1992. № 10. С. 112–120 (*Aleksander Dzh.* Neofunkcionalizm segodnja: vosstanavlivaja teoreticheskuju tradiciju // Sociologicheskie issledovanija. 1992. N 10. S. 112–120).

Дарендорф Р. Тропы из утопии. М., 2002 (*Darendorf R.* Tropy iz utopii. M., 2002).

Кравченко С.А. Культурная социология Дж. Александра (генезис, понятия, возможности инструментария) // Социологические исследования: научный и общественно-политический журнал Российской академии наук. 2010. № 5. С. 13–21 (*Kravchenko S.A.* Kul'turnaja sociologija Dzh. Aleksandera (genezis, ponjatija, vozmozhnosti instrumentarija) // Sociologicheskie

issledovanija: nauchnyj i obshhestvenno-politicheskij zhurnal Rossijskoj akademii nauk. 2010. N 5. S. 13–21).

Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб., 2007 (*Luman N.* Social'nye sistemy. Oчерk obshhej teorii. SPb., 2007).

Мамедов А.К. Этические параметры развития современной науки (опыт институционального анализа) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2011. № 1. С. 53–64 (*Mamedov A.K.* Eтиcheskie parametry razvitija sovremennoj nauki (opyt institucional'nogo analiza) // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 18. Sociologija i politologija. 2011. N 1. S. 53–64).

Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006 (*Merton R.* Social'naja teorija i social'naja struktura. M., 2006).

Мюнх Р. Неофункционалистский подход: политика как общественный процесс // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 1. С. 6–26 (*Mjunh R.* Neofunkcionalistskij podhod: politika kak obshhestvennyj process // Sociologicheskoe obozrenie. 2010. T. 9. N 1. S. 6–26).

Смелзер Н. Социология. М., 1994 (*Smelzer N.* Sociologija. M., 1994).

Штомпка П. Социология. М., 2008 (*Shtompka P.* Sociologija. M., 2008).

Alexander J. Formal and substantive voluntarism in work of Talcott Parsons: a theoretical and ideological reinterpretation // American Sociological Review. 1978. Vol. 43. P. 177–198.

Alexander J. Action and its environments: toward a new synthesis. N.Y., 1988.

Alexander J. The meanings of social life. A cultural sociology. Oxford, 2003.

Alexander J. The civil sphere. N.Y., 2006.

³³ *Дарендорф Р.* Тропы из утопии. М., 2002. С. 331.

³⁴ Там же. С. 330.

³⁵ *Штомпка П.* Социология. М., 2008. С. 128.

³⁶ *Кравченко С.А.* Культурная социология Дж. Александра (генезис, понятия, возможности инструментария) // Социологические исследования: научный и общественно-политический журнал Российской академии наук. 2010. № 5. С. 13–21.

А.Б. Рахманов, докт. философ. наук, доц. кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

ПЕРИФЕРИЙНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МИР-СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА: КОНЦЕПЦИИ ДЖ. АБУ-ЛУХОД И Ф. МОУЛДЕР

A.B. Rakhmanov

PERIPHERAL LINES OF WORLD-SYSTEM ANALYSES: THEORIES OF J. ABU-LUGHOD AND F. MOULDER

Автор анализирует концепции американских социологов Дж. Абу-Луход и Ф. Моулдер, которые развивали мир-системный анализ И. Валлерстайна. Дж. Абу-Луход исследовала мир-систему, существовавшую в 1250–1350, Ф. Моулдер — интеграцию в современную мир-систему Китая и Японии.

Ключевые слова: мир-системный анализ, И. Валлерстайн, Дж. Абу-Луход, Ф. Моулдер, мир-система, мировая экономика, Китай, Япония.

The author analyzes the theories of American sociologists J. Abu-Lughod and F. Moulder that were devoted to the development of world-system analysis of I. Wallerstein. J. Abu-Lughod researched into the world-system, which existed in 1250–1350 A.D., F. Moulder undertook research into the integration of China and Japan into the modern world-system.

Key words: world-system analysis, I. Wallerstein, J. Abu-Lughod, F. Moulder, world-system, world economy, China, Japan.

Мир-системный анализ, возникший в 1974 г. с выходом в свет первой части труда И. Валлерстайна “Современная мир-система”¹, давно уже стал одним из самых влиятельных направлений современной мировой научной социальной мысли. Значительное количество ученых (социологов, политологов, экономистов, философов и т.д.) в самых разных странах мира осуществляют исследования, опираясь в той или иной степени на концепцию Валлерстайна. То, как развивается мир-системный анализ уже вне продолжающегося творчества самого Валлерстайна, само по себе является важным предметом исследования.

В данной статье речь пойдет о двух концепциях, созданных приверженцами мир-системного анализа, — американскими исследовательницами Дж. Абу-Луход и Ф. Моулдер. Возникновение

и развитие любой концепции непременно сопровождается разработкой магистральных проблем. Для Валлерстайна и многих его последователей к числу таковых относились закономерности развития современной мир-системы (европейской мир-экономики) со времени ее возникновения в XVI в., а также анализ ее современного состояния и перспектив. То, какая констелляция исторических процессов привела к возникновению мир-системы с центром в Западной Европе, какая констелляция исторических процессов определила внутренний механизм подключения различных стран к расширяющейся мир-системе, было обойдено вниманием в трудах Валлерстайна. В то же время развитие любой концепции предполагает рассмотрение проблем, являющихся для нее, пусть и важными, но все же периферийными. Разработка периферийных проблем непременно опосредуется разработкой магистральной тематики. Этим и обусловлен наш интерес к идеям названных выше авторов. Абу-Луход исследовала предысторию современной мир-системы, а Моулдер — тем, как и с какими последствиями для себя в нее вошли Китай и Япония. Абу-Луход заметила: “Мир-системная теория начала запутываться и усложняться, что является ироничным результатом ее развития и может служить иллюстрацией неизбежности рутинизации харизмы”². При этом отметим, что различия разработки магистральной и периферийной проблематики в рамках любой концепции не сводятся к различиям ее интенсивного и экстенсивного развития, поскольку исследование периферийной тематики в случае последовательного развертывания исследовательской мысли ведет к включению данной концепции в более объемный контекст, к снятию ее более глубокой, многосторонней и масштабной концепцией.

Концепция Дж. Абу-Луход

Джанет Липман Абу-Луход (Janet Lippman Abu Lughod, 1928–2013) — известный американский социолог. Абу-Луход занималась помимо исследований в области мир-системного анализа урбанистикой, изучением арабо-исламского мира и этнорасовых отношений, причем эти ее интересы нередко пересекались в одном и том же труде. Перу Абу-Луход принадлежат книги “Каир: тысяча и один год победоносного города” (1971), “Урбанизация в третьем мире” (1977; в соавторстве), “Рабат: городской апартеид в Марокко” (1981), “Нью-Йорк, Чикаго, Лос-Анджелес: глобальные города Америки” (2000), “Изменяющиеся города: социология города”

* Рахманов Азат Борисович, e-mail: azrakhmanov@mail.ru

¹ Wallerstein I. The modern world-system, I: capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the sixteenth century. N.Y.; San Francisco; L., 1974.

² Abu-Lughod J. Restructuring the premodern world-system // Review (Fernand Braudel Center). 1990 (Spring). Vol. 13. N 2. P. 273.

(1991), “Раса, пространство и бунты в Чикаго, Нью-Йорке и Лос-Анджелесе” (2007) и т.д. Но самой известной книгой Абу-Луход является труд “До европейской гегемонии. Мировая система 1250–1350” (1989)³, посвященный историческим предпосылкам возникновения современной мир-системы. На эту же тему она написала несколько статей. Ни одна из книг Абу-Луход на русский язык не переведена.

Согласно Валлерстайну, задачей обновленной социальной науки должно стать исследование исторических систем, которые он подразделял на мини-системы, мир-империи и мир-экономики. До 1500 г. в мире существовали все три типа систем, но примерно в 1500 г. (“долгом шестнадцатом веке”) возникла современная мир-система (европейская мир-экономика), которая стала столь мощной и динамичной, что оказалась в состоянии подчинить себе весь мир, вобрав в себя и преобразовав адекватно себе все существовавшие мир-империи и мини-системы. Абу-Луход взяла на себя исследование того, что предшествовало современной мир-системе.

Как полагала Абу-Луход, до возникновения современной мир-системы на планете уже существовали мировые системы, которые имели черты тождества и вместе с тем серьезно отличались от нее. Заметим, что Абу-Луход использует понятия “мир-система” (“world-system”) и “мировая система” (“world system”) как абсолютно совпадающие. Как утверждала Абу-Луход, мир-системы существовали в Античности (начало нашей эры) и в XIII–XIV вв. В центре внимания Абу-Луход находится средневековая мир-система, которой и посвящен труд “До европейской гегемонии”. Подход Абу-Луход серьезно отличается от позиции Валлерстайна. Основоположник мир-системного анализа полагал, что до XVI в. в мире одновременно существовало множество по преимуществу обособленных друг от друга мир-систем (мир-империй и мир-экономик). Абу-Луход же полагала, что обширные пространства Европы, Азии и Северной Африки в XIII–XIV вв. были объединены в одной мир-системе, предшествовавшей европейской мир-экономике.

Абу-Луход подчеркивает, что между современной мир-системой и мир-системами Античности и Средневековья существуют отношения тождества и различия. Общее, с точки зрения Абу-Луход, заключалось в том, что современной, средневековой и античной мировым системам была присуща иерархичность ядро–полупериферия–периферия, выраженная в системе территориальных разли-

чий. Вместе с тем, она полагает, что основы трех мир-систем изменялись. Отличия в том, что, во-первых, средневековая и античная мировые системы не охватывали собой весь мир, во-вторых, у них было несколько держав-гегемонов. Абу-Луход пишет: “Следует учитывать два момента: первое — принципы организации мировых систем характеризуются определенной изменчивостью, второе — мировые системы динамичны и, следовательно, претерпевают периодические структуризации”⁴.

В центре внимания Абу-Луход находится мир-система 1250–1350 гг., которая включала в себя пространство от Западной Европы до Китая и Юго-Восточной Азии. В средневековой мировой системе в отличие от современной мир-системы не было единственного гегемона, который диктовал бы принципы организации производства и торговли другим субъектам, не было центра и в географическом отношении. В состав мир-системы XIII в. входили восемь субсистем: 1) европейская, 2) средиземноморская, 3) от Константинополя до Китая, 4) ближневосточная (от Сирии через Персидский залив до Аравийского моря), 5) от Египта через Красное море до Аденского залива, 6) от Персидского и Аденского заливов до Западной Индии, 7) от Индии через восточный Индокитай до Малакки и Суматры, 8) Китай и Юго-Восточная Азия. По площади субсистемы напоминали неправильные эллипсы. Субсистемы пересекались: одни и те же территории и города могли входить одновременно в две и даже в три субсистемы. Так, Генуя и Венеция входили в первую и во вторую, Каир — во вторую и третью, Тебриз — в третью и четвертую, Пекин — в третью и восьмую субсистемы и т.д. Каждая из субсистем имела свой центр, полупериферию и периферию. Например, центр европейской субсистемы был образован ярмарочными городами Шампани, торгово-ремесленными городами Фландрии и портовыми городами Северной Италии, а центр ближневосточной — Багдадом, Басрой, Ормузом и Маскатом.

Среди центров восьми субсистем выделялись три-четыре наиболее значительных. Абу-Луход пишет: «Эта мир-система была организована вокруг трех или, возможно, четырех “центров”. Одним из них был Ближний Восток (“арабо-персидский имперский центр”), который охватывал стратегическую зону международного обмена. Вторым были северные степи Центральной Азии (“властные центры Монгольской империи”), которые после монгольских завоеваний слились в единое целое с Китаем. Третий центр фокусировался в Индийском океане, который связывал Китай с Ближним Востоком через Малаккский пролив и Индию. И, наконец, благодаря тор-

³ *Abu-Lughod J. Before European hegemony. The world system A.D. 1250–1350. N.Y.; Oxford, 1989.*

⁴ *Ibid. P. 364.*

говле и промышленности, стимулированной крестовыми походами, которые связали Европу с этой уже функционировавшей мир-системой, города развивавшейся Европы (особенно Фландрии, Франции и Италии) начали формировать четвертый “центральный” регион⁵. Кроме того, большое значение имели субимперские центры, такие как Делийский султанат и торговые общества в прибрежной Индии, а также порты Юго-Восточной Азии. Абу-Луход подчеркивала значение Китая: «Основная идея моей книги заключается в том, что процветание мир-системы в XIII в. было в конечном итоге обязано выстраиванию бесперебойно действовавшего круга протяженных морских и сухопутных путей благодаря открытости Китая. Следовательно, “подъем” мир-системы вплоть до ее пика во второй половине XIII в. и в начале XIV в. был обусловлен в первую очередь развитием на Востоке, а не на Западе»⁶. Таким образом, в мир-системе 1250–1350 гг. европейские территории занимали второстепенные позиции: Восток превалировал над Западом.

Стратегически важными узлами коммуникаций мир-системы XIII в. были города. Абу-Луход выделяет десять группировок таких городов⁷. Это: 1) четыре ярмарочных города в Шампани — Ланьи, Бар-сюр-Об, в которых ярмарки проходили ежегодно, Провен и Труа, в которых ярмарки собирались раз в два года, 2) фламандские города, особенно Гент как центр производства текстиля и Брюгге как центр торговли им, 3) ключевые города-государства, занимавшиеся морской торговлей, — Венеция и Генуя, которые связывали Запад и Восток, конкурируя при этом друг с другом, в том числе в том, что касается торговли специями, шедшей через Египет, 4) крупные центры караванной торговли в Центральной Азии, особенно Самарканд и Бухара, 5) система городов, центром которой был Багдад, Алеппо и Антиохия — пунктами связи со Средиземноморьем, а Басра — южным выходом в Персидский залив (кроме того, Алеппо и Багдад были исходными пунктами сухопутных торговых путей), 6) система городов, центром которой был Каир, Александрия — выходом в Средиземноморье, а юго-восточной окраиной — порты Красного моря, ведущие к Африканскому рогу и в Индийский океан, 7) порты базирования могущественных арабо-персидских купцов — Бендер-Тахири, Ормуз, Хандрамаут, Киш, Оман, Аден, 8) портовые города на западном побережье Индии — Камбей, Коллам, Кожикод, 9) побережье Малаккского пролива, изобиловавшее пунктами морской торговли, контроли-

ровавшееся индийскими правителями и игравшее значительную роль в посреднической торговле с Китаем, 10) Ханчжоу, возможно, самый большой город мира в XIII в. и столица династии Южная Сунь, служивший международным портом.

В экономике каждой из субсистем, отмечает Абу-Луход, сочеталось множество хозяйственных укладов — от почти частнособственнического капитализма, пусть и опирающегося на поддержку государства, до почти государственного производства, пусть и поддерживаемого торговцами-частниками. С точки зрения хозяйственной деятельности субъектами мировой системы XIII в. были: 1) огромные аграрные общества вроде Индии и Китая, чье индустриальное производство было в основном направлено на содействие развитию сельскохозяйственного производства, 2) небольшие портовые города-государства с компрадорскими функциями вроде Генуи, Венеции, Адена, Палембанга и Малакки и 3) такие разные территории, как Южная Индия, Шампань, Самарканд, Левант, порты Персидского залива, чье значение было связано с их стратегическим расположением на путях между граничащими торговыми партнерами и 4) территории, которые были богаты высокоценным сырьем (высококачественная шерсть в Англии, камфора на Суматре, ладан и мирра на Аравийском полуострове, специи с островов Юго-Восточной Азии, алмазы на Цейлоне, слоновая кость и страусиная кожа в Африке, а также военные рабы в Восточной Европе). Экономическая устойчивость всех этих территорий была результатом (по крайней мере, отчасти) включения в мировую систему. Все территории не только торговали друг с другом, но и начинали реорганизовывать свое производство в соответствии с потребностями мирового рынка.

В мировой системе XIII в. сосуществовали разнообразные культурные системы, основанные на христианстве, исламе, буддизме, индуизме, конфуцианстве, зороастризме и более мелких религиозных течениях. При этом ни одна из культурных систем не была гегемоном. В этом еще одно отличие средневековой мир-системы от современной, для которой характерно доминирование геокультуры, возникшей в Западной Европе.

Взаимодействие субсистем, кооперация и сотрудничество между ними составляли существо средневековой мировой системы. Разветвленная сеть торгово-транспортных коммуникаций связывала восемь субсистем в единую мир-систему. Абу-Луход пишет: “Вместо авиалиний, города мировой системы были соединены морскими путями, реками и длинными сухопутными путями, некоторые из них использовались со времени Античности. Порты и оазисы выполняли те же функции, что и аэропорты ныне, будучи

⁵ *Abu-Lughod J.* Restructuring the premodern world-system. P. 275.

⁶ *Ibid.* P. 277.

⁷ *Abu-Lughod J.* The shape of the world system in the thirteen century // *Studies in Comparative International Developments.* 1987–1988. Winter. Vol. 22. Is. 4. P. 9.

используемы для перемещения людей на обширные расстояния”⁸. При этом подсистемы мир-системы XIII в. были все же более самодостаточными, чем части современной мир-системы, и коммуникации между подсистемами были заметно менее интенсивными, чем внутри современной мир-системы.

Средневековая мировая система начала распадаться во второй половине XIV в., после 1350 г. Причины, согласно Абу-Луход, связаны со следующими системными изменениями. Первое из этих изменений было обусловлено резким сокращением численности населения вследствие пандемии чумы, затронувшей в 1330–1351 гг. пространства от Китая до Западной Европы и названной Черной смертью. Пандемия чумы привела к тому, что: а) выросла доля занятых в сельском хозяйстве и сократилась доля занятых в ремесле и торговле, б) снизился уровень урбанизации (торговые города потеряли от трети до половины своего населения). В силу всего этого возможности производства прибавочного продукта и торговли на длинных расстояниях, которые были скрепами мировой системы, сократились. Второе системное изменение было связано с геополитическими трансформациями — распадом Монгольской империи, утерей монголами власти над Китаем, отказом китайской династии Мин от мореплавания на дальние расстояния и т.д. В Индийском океане образовался вакуум, который через некоторое время был заполнен португальцами, голландцами и англичанами, чья военная и коммерческая деятельность в этом регионе мира способствовала распаду мир-системы 1250–1350 гг. Пути и маршруты, созданные этой мир-системой, были завоеваны европейскими державами и адаптированы ими к собственным интересам. Европе не надо было изобретать систему, поскольку основная работа была уже проделана ранее, когда Европа была только периферией прежней системы, пишет Абу-Луход. Мировая система была захвачена европейцами. В мир-системе 1250–1350 гг. сосуществовали центры, получавшие выгоду от взаимной терпимости, после же ее упадка начала устанавливаться гегемония Европы. Восточная часть мировой системы пришла в упадок, а западная, европейская, стала расцветать.

Мир-система XIII в. была более сложной, крупной и изолированно организованной, чем предшествовавшая ей античная мир-система. Последняя включала в себя все территории системы XIII в. за исключением Северной Европы. Политически античная мировая система была структурирована более жестко, а экономически — слабее. В античной мировой системе было два имперских центра —

Римская империя и империя династии Хань в Китае. Эта система распалась после краха Римской империи и распада государства династии Хань. Возникновение исламского мира и его экспансия на запад и восток стали одними из многих причин реструктуризации мировой системы, кульминацией чего стала мировая система 1250–1350 гг.

Здесь в соответствии с логикой мысли Абу-Луход необходимо сделать уточнение: исследователь полагала, что упадок любой мир-системы был не предвестником ее конца, а способом ее реструктуризации. То, что можно принять за упадок, в действительности было изменением принципов ее организации. Реструктуризация мир-систем всегда заключалась в том, что прежде периферийные регионы (субъекты) превращались в центральные и завоевывали более могущественные позиции в рамках мировой системы. Античная мир-система пережила подобную реструктуризацию и трансформировалась в средневековую, мир-система XIII в. — в современную, а реструктуризация современной мир-системы в свою очередь началась в XX в. Абу-Луход полагает, что эта реструктуризация (“распад”) стартовала не в 1970-х гг., как считал Валлерстайн, а во втором десятилетии XX в., сразу после Первой мировой войны, которая привела к распаду Османской империи и к революции в России. Эти процессы откололи Восточную Европу и Центральную Азию от Западной Европы и прервали зарождавшуюся интеграцию. В ходе текущей реструктуризации мир-системы она вновь, как и в XIII–XIX вв., должна стать мультицентричной.

Абу-Луход затронула вопрос о мир-системе, которая должна прийти на смену современной мир-системе. В статье “Реструктуризация досовременной мир-системы” (1990) она систематизировала свои взгляды на различия между мир-системой 1250–1350 гг., современной мир-системой и возникающей мир-системой XXI в. (см. табл.).

Три мир-системы (по Дж. Абу-Луход)⁹

Измерения	Система I	Система II	Система III
<i>Временное измерение</i>			
– период существования	XII–XV вв.	XVI–XX вв.	XXI в.
– пик системы	конец XIII в.	конец XIX в.	?
– период реструктуризации в следующую	XV в.	XX в.	?

⁸ Abu-Lughod J. Before European hegemony... P. 33.

⁹ Abu-Lughod J. Restructuring the premodern world-system. P. 283–284.

Измерения	Система I	Система II	Система III
<i>Технологическое измерение</i>			
– уровень	Низкий	Умеренный	Высокий
– степень распространения	Низкая	Умеренная	Высокая
– степень преодоления пространства	Низкая	Умеренная	Высокая
<i>Системная организация</i>			
– центральные субъекты	Много	Немного	Много
– степень доминирования	Низкая	Высокая	Низкая
– экономическая организация	Сосуществование различных типов	Одна гегемоническая форма	Альтернативные формы (?)
– единицы анализа	Города	Нации	Фирмы
<i>Пространственный образец</i>			
– природа пространства	В высшей степени ограничивающая	Препятствующая соотношению затрат времени	Однородная
– средства для путешествий	Корабли	Железные дороги/пар	Самолеты
– уровень внутрирегиональных различий	Высокий	Низкий	Растущий
– уровень межрегиональных различий (международное разделение труда)	Низкий	Высокий	Уменьшающийся
<i>Системная интеграция</i>			
– уровень ограничения	Умеренный, но возрастающий	Высокий, но неравномерный	Высокий и стремящийся к равномерности
– время ответа (примеры)	Десятилетия (“Черная смерть”)	Год (Великая депрессия)	Мгновенно (крах фондового рынка)

Измерения	Система I	Система II	Система III
<i>Принципы реструктуризации</i>			
	Переход от первой ко второй		Переход от второй к третьей
– непосредственные системные причины	Болезни, депрессия, войны		Депрессия, войны
– новые игроки	Европейские		Азиатские
– новые регионы	Атлантический		Тихоокеанский
– правила	Завоевание		Сосуществование (?)
– продукты	Промышленные		Информационные

Схема, изложенная в таблице, наглядно показывает то, что концепция Абу-Луход является структуралистской со всеми достоинствами и недостатками этой методологии.

Концепция Ф. Моулдер

Американская исследовательница Фрэнсис Моулдер практически неизвестна российскому научному сообществу. Она не самый плодовитый автор, но ее перу принадлежит весьма интересная книга “Япония, Китай и современная мировая экономика. К реинтерпретации развития Восточной Азии с 1600 до 1918” (1977)¹⁰, в которой была выдвинута оригинальная концепция, призванная объяснить различие путей развития двух великих азиатских стран — Китая и Японии. Опираясь на мир-системный анализ, Моулдер предприняла попытку выяснить, почему Япония, единственная страна их незападных, смогла стать промышленно развитой державой, тогда как Китай оставался отсталой полуколонией вплоть до 1949 г. Напомню, что с точки зрения Валлерстайна, Восточная Азия была последним макрорегионом планеты, который был интегрирован в мир-систему. Моулдер подчеркивает, что ее труд является социологическим, а не историческим. Книга Моулдер на русский язык не переведена.

¹⁰ Moulder F. Japan, China and the modern world economy. Towards a reinterpretation of East Asian development ca. 1600 to ca. 1918. Cambridge, 1977.

Моулдер подразделила все теории, объясняющие отсталость стран “третьего мира”, на две группы — теории традиционного общества и теории мировой экономики. Первые объясняли слаборазвитость незападных стран влиянием институтов традиционного общества, вторые — воздействием мировой капиталистической системы.

К числу сторонников первого подхода Моулдер причисляет М. Вебера. В этом же ключе трудились У. Ростоу, Т. Парсонс, Б. Мур и другие авторы, занимавшиеся изучением модернизации. Согласно этому подходу, причиной отсталости незападных стран было отсутствие политических, социальных и экономических предпосылок для развития современной промышленности. Социальная структура (наличие сословий, кланов, каст, гильдий, общинная солидарность, менталитет населения) препятствовала экономическому росту, ограничивала эффективное использование труда, блокировала географическую и социальную мобильность населения. Всесильная и коррумпированная бюрократия мешала развитию предпринимательства иррациональной и непредсказуемой политикой и тяжелыми налогами.

К сторонникам второго подхода Моулдер относит К. Маркса, приписывая ему точку зрения, согласно которой империализм был главной причиной отсталости Китая, что, с нашей точки зрения, неверно. Кроме того, к приверженцам этого подхода она причисляет американского экономиста П. Бэрна и представителей теорий зависимого развития. Моулдер разделяет этот подход и считает свою концепцию его развитием.

В своей книге Моулдер детально исследует особенности развития Китая династии Цин (1644–1911) и Японии периода сёгуната Токугава (1603–1868), социальные порядки обеих стран накануне инкорпорирования в мировую систему в середине XIX в. В первой половине XIX в. в Китае и Японии были очень схожие аграрные общества: сельскохозяйственная продукция давала примерно 70% национального дохода каждой из стран, 80–85% населения составляли крестьяне. Крестьяне производили свою продукцию в основном для собственного потребления, вели натуральное хозяйство. Основными отраслями ремесла были производство текстиля, хлопка, шелка, чая, масла, рисового вина, бумаги и т.д. Постепенно происходили рост производительности труда в сельском хозяйстве, рост населения, улучшение транспортной системы, экстенсивная коммерциализация, рост иностранной торговли, монетизация налоговой системы, преобразование статусной системы стратификации в классовую и т.д. Эти изменения в Японии начались позже,

чем в Китае, и были более интенсивными. В Китае экстенсивная коммерциализация началась задолго до начала правления династии Цин, а в Японии — только при сёгунате Токугава. В результате этих изменений крестьянские хозяйства в Японии перестали быть натуральными и стали работать на рынок, например, продавали сельскохозяйственные продукты, чтобы купить удобрения и т.д. В цинском Китае в отличие от ситуации в Японии крестьяне были полунатуральными хозяевами. Они продавали часть выращиваемого риса на локальных рынках, но только небольшая часть из них была полностью зависима от торговли. Из-за сильной локальной и региональной самодостаточности и высоких транспортных издержек национальный рынок в цинском Китае не успел возникнуть. Но в середине XIX в. его не было и в Японии.

В японской деревне с ростом коммерциализации богатые крестьяне становились богаче, чем самураи, получавшие рисовые стипендии от сёгунов и даймё. В Японии самураи составляли 6–7% населения, в Китае обладатели ученых степеней составляли 1,3% населения. Одной из причин быстрой коммерциализации Японии в последний период Токугавы была и урбанизация, связанная с переселением даймё и самураев в города, что в свою очередь было обусловлено стремлением режима Токугавы сделать города местами проживания даймё для того, чтобы их можно было контролировать. В конце XVIII — начале XIX в. в Эдо (Токио) жило более 1 млн человек, в Киото — 526 тыс., в Осаке — 380 тыс. человек. В Лондоне в 1750 г. жило 600 тыс., в Париже в 1755 г. — 526 тыс. человек¹¹. Япония была более урбанизированной страной, чем страны Европы того времени. К середине XIX в. в Японии уже сложились предпосылки для перехода к индустриальному капитализму.

Моулдер рассматривала и особенности государств Китая и Японии первой половины XIX в. Она подразделяет государства на три типа: феодальные, императорские и национальные. В феодальном государстве военная, финансовая и судебная власть находится в руках местной знати. Государственная власть была неотделимой от собственности на землю. Монарх выступал как *primus inter pares*^{*}, и его власть, как и власть других представителей аристократии, основана на собственности на огромные земельные владения и другие богатства. В императорском государстве военная, финансовая и юридическая власть не порождаются земельной собственностью, а находятся в руках центрального правительства, которое властвует

¹¹ Moulder F. Op. cit. P. 82.

* *Primus inter pares* (лат.) — “первый среди равных” (Прим. ред.).

с помощью аппарата чиновников. В национальном государстве также существует центральное правительство, которое опирается на административный аппарат. Национальное государство отличается от императорского государства бóльшей силой: в нем центральная власть располагает значительным контролем над чиновничеством и, следовательно, над прибавочным продуктом, производимым трудящимися классами. Центральное правительство осуществляет контроль над чиновничеством, потому что последнее организовано в форме рациональной бюрократии. Бюрократическая организация государственного аппарата предполагает два момента. Во-первых, чиновник всецело зависит от жалования, выплачиваемого правительством. В национальном государстве чиновники вербуются из числа лишенного собственности среднего слоя и трудящегося класса и потому они зависят от жалования. В императорском государстве чиновники в той или иной степени обладают прямым контролем над источниками доходов и их благосостояние не полностью зависит от их жалования в государственном аппарате. Чиновники императорского государства в отличие от чиновников национального государства мало зависят от правительства, мало поддаются контролю и надзору, потому что не являются бюрократами в полной мере. Во-вторых, иерархия чиновников подчинена правилам и уставам, а вышестоящая инстанция контролирует исполнение этих правил и уставов. В национальном государстве локальные сборщики налогов редко присваивают себе значительную часть налогов, поскольку их деятельность подчинена нормам и находится под постоянным контролем правительства. В императорском государстве большинство налогов остается у местных сборщиков, ибо отсутствует механизм контроля над ними. В этих рассуждениях Моулдер прослеживается влияние концепции рациональной бюрократии М. Вебера.

Китайское государство династии Цин было императорским. Но поскольку в императорском государстве контроль над чиновниками был весьма ограниченным и они могли присваивать большую часть прибавочного продукта, то оно характеризовалось тенденцией превращения в феодальное. Это происходило двояко: во-первых, чиновники постепенно присваивали себе государственную власть в таком объеме, что становились реальными собственниками территорий, которыми они управляли; во-вторых, местные высшие классы подчиняли себе местных чиновников с тем, чтобы они не могли больше подчиняться императорскому правительству. Это определило механизм известных династических циклов, которыми знаменита история Китая. В этом случае собственность высших классов освобождалась от налогов, а над крестьянством бремя на-

логов даже возрастало. Крупные землевладельцы обзаводились значительным количеством земли и превращали большую часть крестьян в своих арендаторов. В результате трансформации императорского государства в феодальное происходили масштабные общественные кризисы и войны, что всякий раз завершалось восстановлением императорской власти. В отличие от этого в Западной Европе государства после 1600 г. начали превращаться из феодальных в национальные.

Китайская административная система, писала Моулдер, была структурой правил, уставов, процедур, наказаний, вознаграждений и т.д. В Китае в XIX в. было 20 тыс. гражданских чиновников и 7 тыс. военных, а учеными степенями обладало более 1 млн человек¹². Здесь было 120 тыс. представителей высшего дворянства и 980 тыс. представителей низшего дворянства. Они-то и рассчитывали на 27 тыс. административных постов. Моулдер отмечала, что традиционный Китай был чиновничьим монолитом, способным блокировать все меры по модернизации страны. В организации чиновничества Китая отсутствовали признаки рациональной бюрократической структуры, такие как, во-первых, выплата жалования, во-вторых, контроль центра над деятельностью чиновников и кадровым составом. Китайские чиновники не были в полной мере ни оплачиваемыми, ни зависимыми от центрального правительства. Многие из чиновников происходили из высших классов землевладельцев и торговцев и располагали устойчивым доходом помимо жалования. Этим бюрократия старого Китая отличалась от современной западной. Чиновничество Китая не было бюрократическим, а императорское правительство не предпринимало попыток сделать его таковым. Для Китая была характерна не тотальная власть, а отсутствие власти. Об этом говорят частые случаи низвержения династий, в том числе и в результате народных восстаний.

Япония периода сёгуната Токугава в сравнении с Китаем была более децентрализованной, но и более бюрократической страной. В своих владениях даймё и самураи обладали бóльшим контролем над происходящими процессами, чем локальные китайские чиновники — над подвластными им территориями. В Японии было 17 тыс. чиновников — почти столько же, сколько в Китае, значительно превосходившем Японию по численности населения. Централизация феодальных доменов происходила двояко. Во-первых, самураи отделялись от земли и становились зависимыми от даймё стипендиариями. Накануне XV в. самураи были землевладельцами. Позже они были отделены от земли и переселены в города-

¹² Moulder F. Op. cit. P. 64.

замки даймё, стали получать от них рисовые стипендии в зависимости от размера земельных владений самураев. Моулдер пишет, что сёгуны и даймё имели бóльшую власть над самураями, чем китайские чиновники над крупными землевладельцами и дворянством. Во время финансовых кризисов стипендии сокращались, что вынуждало самураев влезать в долги, заниматься торговлей, ремеслом и т.д. Во-вторых, администрация доменов Токугавы развивалась от децентрализации к более бюрократической структуре. В начале династии Токугавы интенданты действовали как локальные чиновники в цинском Китае. Но в середине XVIII в. сёгуны урезали их власть и возможность самостоятельно эксплуатировать крестьян. Они редко могли передавать свои должности по наследству и превратились в представителей правительства сёгунов.

В середине XIX в. началось насильственное инкорпорирование Западом Китая и Японии в мировую экономику, развитие которой с 1800 по 1918 гг. Моулдер разделила на две фазы. В рамках первой (1800—1880) мировые связи были основаны на торговле между метрополиями и сателлитами, т.е. колониями и полуколониями. Продукты западной (британской) промышленности в эти страны ввозились, а вывозились из них “колониальные” товары (чай, шелк, рис и т.д.). Вторая фаза (с 1880 г.) предполагала, что мировые связи были основаны на инвестициях метрополий в колонии и полукolonии. В ходе этих фаз Китай интенсивно включался в мировую экономику (систему), Япония тоже входила в нее, но не столь активно. Это происходило, во-первых, потому, что другие страны (Китай, Индия, Индонезия и др.) были географически ближе к Западу, и на их освоение в первую очередь были обращены силы последнего. Во-вторых, на Западе считали, что Япония — более бедная страна, которая не обладает в необходимом количестве нужными товарами, представляет собой мёньший рынок для сбыта западных промышленных товаров, чем Китай.

Во второй фазе вслед за Великобританией индустриализацию осуществили другие страны (США, Германия, Франция, Россия), которые стали ее конкурентами. Конкуренция между западными нациями за мировые рынки сырья и сбыта резко обострилась. К этому времени армия и флот Японии благодаря индустриализации и модернизации уже окрепли, и добиться ее подчинения западным странам было сложно. В это же время китайское государство резко ослабло, и его вооруженные силы, как и в эпоху Опиумных войн, не могли быть серьезным противником для армий Запада.

Каковы были хозяйственные предпосылки включения Китая в мировую экономику? Моулдер пишет, что в конце XVIII — начале XIX в. торговые отношения Китая с Великобританией и другими

западными странами тотально трансформировались. Великобритания интенсифицировала торговлю с Китаем, приобретая товары массового спроса и прежде всего чай, который из предмета роскоши, которым он был в XVII в., в XIX в. превратился в предмет повседневной необходимости для массового британского потребителя, в национальный британский напиток. Для того чтобы покупать китайский чай, Великобритания нуждалась в серебре, которое она могла получить, только ввозя в Китай индийский опиум. Правительство Китая из опасения разложения чиновников, солдат и офицеров, которые в первую очередь становились курильщиками опиума, сопротивлялось его импорту. Наркоманами стали от 10 до 20% столичных и от 20 до 30% провинциальных чиновников. Наибольшую опасность для Цинской династии представляло массовое опиумокурение в среде солдат и офицеров “восьмизнаменных” и “зеленознаменных” войск — главной военной опоры династии Цин. Опиум ослаблял государственную машину императорского Китая, подрывал его возможности противостоять народным восстаниям и вторжениям европейских держав. Борьба цинского правительства против ввоза британцами индийского опиума привела к двум Опиумным войнам — 1840—1842 гг. и 1858—1860 гг. В результате этих войн были заключены неравноправные договоры, предполагавшие со стороны Китая уступки территорий (Гонконг), открытие портов для свободной торговли с Западом, снижение таможенных тарифов, установление экстерриториальных анклавов, в которых западные граждане были неподсудны китайским судам, легализацию торговли опиумом и, наконец, свободу действий для христианских миссионеров, выступавших как идеологические агенты Запада. После 1870 г. Великобритания начала выращивать в крупных масштабах чай в Индии, индийский чай вытеснил китайский на британском и других западных рынках, интерес к китайскому чаю стал уменьшаться.

После завершения индустриализации в Великобритании ключевой отраслью ее экономики стала текстильная промышленность, для британского текстиля был необходим рынок сбыта, каковым и стал китайский рынок. Британский промышленный экспорт приводил к разорению местного ремесла, китайская экономика подталкивалась к сырьевой и аграрной ориентации. В силу колебаний мировых цен на сырье стало невозможно осуществлять накопление капитала.

Япония включилась в мировую экономику по-другому и с другими последствиями. Она также была принуждена пойти на заключение неравноправных договоров, которые предполагали открытие портов и начало торговли с Западом. Но условия открытия

Японии для Запада для нее самой были более мягкими. В них содержался запрет импорта опиума, не было предусмотрено свободы перемещений и действий для иностранцев, торговцев и миссионеров, не предполагалось уступок территории. В силу того что западные державы были заняты освоением Китая и других стран, а также разрешением противоречий друг с другом, Япония осталась автономной по отношению к мировой капиталистической системе и смогла мобилизовать свои внутренние ресурсы для осуществления ускоренной модернизации, опирающейся на мощь государства. Торговля Японии с Западом была незначительной и не касалась товаров массового спроса. У западных держав не было серьезного интереса к японскому чаю, рису и шелку. Помимо Великобритании, с Японией торговали США, но они проявляли мало интереса к японскому чаю, будучи более заинтересованными в торговле с кофепроизводящими латиноамериканскими странами. Запад не делал значительных капиталовложений в экономику Японии, не возникло и политической зависимости последней от Запада.

Итак, насильственное включение в мировую экономику наглядно продемонстрировало слабость Китая и Японии и подтолкнуло их власти к попыткам индустриализации и модернизации. Как полагает Моулдер, важнейшим орудием преобразований в этом случае могло быть только государство. В Китае и Японии не хватало частных капиталов для финансирования развития промышленности. Основными функциями государства в эпоху индустриализации были, во-первых, развитие промышленности и инфраструктуры посредством поощрения капиталистического накопления, колониальной экспансии и защиты национальной промышленности путем политики протекционизма, во-вторых, развитие национального рынка, в-третьих, создание дисциплинированного промышленного пролетариата. Во всем этом преуспели только власти Японии, усилия правительства Китая завершились крахом. Как это объясняет Моулдер?

Моулдер полагает, что в Японии в эпоху Мейдзи сложилось сильное централизованное рационально-бюрократическое государство, которое было в состоянии осуществить индустриализацию и модернизацию страны, тогда как в Китае государство слабело и распадалось. В Японии государство смогло установить и усилить контроль над территорией, над всем обществом. В Китае во второй половине XIX в. централизованное бюрократическое государство не только не возникло, но и существовавшее небюрократическое императорское государство ослабло, обнищало и потеряло контроль над своими территориями. Причиной этого стало то, что императорское государство Китая испытало ряд мощных ударов

со стороны крестьянских восстаний, самым значительным из которых была великая крестьянская война тайпинов 1851—1864 гг., в результате которой погибло множество людей, уничтожены материальные богатства, ослабли центральные власти, а локальные во главе с местными феодалами и чиновниками — усилились. В Японии таких разрушительных восстаний не было.

Причиной восстания тайпинов Моулдер считает резкое ухудшение социально-экономического положения китайских социальных низов, что, в свою очередь, было обусловлено последствиями ввоза британцами опиума в Китай. В результате этого произошло резкое обесценение медных денег, что привело к увеличению налогового бремени на рядовых налогоплательщиков (поскольку они свои доходы получали медью, а платили налоги серебром), росту арендной платы за землю и, следовательно, снижению реальных доходов китайских трудовых низов. Кроме того упали цены на рис и другие основные продукты крестьянских хозяйств, что заставляло крестьян продавать большую часть урожая, чтобы заплатить налоги. Обнищание масс стало причиной деклассирования и бандитизма, создало социальную базу для восстания тайпинов.

В Японии правительство субсидировало промышленность, осуществляло промышленные проекты, формировало банковскую систему, гарантировало прибыли промышленникам, защищало национальную промышленность, облагая таможенными пошлинами импортную продукцию. Моулдер указывает, что текстильная, металлургическая, сахарная и другие отрасли японской промышленности развивались с помощью пошлин. Японское государство проводило политику колониальной экспансии: к 1910 г. был установлен контроль над Тайванем, Кореей, Южным Сахалином, позже — над Маньчжурией и Северным Китаем. Колониальные захваты давали японской промышленности рынки сбыта и источники сырья, что стимулировало развитие кораблестроения и военной промышленности.

Власти цинского Китая в 1860—1870-х гг., как и правительство Японии периода Мейдзи, пишет Моулдер, стремились проводить политику протекционизма и индустриализации, но финансовых и бюрократических возможностей у них было значительно меньше, чем у властей Японии. Причинами этого были иностранный контроль над Китаем и ослабление императорского государства. Китайское правительство из-за вмешательства Запада упустило из-под своего контроля налогообложение, например, таможи в морских портах были в руках иностранцев, отсутствовала централизованная фискальная система, что не позволило накопить капиталы для финансирования индустриализации. Китайское государство осуществляло

некоторые промышленные проекты, особенно в военной промышленности, но этого было недостаточно. Китайские власти не контролировали западные инвестиции, например, в строительство железных дорог. В отличие от Китая в Японии государство контролировало все источники доходов, включая земельный налог и пошлины на ввозимые товары. Неравноправные договоры, отчуждение территорий в пользу Запада, экстерриториальность западных концессий, неподсудность иностранцев китайским судам подрывали возможности китайского государства. Отсутствие колоний у Китая также препятствовало его капиталистической индустриализации. Моулдер резюмирует: «Сравнивая Китай и Японию, мы видим, что проблема была не в том, что Китай был слишком бюрократическим, а в том, что он был недостаточно бюрократическим. Япония стала современным, бюрократическим, национальным государством; в Китае происходила децентрализация вследствие вовлечения в мировую экономику. Вопреки этому были предприняты усилия для осуществления национальной индустриализации. Ввиду подчиненной международной позиции Китая в это время, то, что эти усилия потерпели крах, было неудивительно»¹³. Итак, повторим: возможности поощрения накопления капитала в промышленности Китая были ограниченными не потому, что Китай был бюрократическим и централизованным, а потому, что он таковым не был. Попытки поощрения модернизации Китая были блокированы его интенсивным инкорпорированием в мировую экономику. Его индустриализация была отложена до периода после революции 1949 г.

Концепция Моулдер, как и концепция Абу-Луход, является структуралистской. Моулдер рассматривает развитие Китая и Японии как структуру, состоящую из трех структур — 1) мировой экономики, 2) государства и 3) классовой структуры. В отличие от этого Абу-Луход выделяла только одну структуру — мир-систему. В этом смысле концепция Моулдер сложнее. На структурализме построен, впрочем, весь мир-системный анализ. Концепции Абу-Луход и Моулдер разделяют все достоинства и недостатки мир-системного анализа¹⁴. Они справедливо указывают на интеграцию человечества, которая началась еще в Античности, на большое значение становления подлинно всемирной истории. Но оба автора абсолютизируют сферу обращения (торговлю и финансы), т.е. поверхностные связи, и недооценивают сферу производства. В XIII в.

¹³ Ibid. P. 197.

¹⁴ См. об этом: Рахманов А.Б. К критике мир-системной теории И. Валлерстайна // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2005. № 4. С. 65–81.

(и тем более ранее) между различными странами существовали только слабые поверхностные связи, которые не определяли их развитие. Интеграция человечества на самом глубоком, существенном уровне — уровне производства — начинает возникать только в XX в. Отсюда другой недостаток этих концепций — модернизация прошлого. Объяснить быстрое капиталистическое развитие Японии и отсталость Китая можно только на основе исследования докапиталистических способов производства, существовавших в этих странах к середине XIX в. К этому времени в Японии уже существовало общество зрелого и даже “перезревшего” феодального способа производства, в недрах которого уже интенсивно формировались капиталистические отношения, а в Китае был стагнирующий феодализм.

Большое значение имеет и то, что рассмотренные выше концепции Абу-Луход и Моулдер лежат в русле исторической социологии — важной социологической субдисциплины, бурно развивающейся в мире в последние десятилетия и, к сожалению, недостаточно известной в России. В рамках исторической социологии, кстати, разворачивается научное творчество и самого И. Валлерстайна. Значение концепций Дж. Абу-Луход и Ф. Моулдер для отечественного социологического сообщества заключается, среди прочего, и в том, что они показывают подлинные очертания современной мировой социологии. Поиск закономерностей социальных процессов далекого прошлого — это тоже социология. Необходимо преодолевать характерный для отечественной социологии культ настоящего и современного, поскольку понять глубинные закономерности общественной жизни можно только лишь в единстве прошлого, настоящего и будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Рахманов А.Б. К критике мир-системной теории И. Валлерстайна // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2005. № 4. С. 65–81 (Рахманов А.Б. К критике мир-системной теории И. Валлерстайна // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Sociologija i politologija. 2005. N 4. S. 65–81).

Abu-Lughod J. Before European hegemony. The world system A.D. 1250–1350. N.Y.; Oxford, 1989.

Abu-Lughod J. Restructuring the premodern world-system // Review (Fernand Braudel Center). 1990. (Spring). Vol. 13. N 2. P. 273–286.

Abu-Lughod J. The shape of the world system in the thirteen century // Studies in Comparative International Developments. 1987–1988. Winter. Vol. 22. Is. 4. P. 3–25.

Moulder F. Japan, China and the modern world economy. Toward a reinterpretation of East Asian development ca. 1600 to ca. 1918. Cambridge, 1977.

Wallerstein I. The modern world-system, I: capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the sixteenth century. N.Y.; San Francisco; L., 1974.

С.А. Батуренко, канд. социол. наук, доц. кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ЭЛИТОЛОГИЯ: СТАНОВЛЕНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

S.A. Baturenko

MODERN RUSSIAN ELITOLOGY: FORMATION AND CURRENT STATE

В статье рассматривается исследование элиты в современном российском обществе, как одно из основных направлений изучения социальной структуры, актуальных вопросов, решаемых школой отечественной элитологии.

Ключевые слова: элита, социальная стратификация, современное российское общество, социальная структура.

In article research of elite in modern Russian society, as one of the main directions of studying of social structure, about the topical issues resolved by school of a domestic elitology is considered.

Key words: elite, social stratification, social structure, modern Russian society.

Проблема выявления реального состояния социальной структуры современного российского общества продолжает быть актуальной в настоящее время. Начавшиеся еще в 1990-е гг. процессы трансформации характеризовались появлением новых оснований социальной стратификации, формированием иного соотношения классов и социальных групп, возрастанием различий в экономическом положении, культуре, статусе. Началом трансформационного процесса стали изменения социальной природы, осуществляемые посредством разрушения старых и создания новых социальных структур и институтов. Изменились многие привычные константы прежней жизни, установки исчезающей системы социальной стратификации. Пытаясь осмыслить новую социальную реальность, отечественные исследователи активно взялись за изучение трансформации российского общества, представлявшей собой множество сложно переплетающихся процессов: экономических, политических, социальных. Российские ученые, обратившие внимание на проблему изменения социальной структуры, старались выяснить не только общий характер ее перестройки. Основной целью

данных исследований было выявление целостной картины системы социальной стратификации, факторов ее формирования, особенностей и тенденций развития. Отечественная социология много сделала для исследования проблемы трансформации социальной структуры и добилась больших успехов, о чем свидетельствуют опубликованные монографии, научные статьи, проведенные конференции и круглые столы, а также множество известных имен ученых-социологов. Благодаря стараниям последних были выявлены и основные проблемы социальной стратификации, главные направления теоретического и практического интереса.

Одним из основных направлений исследования современной социальной стратификации в отечественной социологической науке стало изучение элит. Известно, что в нашей стране в явной форме исследований элиты не было до 1989 г. В конце 1980-х гг. как в научной литературе, так и в публицистике отчетливо наблюдается повышение интереса к высшим слоям иерархически упорядоченного российского общества.

Вопрос об определении закономерностей, особенностей становления и развития элитных слоев ставился не только с точки зрения выявления одной из составляющих общей картины социальной стратификации или с точки зрения прогностической функции науки, определяющей перспективы дальнейшей судьбы и развития общества. Научный интерес, обращенный к исследованию элит, в числе прочего был обусловлен определенными методологическими посылами, в основании которых лежит представление о том, что возникновение стратификации происходит не посредством разделения целого на части, как это часто представлялось в научной социологической литературе XX в., а через дифференциацию и замыкание высшего слоя. Как утверждал Н. Луман, только высший слой пользуется особой изоэренной семантикой, специфическими самоописаниями, генеалогиями и осознает свои характерные признаки. “Поэтому и в исторической перспективе верхний слой распознать легче, нежели нижний. И если в первом случае гомогенность зависит от изоэренных критериев, то во втором случае она получается из того, что этот слой существует на грани прожиточного минимума. Высший слой обладает возможностью выбора по отношению к образу жизни, стилю и вкусу. Нижний слой имеет дело с необходимостью”¹.

Естественным и очевидным является тот факт, что в России глубокие политические и социально-экономические потрясения и

* Батуренко Светлана Алексеевна, e-mail: level_s@rambler.ru

¹ Луман Н. Общество общества. Кн. 4: Дифференциация. М., 2011. С. 101–102.

трансформации, формирование рыночных отношений и возникновение новых социальных слоев обусловили огромный интерес исследователей к проблеме изучения элитных групп. Однако и сами исторические особенности развития российского общества и специфика складывающихся систем стратификации способствовали тому, что отечественные ученые обратили внимание на особую роль власти в образовании этих систем. В истории развития социальной мысли в России этот значимый фактор всегда вызывал большой интерес. Исходя из этого, можно говорить об исторически сложившемся особом интересе к исследованию элит в российском обществе. Одна из современных исследовательниц, О.В. Гаман-Голутвина, в результате анализа сложившихся к 2000-м гг. отношений между федеральной и региональной элитами, приходит к выводу, что и в настоящее время “преклонение перед силой остается доминирующей установкой поведения и центральной и региональных властей, и населения, так как в нашем обществе по-прежнему нет граждан, а есть лишь подданные”².

Отечественные социологи обратились к исследованию социальных слоев, участвующих в разработке и принятии решений в финансово-экономической, политической, социальной и других областях общественной жизни и с точки зрения необходимости изучения интересов, действий элитных групп, способных привести в том числе к трагическим последствиям, уже имевшим место в истории и изменившим направление развития российского общества. Проанализируем основные достижения отечественной социологии в области исследования данной проблемы.

Элита в современной социологической науке определяется как высший уровень в системе стратификации (независимо от оснований этой стратификации) в обществе, под элитой подразумеваются привилегированные группы. В советское время данная проблематика в смысле указания на привилегированность не разрабатывалась. С одной стороны, советские исследователи, опираясь на методологию марксизма, утверждавшего существование экономических классов, а также ориентируясь на стирание социально-классовых различий, отрицали само существование элиты. С другой стороны, следует признать, что изучение советских элит все-таки осуществлялось, но специфическим образом. Интерес для исследователей представляли слои научной элиты — интеллигенции, или слои номенклатурных служащих высшего звена. Принимая во внимание существование такого научного интереса и связанных с ним из-

² Гаман-Голутвина О.В. Бюрократия или олигархия? // Куда идет Россия?... Власть, общество, личность. М., 2000. С. 167–168.

вестных исследований и имен ученых, в отечественной социологической литературе чаще ссылаются на официальную идеологию, существовавшую в Советском Союзе. В соответствии с этой идеологией отрицалось существование в СССР эксплуатации человека человеком, а также эксплуататорских классов, а это означало, что в таком обществе нет и не может быть элиты.

Тем не менее, как уже говорилось, исследования элиты Советского Союза велись не только некоторыми отечественными учеными, но и учеными других стран, среди которых в первую очередь следует отметить известного английского философа Б. Рассела, побывавшего в России в 1920 г. и на основании своих впечатлений написавшего работу “Практика и теория большевизма”³. Другим таким специалистом был югославский политический деятель М. Джилас, известный своими работами, содержащими описание характерных черт обществ социалистического типа и особенностей элитного слоя⁴. Опубликованная в 1957 г. работа Джиласа “Новый класс: анализ коммунистической системы” принесла автору не только годы заключения, но и широкую известность, поскольку была переведена на 40 языков и вызвала интерес за пределами социалистических стран. Публикация этой работы способствовала тому, что ее автора стали называть популяризатором концепции “нового класса”, под которым понималась партийная номенклатура, правящая в коммунистических странах.

В работах Джиласа описывается существование при советской власти высшей социальной страты, выполнявшей управленческие функции и обладавшей институциональными привилегиями и всеми атрибутами элиты. В качестве главной особенности этого “нового класса” Джилас называет природу эксплуатации граждан, осуществляемой элитой не посредством частной собственности на средства производства, а посредством коллективной собственности на само государство. Идеи “нового класса” Джиласа получают развитие и подвергаются критике в работах венгерского социолога И. Селеньи и его соавтора, венгерского писателя Д. Конрада, популяризирующих с автором теории “нового класса”⁵.

Наиболее известные исследования существующих теорий элит и реальных элитных групп появляются в отечественной социологии в 1980-х гг. и носят преимущественно критический характер.

³ Рассел Б. Практика и теория большевизма. М., 1991.

⁴ Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992; Он же. Беседы со Сталиным. М., 2002.

⁵ Конрад Д., Селеньи И. Интеллигенция и власть в посткоммунистических обществах // Венгерский меридиан. 1991. № 1; Селеньи И. Интеллигенция и власть: опыт Восточной Европы. 1960–1980-е гг. // Рубеж. 1995. № 6–7.

Такие исследователи, как Г.К. Ашин, Ф.М. Бурлацкий, П. Гуревич⁶ начинали свои фундаментальные исследования с анализа теоретических основ проблемы. Особенностью разработок данных авторов оказалось обнаружение в теориях элит инструмента, позволяющего легитимировать эксплуататорский характер общественных отношений. В процессе анализа западных теорий основными предметами критики зачастую становились разрозненность суждений по вопросам элит у западных теоретиков, а также главная идея — идея необходимости существования элиты в любом обществе. Подобное критическое отношение отечественных социологов можно объяснить идеологическими особенностями марксизма-ленинизма, утверждающего, что народные массы — это творцы истории, а такая позиция противоречила основным установкам сторонников теории элит.

Несмотря на критичное отношение отечественных ученых к теории элит они-таки заложили основы формирования российской элитологии как самостоятельной социологической дисциплины, изучающей страту, поставляющую лидеров, страту, существование которой раскрывает процесс социально-политического управления в обществе, описывает тот социальный слой, который непосредственно осуществляет это управление⁷. Так Г.К. Ашин, один из известных и признанных специалистов в области элитологии, сначала критиковал теорию элит, а впоследствии стал основателем отечественной элитологии. Он очень много сделал для становления и развития этой области социологического знания: осветил широкий спектр проблем, занимался вопросами исторических предпосылок развития элитистских идей на Западе и в России, по разным критериям классифицировал западные теории элит, выделил хронологическую классификацию размышлений отечественных социологов о высшем слое.

Школа российской элитологии приняла отчетливые очертания в последние 25 лет. Правда, надо заметить, что термин “элитология” — российская новация, введенная в научный оборот в 1980-х гг. и получившая широкое распространение в 1990-х. С конца 1980-х гг. и до настоящего времени поднимаются самые разные вопросы в поле данной проблематики. В 1980–1990-х гг. начинаются активные эмпирические исследования правящих структур. Так, О.И. Шкаратан и Ю.Ю. Фигатнер проводят исследование состава членов ЦК КПСС в период 1966–1986 гг. Ученым удалось выявить при

⁶ Ашин Г.К. Современные теории элиты: критический очерк. М., 1985; Ашин Г.К., Понделков А.В. Основы политической элитологии. М., 1999; Ашин Г.К. Курс истории элитологии. М., 2003.

⁷ Карабуценко П.Л. Антропологическая элитология. М.; Астрахань, 1999.

этом, что 72% членов ЦК КПСС были выходцами из низших слоев. Около 12% не имели высшего образования, что позволило исследователям сделать вывод о неготовности элиты к осуществлению перестройки именно в силу своей некомпетентности⁸. С тех пор научная дискуссия ведется вокруг следующих вопросов: о необходимости операционализации понятия “элита” в российских условиях; о смене элит в 1990-х гг.; о качестве элит и связанной с этим применимости самого термина “элита” к политическому и экономическому руководству; об окончательной сформированности или несформированности элитных слоев и их гомогенности или гетерогенности; о степени отчуждения между элитой и народом; о соотношении интересов элиты и народа, элиты и государства; о рекрутировании и воспроизводстве элиты; о существовании транснациональной, глобальной элиты; и многие другие.

История развития российской элитологии пока еще не слишком богата, однако, благодаря стараниям ученых проблемное поле разработано достаточно широко. Существует огромное количество теоретических историко-социологических исследований, составляющих основу исследований эмпирических. По-прежнему наблюдается большой интерес к исследованию теоретического наследия, предлагаемого историей науки. Отечественные социологи проводят тщательный анализ основных положений теорий элит, разработанных на разных этапах развития.

Поскольку проблемы политической власти всегда были в центре внимания ученых-обществоведов, социологов разных лет и стран, в истории социологии и социально-политической мысли накоплено огромное количество научной информации. Особенно остро эти проблемы прослеживаются на рубеже XIX–XX в., что объясняется восхождением человечества на новый этап развития, произошедшими качественными изменениями во взаимоотношениях масс и элитных групп, обладающих властью. В высшей степени сохраняется актуальность изучения и использования основных положений теории элит в процессе анализа социально-политических проблем современного общества, изучения проблемы неравенства, особенностей социальной структуры конкретных обществ в конкретный исторический период. Теория элит имеет определенные преимущества и безусловно является методологически значимой для изучения проблемы социальной стратификации. Тем не менее несмотря на объективную значимость нельзя сказать, что теория элит достаточно изучена в отечественной науке. Современные теоретические

⁸ Шкаратан О.И., Фигатнер Ю.Ю. Старые и новые хозяева России // Мир России. 1992. № 1.

исследования чаще встречаются в дипломных работах и диссертациях и реже оказываются опубликованными. Не теряют своей актуальности такие исследовательские задачи, как выявление причин зарождения теорий элит, их генезис, концептуальные модели элиты, их классификация и типология, а также многие другие проблемы, описанные в трудах авторов первого этапа развития данных теорий — XIX в. — В. Парето, Г. Моски и Р. Михельса, и второго этапа — с начала XX в. и до настоящего времени — Р.Ч. Миллза, Т. Боттомора, Д. Белла и многих других.

Еще больший интерес вызывают проблемы реального существования элиты в современном российском обществе. В настоящее время многие отечественные исследователи обращают внимание на особую роль власти в формировании систем социальной стратификации. Учитывая специфические характеристики российского общества, вполне логично, что этот фактор приобрел особое значение. Обладание властью открывает доступ к привилегиям, богатству, престижу и другим ресурсам, выступающим в качестве эксклюзивных, и способствующих закрытию границ элитных слоев. Так можно объяснить и особый открытый интерес к исследованию элит в российском обществе. Широко известны такие исследователи данного направления, как Г.К. Ашин, Ф.М. Бурлацкий, П.С. Гуревич, Ю.Ю. Фигатнер, А.Г. Здравомыслов, Л.А. Беляева, В.В. Радаев, О.И. Шкаратан, И.И. Подойницына, Т.И. Заславская, Н.Ю. Лапина, О.В. Крыштановская, А.Е. Чирикова, Е.В. Охотский, К.И. Микульский, О.В. Гаман-Голутвина и др.

Несмотря на то что обозначились основные направления научного интереса элитологии, очень сложно классифицировать исследования российских элитологов по темам и основным вопросам. Возможно это связано с тем, что начиная с 1990-х гг. и до нашего времени вопросами элит занимаются в основном одни и те же исследователи. С течением времени их интересы в области данного проблемного поля расширились, поэтому почти каждый известный социолог, занимающийся изучением элит, рассматривал историю теории, содержание понятия “элита”, характер российской элиты, ее связь с советской номенклатурой, каналы мобильности элиты, механизмы ее рекрутирования, внутреннюю структуру элиты, особенности экономической и политической элиты. Вполне логично, что предмет интереса изменялся в соответствии с конкретными событиями, происходящими в государстве и обществе, но предложить какую-либо тематическую классификацию, отражающую хронологические и идейные вехи, сложно.

Описывая складывающуюся систему социальной стратификации, а также положение в этой системе элитных слоев, современ-

ные авторы часто начинают с анализа социальной структуры российского общества в его советский период, поскольку это создает возможность наиболее адекватного понимания ее настоящего состояния. Опираясь на опыт зарубежных специалистов в области исследования социальной стратификации обществ советского типа, в частности на польскую (С. Оссовский, С. Новак, В. Весоловский, З. Бауман, Е. Вятр) и чешскую социологию (П. Махонин), отечественные ученые проводят собственные исследования, выявляя компоненты социального статуса, реально существовавшие социальные слои, вписывающиеся в целостную, специфическую, многофакторную типологию элементов социальной структуры российского общества советского периода. Российским социологам удалось определить сущность советской социетальной системы в целом, а также главные характеристики, составляющие первооснову общества данного типа и определяющие состояние системы стратификации.

В работе “Социальная модернизация в России в конце XX века” Л.А. Беляевой существовавшая в Советском Союзе сословно-иерархическая структура описана как структура тоталитарного общества, которое не допускает самостоятельного развития никаких иных форм собственности кроме государственной, а все виды экономической деятельности связаны с последней или находятся под ее влиянием. Отечественные социологи часто подчеркивают, что государственная собственность создает жесткую вертикаль иерархических отношений, при которой обладание властью дает право распоряжаться собственностью и участвовать в процессе ее распределения. Л.А. Беляева пишет: “В подобном обществе нет реальных классов в силу отсутствия экономических основ для их существования. Здесь нет реального собственника и нет свободного наемного работника, материальное положение зависит исключительно от принадлежности к определенной ступеньке в социальной иерархии”⁹. Исследователь отмечает, что при сословно-иерархической структуре единственным субъектом, побудителем и направляющей силой развития является верховная власть в лице бюрократии, номенклатуры, партийных комитетов или верховного правителя. Остальные члены общества при этом описываются как аморфная, пластичная масса, лишенная свободы выбора своего направления экономического, политического, духовного поведения и самовыражения, выполняющая указы и распоряжения, подражающая транслируемым сверху образцам. Часть общества, не входящая

⁹ Беляева Л.А. Социальная модернизация в России в конце XX века. М., 1997. С. 62.

в элиту, описывается многими исследователями, как слабо дифференцированная в социальном отношении, поскольку в результате отчуждения от собственности и власти она не является реальным заметным субъектом социальной активности. В ходе рассмотрения возможности социальной мобильности данного периода чаще отмечается существование возможностей преимущественно горизонтальных перемещений, носящих как правило профессиональный характер и не меняющих социальных позиций в общественной иерархии. В реальности социальные позиции классической «трехчленки» (рабочие, крестьяне, интеллигенция) отличались незначительно, чем объяснялась уравнительность в потреблении, невысокий жизненный стандарт, затруднения возможности перемещения в верхние слои общества. Другие исследователи утверждают более гетерогенный состав основной массы населения, а также относительно открытый характер существующей социальной мобильности, основанный на соблюдении особых сложившихся условий и правил. В целом отечественные социологи характеризуют советское общество как этакратическое, рассматривая этакратизм в качестве особой социально-экономической системы и самостоятельной ступени развития.

Исследователи социальной структуры общества советского периода и его элитного слоя приходят к выводу о сложившемся в этом обществе с годами механизме самовоспроизводства элиты. Проникая в сущность сложившейся системы такого самовоспроизводства, ученые выявляют наличие горизонтальных и вертикальных связей, особых неписаных правил аппаратной игры, обуславливающих соблюдение определенного типа поведения, а вместе с тем и принадлежность к властной элите. Элита такого общества основывается на особой системе привилегий, которая юридически не закрепляется, не наследуется, но традиционно распространяется и на потомков. Таким образом, отечественные исследователи четко указывают на выделенные ими характерные черты элиты, такие как кастовость и корпоративизм. Элита представлялась абсолютно замкнутым слоем, в котором ротация кадров осуществлялась по строго определенным правилам, а появление новых, незнакомых лиц исключалось.

В 1990-х гг. начинается процесс трансформации социальной структуры советского общества, часто называемой «сословной», «тоталитарной», «кастовой». Этот процесс сопровождался изменениями элитного слоя или слоев, когда особую актуальность приобретает вопрос о гетерогенности элиты. Появляется открытая глубокая имущественная дифференциация, начинается формиро-

вание классовой структуры, сопровождающееся изменением привычной статусной определенности.

Если под элитой понимать людей, обладающих каким-либо видом власти — экономической, политической и др., — то очевидным является тот факт, что соединение реальной власти, авторитета и богатства даже в какой-то одной из сфер жизни (политике, науке, искусстве и других) встречается нечасто. Так, одна из исследовательниц, отмечающих этот факт в своей работе «Общество открытых классов: очерк о моделях социальной структуры», И.И. Подойницына пишет: «Более правдоподобны образы полунисшего поэта-гения и меценатствующего, посредственного в творческом плане миллионера, нежели сочетание и того, и другого (таланта и богатства) в одном лице. Вот почему понятие элиты столь же многозначно в своих интерпретациях, как и понятие стратификации»¹⁰.

Естественно, прежняя элита, существовавшая в советском обществе (политическая, экономическая, культурная, военная и др.), претерпела в рассматриваемый период значительные изменения. Особое внимание в 1990-е гг. отечественные социологи уделяли трансформации экономической и политической элит, оказавшихся наиболее влиятельными в обществе, в связи с чем встал вопрос об их соотношении, влиянии друг на друга, взаимопроникновении и однородности. Л.А. Беляева изображает политическую и экономическую верхушку как два сообщающихся сосуда в элитном слое. «Есть все основания полагать, — пишет Л.А. Беляева, — что в России существует определенное единство экономических и политических элит и явно выражено стремление к усилению функции экономического управления со стороны аппарата»¹¹. Реализовалось оно в разнообразных формах, в том числе путем «номенклатурной приватизации».

Широко известны исследования другого отечественного элитолога Н.Ю. Лапиной, внимание которой в конце 1990-х гг. сконцентрировалось на хозяйственном аспекте проблемы. Работа Н.Ю. Лапиной «Российские экономические элиты и модели национального развития» посвящена формированию российских экономических элит как одной из самых актуальных проблем того времени. Исследователь отмечает, что в классической социологии под элитой обычно понимается немногочисленная, хорошо организованная, сплоченная, обладающая особым социальным стату-

¹⁰ Подойницына И.И. Общество открытых классов: очерк о моделях социальной структуры. Новосибирск, 1999. С. 34.

¹¹ Беляева Л.А. Указ. соч. С. 64.

сом группа. Представители этой группы пользуются “общественным престижем”, а принятые в ее среде модели поведения признаются населением в целом и воспроизводятся в качестве образца. По мнению Н.Ю. Лапиной, если строго придерживаться данного определения, то в современной России экономической элиты не существует. Подтверждается этот тезис двумя неоспоримыми фактами. Во-первых, исследователь отмечает гетерогенность элиты как социальной группы, осознавшей свои базовые интересы, и ее разделение на различные по величине и масштабам сегменты. Во-вторых, отсутствие у ее представителей общественной легитимности, а их образ жизни и поведение воспринимаются массовым сознанием как “чуждые” или даже “враждебные”.

Однако вместе с тем Н.Ю. Лапина утверждает, что “если в современной России экономическая элита в ее классическом понимании отсутствует, здесь сформировались мощные отраслевые и региональные группировки, занимающие ключевые позиции во владении и распоряжении собственностью, в большей или меньшей степени сплоченные и осознающие собственные интересы”¹². Их руководители, по мнению исследователя, могут быть отнесены к российским экономическим элитам. В частности, такими представителями новой экономической элиты можно считать руководителей гигантских корпораций, охватывающих всю или часть отрасли, либо отдельных предприятий. Рассматривая структуру российской экономической элиты, исследователь замечает ее обусловленность структурой национальной экономики, в которой как и в советские времена господствуют гиганты.

Учитывая наблюдаемое соответствие, Н.Ю. Лапина объясняет структуру экономических элит в российском обществе. В качестве самой сплоченной и влиятельной, утверждает исследователь, выступает газовая элита. Второе место в списке российских экономических элит, по мнению исследователя, принадлежит нефтяной элите. Также особое внимание уделяется относительно новому сегменту российской экономической элиты, каковым является сложившаяся за период экономических преобразований банковская элита. Кроме того к российским экономическим элитам отнесены и руководители некоторых приспособившихся к работе в рыночных условиях отраслей и предприятий военно-промышленного комплекса.

Другой известный исследователь трансформационных процессов российского общества, Т.И. Заславская в своей работе “Современ-

¹² Лапина Н.Ю. Российские экономические элиты и модели национального развития. М., 1997. С. 5.

ное российское общество: социальный механизм трансформации” анализирует существование современной элиты. Она исходит из того, что под правящей элитой понимается совокупность индивидов и групп, обладающих либо официальными полномочиями, либо неформальными возможностями принимать решения общегосударственного уровня. По мнению Т.И. Заславской, наиболее значимым ресурсом правящей элиты России является политический капитал или власть, дающая легитимное право управлять собственностью и финансами государства. Как и другие исследователи, Т.И. Заславская, начиная с рассмотрения элиты советского периода, выявляет сходство и различия с элитными слоями современного российского общества. “Современная правящая элита России отличается от советской многими важными качествами: в частности, генезисом, социально-профессиональным составом, внутренней организацией, политической ментальностью, характером отношений с обществом и уровнем реформаторского потенциала”¹³. Т.И. Заславская приходит к выводу о частичной смене и перегруппировке персонального состава российской элиты, произошедших в результате изменения механизмов рекрутирования.

Исследователь описывает факторы и основные механизмы формирования элитных слоев в российском обществе. Главным фактором пополнения правящей элиты, по мнению Т.И. Заславской, было зарождение крупных частных капиталов, а главным «механизмом их формирования оказалась латентная (в 1986–1991 гг.), а затем открытая (в 1992–1994 гг.) приватизация высот экономики, сочетавшаяся с практикой “назначения” близких к президенту России лиц миллиардерами через предоставление им эксклюзивных условий предпринимательской деятельности. Так что властный потенциал современной элиты базируется уже на двух основаниях — месте в управлении страной и масштабе частной собственности»¹⁴.

Т.И. Заславская выделяет основные характерные черты элиты, сложившейся к 2000-м гг. Она утверждает, что одной из наиболее характерных черт нынешней правящей элиты России является теневое сращивание государственной власти с бизнесом. Другой характерной чертой является кланово-олигархическая структура российской власти, не имеющая ничего общего ни с демократией, ни с сильной государственной властью, которая служила бы общенациональным интересам.

Современные отечественные социологи отмечают непосредственное участие прежней элиты в создании первых рыночных

¹³ Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М., 2004. С. 289.

¹⁴ Там же. С. 290.

структур, способствовавших трансформации государственной собственности в частную, обеспечивающую преемственность власти, и направивших ее. При этом Л.А. Беляева, например, выделила три элитные группировки, которые в конце 1990-х гг. находились в состоянии перманентной борьбы между собой и за влияние на властные структуры: компрадорская, плутократическая и экономическая. Однако в общем и целом она отмечает, что в трансформации элиты велика роль преемственности и основная ротация происходит в рамках административного слоя. «Большинство бывшей номенклатуры смогло преобразовать свое место во властной иерархии в капитал как в буквальном смысле, так и в переносном, — заняв свою нишу в новом элитном слое, и в силу этого вновь оказавшись внутри распределительных процессов и, что теперь еще важнее, — в распределении прибыли. В результате политическая элита и на общероссийском, и на региональном уровнях смыкается с экономической элитой»¹⁵. Исследователи утверждали, что отчетливо сложилась ситуация относительного баланса сил и взаимной заинтересованности администрации и экономических структур друг в друге. Опираясь на эмпирические исследования, некоторые аналитики стали говорить о «номенклатурном капитализме», сложившемся в России к концу 1990-х гг. «Российский «политический конус» после всех преобразований в обществе за последнее десятилетие мало изменился — почти сохранилась его социографическая конфигурация, бывшие руководители остались на прежних уровнях власти, повысились и переместились по горизонтали, изменились лишь названия должностей в соответствии с новым государственным режимом»¹⁶.

Исследование элиты 1990-х гг., проведенное В.В. Радаевым и О.И. Шкаратаном, также показывает, что прежние властные структуры и люди интегрировались в новые индустриальные образования. Другими словами, старая элита не ушла с национальной сцены, а в значительной степени сохранила свои властные полномочия и привилегированное положение. Однако как показывают исследователи, прежняя элита потеряла свою целостность, так как произошло отделение властвующей элиты от господствующего в экономике протобуржуазного класса. «Процесс этот не завершен, но, тем не менее, банкир и промышленник, с одной стороны, крупный чиновник-администратор и лидер политической партии, с другой стороны, — это теперь не просто разные персоны, но и разные единицы в структуре общества»¹⁷.

¹⁵ Беляева Л.А. Указ соч. С. 66.

¹⁶ Уржа О.А. Стратификация и социальное управление. М., 2000. С. 66.

¹⁷ Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М., 1996. С. 299.

Авторы приводят характерные данные исследования российской элиты 1993 г. В административной элите Центра 60,1% сохранили свой статус, имевшийся до августа 1991 г.; 27,2% — повысили его; снизился статус у 12,7%. Еще меньше изменений произошло в составе дипломатической элиты: здесь сохранили статус 79,0%, повысили — 17,7%. Генералитет, верхушка армии в своем большинстве либо сохранили прежние позиции (35%), либо были повышены в чинах и званиях (47,5%). Так же выглядят и перемены в положении политической элитной группы: сохранили статус 76,6%; повысили статус — 10,3%. Высока стабильность и региональной элиты: сохранили свой статус 52,5%, повысили — 40%¹⁸.

Другой исследователь, А.Г. Здравомыслов, изучая элиту российского общества в 1990-х гг., утверждал, что главнейшей характеристикой рассматриваемого периода времени является трансформация интересов. Он также как и многие другие социологи отмечает, что особое внимание следует уделить анализу политической и экономической элиты. В своих исследованиях А.Г. Здравомыслов ставит проблему социализации российской элиты, разработки нового курса ее развития. «Благодаря возможностям, открывшимся в результате приватизации и утверждения рыночных отношений, происходила дифференциация правящей элиты на ее собственно политическую и экономическую части. Этот процесс настолько четко обозначился к середине 90-х годов, что появилась потребность самостоятельного измерения влияния экономической элиты на формирование и проведение политики»¹⁹. Ученый исходит из собственного глубокого убеждения в том, что люди делятся между собой не на богатых и бедных, не на образованных или необразованных, не на тех, кто обладает недвижимостью и тех, кто живет на зарплату, а на тех, кто участвует во власти и кто не участвует в ней. Именно здесь, по мнению социолога, заложен центральный конфликт в любой системе общественных отношений. А.Г. Здравомыслов пишет: «Все признаки кроме властных имеют второстепенное или третьестепенное значение»²⁰.

Очевидно, что проблема идентификации элит в 1990-е гг. становится одной из самых актуальных. Особых успехов в этом направлении добился Ж.Т. Тощенко²¹. Ученый обращает внимание на сложность операционализации понятия «элита» и в силу объек-

¹⁸ Там же. С. 299.

¹⁹ Здравомыслов А.Г. Социология российского кризиса: статьи и доклады 90-х годов. М., 1999. С. 83.

²⁰ Там же. С. 244.

²¹ Тощенко Ж.Т. Элита? Клань? Касты? Клики? Как назвать тех, кто правит нами? // Социологические исследования. 1999. № 11.

тивных причин предлагает отказаться от масштабного использования этого термина или заменить его другим. Выводы исследователя основаны на критике по его мнению необоснованно расширенного дискурса среди журналистов и ученых об элите. Ж.Т. Тощенко отмечает, что с 1990-х гг. термин “элита” начинает применяться ко всем, имеющим власть и деньги. Проблема идентификации элит, по мнению автора, осложнена ненаучными дискуссиями и спекуляциями со стороны политиков и бизнесменов, стремящихся облагородить и легитимировать свою деятельность. Широкое употребление слова “элита”, по мнению социолога, представляет опасность, поскольку способствует формированию у людей определенных стереотипов, не только возвышающих власть, но и способы поведения, в основе которых лежит представление об обладании элитой лучшими качествами. Кроме того, в отечественной социологии появилось стремление найти и описать элиту везде, где это возможно. Так появляются исследования “региональных элит” (И.В. Куколев, А.К. Магамедов, Н.Ю. Лапина), “бизнес-элит” (Л.В. Бабаева, А.Е. Чирикова), в литературе встречаются разговоры об образовательных, интеллектуальных, воровских, силовых элитах²². Ж.Т. Тощенко видит в одностороннем подходе к анализу правящего класса риск дискредитации самого объекта исследования.

Учитывая накопленный опыт в области исследования проблемы идентификации элиты в российском обществе, можно проследить некоторые различные методологические подходы. Исследователи, придерживающиеся статусно-функционального подхода, понимают под элитой индивидов, занимающих такие позиции в государстве, которые позволяют им принимать решения, имеющие важные последствия для страны. Представители ценностного подхода понимают под элитой людей, имеющих высокие моральные качества. Если понимать под элитой лучшее, отборное, качественное, то это безусловно означает, во-первых, что элита служит интересам народа, патриотична, всегда ответственна и нравственна, ее характеризует высокий этический, моральный, культурный и интеллектуальный уровень. Соответственно, можно сказать, что к элите принадлежит не просто тот, кто имеет власть или деньги, а тот, кто имеет набор качеств, позволяющих относить его к обладателям всего лучшего, что накопило человечество в процессе своего развития. Вследствие этого в последние годы элитологи все чаще пишут о кризисе элиты, о необходимости рекрутирования элиты, о неспособности элиты продуцировать качественные моральные

ценности, поддерживать и развивать культуру. Существующий в российском обществе высший слой описывается как ориентированный на прибыль, сформированный в основном из представителей силовых структур. Поэтому понимание некоторыми исследователями, например О.В. Крыштановской²³, элиты как высшей страты политического класса, группы, обладающей максимумом власти, все чаще подвергаются критике, как имеющие множество слабых сторон. Тем не менее следует признать огромный вклад в исследование современной российской элиты этого ученого, известного своими фундаментальными работами. Многие исследователи, в том числе и О.В. Крыштановская, активно продолжают разрабатывать все новые вопросы в области проблем отечественной элитологии.

Как бы ни изменялась социальная структура российского общества, всегда будут существовать элитные слои, изучение которых будет важной задачей социологической науки. Этим и занимается современная отечественная школа элитологии. Для того чтобы составить адекватное представление о системе социальной стратификации любого общества, необходимо наряду со статическим его состоянием рассматривать также и динамические процессы развития, в том числе анализировать процессы формирования социальной элиты, мобильность, ее дальнейшее развитие и функционирование в общественных институтах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ашин Г.К.* Современные теории элиты: критический очерк. М., 1985 (*Ashin G.K. Sovremennye teorii jelity: kriticheskij ocherk.* М., 1985).
- Ашин Г.К.* Курс истории элитологии. М., 2003 (*Ashin G.K. Kurs istorii jelitologii.* М., 2003).
- Ашин Г.К., Понеделков А.В.* Основы политической элитологии. М., 1999 (*Ashin G.K., Ponedelkov A.V. Osnovy politicheskoy jelitologii.* М., 1999).
- Беляева Л.А.* Социальная модернизация в России в конце XX века. М., 1997 (*Beljaeva L.A. Social'naja modernizacija v Rossii v konce HH veka.* М., 1997).
- Гаман-Голутвина О.В.* Бюрократия или олигархия? // Куда идет Россия?... Власть, общество, личность. М., 2000 (*Gaman-Goluvina O.V. Bjurokratija ili oligarhija? // Kuda idet Rossija?... Vlast', obshhestvo, lichnost'.* М., 2000).
- Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992 (*Dzhlilas M. Lico totalitarizma.* М., 1992).
- Джилас М.* Беседы со Сталиным. М., 2002 (*Dzhlilas M. Besedy so Stalinum.* М., 2002).

²² Там же.

²³ *Крыштановская О.В.* Анатомия российской элиты. М., 2005.

Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М., 2004 (*Zaslavskaja T.I.* Sovremennoe rossijskoe obshhestvo: social'nyj mehanizm transformacii. M., 2004).

Здравомыслов А.Г. Социология российского кризиса: статьи и доклады 90-х годов. М., 1999 (*Zdravomyslov A.G.* Sociologija rossijskogo krizisa: stat'i i doklady 90-h godov. M., 1999).

Конрад Д., Селеньи И. Интеллигенция и власть в посткоммунистических обществах // Венгерский меридиан. 1991. № 1 (*Konrad D., Selen'i I.* Intelligencija i vlast' v postkommunisticheskikh obshhestvakh // Vengerskij meridian. 1991. N 1).

Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М., 2005 (*Kryshatanovskaja O.V.* Anatomija rossijskoj jelity. M., 2005).

Лапина Н.Ю. Российские экономические элиты и модели национального развития. М., 1997 (*Lapina N.Ju.* Rossijskie jekonomicheskie jelity i modeli nacional'nogo razvitija. M., 1997).

Луман Н. Общество общества. Кн. 4: Дифференциация. М., 2011 (*Luman N.* Obshhestvo obshhestva. Kn. 4: Differenciacija. M., 2011).

Подойницына И.И. Общество открытых классов: очерк о моделях социальной структуры. Новосибирск, 1999 (*Podojnicyna I.I.* Obshhestvo otкрыtyh klassov: ocherk o modeljah social'noj struktury. Novosibirsk, 1999).

Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М., 1996 (*Radaev V.V., Shkaratan O.I.* Social'naja stratifikacija. M., 1996).

Рассел Б. Практика и теория большевизма. М., 1991 (*Rassel B.* Praktika i teorija bol'shevizma. M., 1991).

Селеньи И. Интеллигенция и власть: опыт Восточной Европы. 1960–1980-е гг. // Рубеж. 1995. № 6–7 (*Selen'i I.* Intelligencija i vlast': opyt Vostochnoj Evropy. 1960–1980-e gg. // Rubezh. 1995. N 6–7).

Тощенко Ж.Т. Элита? Клань? Касты? Клики? Как назвать тех, кто правит нами? // Социологические исследования. 1999. № 11 (*Toshhenko Zh.T.* Jelita? Klany? Kasty? Kliki? Kak nazvat' teh, kto pravit nami? // Sociologicheskie issledovanija. 1999. N 11).

Шкаратан О.И., Фигатнер Ю.Ю. Старые и новые хозяева России // Мир России. 1992. № 1 (*Shkaratan O.I., Figatner Ju.Ju.* Starye i novye hozjaeva Rossii // Mir Rossii. 1992. N 1).

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

В.В. Зырянов, канд. экон. наук, доц., зам. декана по учебно-методическому объединению (УМО) социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*
А.В. Носкова, докт. социол. наук., проф. кафедры социологии Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России**

Н.Г. Осипова, докт. социол. наук., проф., декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова***

М.А. Титова, канд. социол. наук, содиректор Public Education Center****

НАЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ И ГЛОБАЛИЗАЦИИ

V.V. Zyryanov,
A.V. Noskova,
N.G. Osipova,
M.A. Titova

NATIONAL REFORMS AND GLOBALIZATION PROCESS IN RUSSIA: PROBLEMS AND PROSPECTS IN EDUCATION SYSTEM

Статья написана по материалам круглого стола “Российское образование: ключевые тенденции и задачи”, проходившего на социологическом факультете МГУ. Реформирование российского образования под воздействием фактора глобализации — одна из ключевых тем развернувшейся дискуссии.

Ключевые слова: высшее образование, глобализация, статистические показатели образования, реформа образования, Национальная доктрина, мировые образовательные рейтинги, социология, дисфункция.

Like many others countries Russia try to change her own national education system in accordance with some global trends. The article analyses some reality and international assessments of this process and shows: those international investigations and education assessments are realized in Russia without necessary logic, so they became harmful for real educational process and national interests.

Key words: tertiary education, globalization, education statistics, Education reform, National doctrine, the world education rankings, sociology, dysfunction.

* Зырянов Владимир Викторович, e-mail: zyryanov@socio.msu.ru

** Носкова Антонина Вячеславовна, e-mail: avnoskova@mail.ru

*** Осипова Надежда Геннадиевна, e-mail: soc@socio.msu.ru

**** Титова Мария Александровна, e-mail: aviamaria@yandex.ru

Интеграция национальных систем образования в единое международное пространство — глобальный тренд и реальность последних десятилетий. Под воздействием фактора глобализации мировые образовательные практики претерпевают значительные изменения¹.

Подобные процессы характерны и для нашей страны. Реформы в сфере отечественного образования предполагают переход от специфических ориентиров национальной образовательной системы к универсальным международным стандартам. Россия уже сделала ряд принципиальных шагов навстречу мировой образовательной унификации. В 2003 г. Россия стала участником Болонского процесса, с 2014 г. перешла на систему трех циклов (уровней) высшего образования (бакалавриат, магистратура, аспирантура), прежде существовавший принцип оценки результатов обучения (знания, умения, навыки) переформируется в компетентностный подход, освоен единый государственный экзамен (ЕГЭ), мы втянулись в конкурентную борьбу за мировые образовательные рейтинги и т.д.

В образовательном пространстве в последние 20 с лишним лет происходили разнонаправленные и разноформатные процессы (превращение высшего образования из элитарного в СССР в массовое в современной России, вступление в Болонский процесс, демографическая “яма”, появление платного образования, введение ЕГЭ для выпускников школ, старение преподавательского состава, многочисленные реорганизации в управлении образованием, изменение функций УМО, и др.), в результате их действия “получено” некое состояние, которым не удовлетворен никто из участников образовательного процесса. Студенты и их родители недовольны снижением качества образования, образовательные организации просто стонут под гнетом бесконечных нововведений, проверок, отчетов, аккредитаций и пр., Министерство образования и науки не поспевает за ходом реформ, которые само же инициировало, испытывая при этом постоянную и массовую ротацию кадров, разрушающую хоть какую-то преемственность, профессора и преподаватели унижены нищенской заработной платой и придавлены несоразмерно выросшей нагрузкой, массовыми слияниями и поглощениями, и соответствующими сокращениями. Поэтому любое новое движение, новация, изменение в образовательной среде априори воспринимаются широкой общественностью болезненно. Конечно, за почти четверть века образование должно было изме-

ниться, поскольку изменились общество, политическая система, люди, их быт и мировоззрение, экономика, наука, в конце концов мироустройство. Однако в силу многообразия причин и сложности выявления действия каждой из них (помимо этого не вся информация доступна рядовому участнику образовательного процесса — студенту, преподавателю и даже руководителю), самую болезненную реакцию вызывают меры, направленные на вхождение России в Европейское и мировое пространство высшего образования и ведущие к некоторой унификации национальных образовательных систем. С этой точки зрения почти все подобные действия расцениваются как разрушение отечественного образования. И от этих обвинений невозможно просто отмахнуться.

Среди дисфункциональных последствий реформ отмечаются стремительное падение качества отечественного образования, понижение культурного и профессионального уровня россиян, отток талантливых студентов в зарубежные университеты, “шоковая терапия” для профессоров и преподавателей российских университетов. В свете последних тенденций для российских университетов величина индекса Хирша и публикации в журналах (значительная часть которых иностранные), индексируемых в базах SCOPUS и Web of Science, становятся едва ли не главными приоритетами профессиональной деятельности.

В пространстве общественной дискуссии не прекращается обсуждение принципиальных вопросов о конечных целях проводимых реформ, причинах осуществляемого перехода от одной образовательной системы к другой. Так, предметом острейшей научной дискуссии, развернувшейся на круглом столе “Российское образование: ключевые тенденции и задачи”, стал вопрос о приоритетах реформирования отечественного образования. В контексте прошедшего обсуждения были подняты многие важные вопросы, например, следующие: “К чему нужно стремиться, реформируя образование: к совершенствованию национальной системы образования, повышению ее конкурентоспособности в глобальном образовательном пространстве или к повышению экономической эффективности, сокращению государственных ассигнований на образовательную сферу?”; “Насколько оправдана гонка за место в мировых образовательных рейтингах, как в этих условиях реализовать потенциал национальной образовательной системы, сохранить фундаментальные основы российской традиции образования, подарившей мировому сообществу множество академических ученых и ученых-практиков?”; “Повысит ли российское образование конкурентоспособность, если будет ориентироваться на англосаксонскую модель, не утратит ли оно при этом свою содержательную

¹ См.: Взгляд на образование 2012. Резюме на русском языке // Официальный сайт Организации экономического сотрудничества и развития. URL: <http://www.oecd.org/zip/9612038e5.pdf> (дата обращения: 10.02.2015).

специфику, став лишь калькой англо-саксонской образовательной модели?” и др.

В предлагаемой статье раскрываются некоторые темы, попавшие в фокус обсуждения участников Круглого стола:

– реформирование российского образования и Национальная доктрина;

– функционирование национальных систем образования и процесс их интеграции в единое международное пространство; роль статистических показателей;

– международные рейтинги в образовании и интерпретация их результатов.

Реформирование российского образования и Национальная доктрина

Образование является важнейшей сферой жизнедеятельности и одним из главных социальных институтов современного общества. Институт образования — это система социальных норм и отношений, а также совокупность организаций и учреждений, связанных между собой общими — образовательными функциями. Основной (традиционной) функцией института образования является передача новым поколениям социально-значимого опыта человеческой деятельности, воплощенной в знаниях, умениях, творческой деятельности, и эмоционально-ценностного отношения к миру.

Структура и функции института образования изменяются в соответствии с требованиями времени. Кроме того, в каждой стране процесс функционирования института образования имеет национальную специфику, которую определяют ее внешняя и внутренняя политика, макроэкономическая динамика, демографическая ситуация, социальная мобильность и т.п. Это также те объективные факторы, которые задают необходимые направления реформирования данного института, всей образовательной сферы общества. В числе новых факторов — влияние глобализации.

На рубеже столетий произошли позитивные сдвиги в различных областях жизни российского социума. Подобные сдвиги необходимым образом должны были повлечь за собой и изменения в образовательной сфере. Тем не менее, целостной, систематичной и научно обоснованной государственной концепции образовательной реформы в нашей стране так и не сложилось, поскольку под сам процесс не была подведена должная теоретико-методологическая база.

Основополагающим государственным документом в данной области является “Национальная доктрина образования в Российской Федерации”. Эта официальная доктрина, утвержденная Федеральным законом, устанавливает приоритет образования в государственной политике, обозначает стратегию и основные направления развития национальной системы образования. Определенное место в данной доктрине отводится и высшему образованию.

Тем не менее, “Национальная доктрина образования в Российской Федерации” — документ декларативного характера. Так, в нем не разделены стратегическая цель национальной политики в сфере образования и последствия реализации этой политики; не определены конкретные направления совершенствования законодательства в данной области. Обозначенная доктрина непоследовательна в определении будущего развития и масштабов образовательной реформы и утопична в экономическом отношении. В ней отсутствует четкая и однозначная концептуализация основных составляющих образовательной реформы — стратегии и тактики, цели и задач. В ней не выделены уровни (циклы) образования, соответственно, не уделено акцентированное внимание высшему образованию, при том, что оно играет ключевую роль в модернизируемом обществе. Ведь именно система высшего образования призвана обеспечить:

– систематическое обновление всех аспектов образования, отражающего изменения в сфере культуры, экономики, науки, техники и технологий;

– многообразие типов и видов образовательных учреждений и вариативность образовательных программ, обеспечивающих индивидуализацию образования;

– подготовку высокообразованных людей и высококвалифицированных специалистов, способных к профессиональному росту и профессиональной мобильности в условиях информатизации общества и развития новых наукоемких технологий.

В условиях отсутствия надежной национальной концепции проводимых реформ определенная хаотичность принимаемых решений отразилась на текущем состоянии отечественного образования, для которого стали характерны:

– непоследовательная, часто спонтанная политика реорганизации сферы образования, нацеленная на внедрение западных моделей и инструментов управления образовательными учреждениями;

– увеличение и усложнение внешнего и внутреннего документооборота по различным вопросам жизнедеятельности образовательных организаций высшего образования;

– диспропорция в отдельных направлениях развития образования, ориентация на количественные, в том числе стоимостные, а не на качественные показатели.

К сожалению, данные тенденции обусловили дисфункциональное состояние отдельных компонентов образовательной сферы. Деятельность любого социального института рассматривается социологами как функциональная, если она способствует сохранению стабильности и интеграции общества. Если институт помимо пользы приносит обществу вред, то такое действие называют *дисфункцией*. Об институте (или о любом виде социальной деятельности) говорят, что он обладает дисфункцией, когда некоторые из последствий его деятельности препятствуют осуществлению другой социальной деятельности или другого института. Например, если институт образования не справляется со своей задачей и готовит не тех специалистов, которых требует экономика, то функция превращается в дисфункцию.

К числу тенденций, ведущих в конечном счете к дисфункциям современного института образования в России, можно отнести:

- появление курсов (профилей) псевдонаучной направленности, политизация читаемых курсов;
- использование образовательных площадок для политической и идеологической пропаганды, реализации политических амбиций, извлечения материальной выгоды.

Для того чтобы понять современные цели и задачи института образования, следует не только определить и разделить его уровни, но и четко обозначить их социальные функции. ***В первую очередь, это касается высшего образования, статус которого в российском социуме неоправданно занижен.***

Хотя в последнее десятилетие многие завоевания отечественной высшей школы оказались утраченными, анализ отечественных образовательных программ и их западных аналогов вскрывает значительный потенциал российской образовательной традиции и свидетельствует в пользу многих преимуществ профессиональной подготовки в России.

Реформирование российской системы образования, в том числе системы высшей школы, ставит перед социальной наукой новые задачи: разработать стройную концепцию, определяющую как основные функции образования в современном российском обществе, так и механизмы реализации данных функций; разяснить конечную цель реформы образования, а также обосновать принципы, найти способы и методы решения конкретных образовательных задач.

Цель образовательной реформы в России — создание современного образовательного комплекса, ***гарантирующего сохранение подобающего места Российского государства в мировом сообществе.*** Реализация данной цели обусловлена решением нескольких групп конкретных задач.

Важнейшей задачей в области реформирования системы образования является преодоление популистских подходов к современному образованию, навязанных обществу различными политическими силами, некритичное заимствование западных моделей.

К числу приоритетных задач в различных областях образовательной реформы следует отнести:

- в политической области — сохранение существующего образовательного потенциала и укрепление отечественной системы образования;
- в экономической области — оптимизацию расходов на образование в обществе; улучшение социально-экономических условий для работников образовательной сферы;
- в идеологической области — возрождение авторитета образования и статуса педагога в обществе.

Функционирование национальных систем образования и процесс их интеграции в единое международное пространство. Роль статистических показателей

Российское образование, как и образовательные системы других стран, в эпоху глобализации вынуждено реагировать на соответствующие вызовы. В связи с чем возникает вопрос о мировых тенденциях изменения образования. Прежде всего о том, стремится ли образование к некоему стандарту, или дело пока ограничивается общими подходами и принципами, или же своеобразие национальных образовательных систем не подвергается угрозе? Чтобы глубже разобраться в этом вопросе, обратимся к смыслам слов “стандарт” и “стандартизировать”. В толковом словаре русского языка для слова “стандарт” приводится два значения. Первое: “образец, которому должно соответствовать, удовлетворять что-нибудь по своим признакам, свойствам качествам, а также документ, содержащий в себе соответствующие сведения”. И второе: “нечто шаблонное, трафаретное, не заключающее в себе ничего оригинального, творческого”². Стандартизировать что-либо означает придавать чему-либо (в нашем случае национальным образовательным системам) однообразие и стандартные формы³. Скажем, что разброс резуль-

² См.: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 2010. С. 763.

³ Там же.

татов стандартизации может варьировать в промежутке между двумя приведенными значениями. Проблема для национального образования, соответственно, в следующем: как максимально приблизиться к первому значению и, по возможности, удалиться от второго.

Говорить о том, что уже создана некая модельная система образования, которая принята как стандарт, по которому уже оценивают национальные образовательные системы, наверное, преждевременно. Сегодня образовательные системы США, Японии, Китая, Германии, Франции, Великобритании, России отличаются очень сильно. В США еще в конце прошлого века даже программы дисциплин в разных штатах отличались весьма значительно. Другое дело, что назрела необходимость унификации многих образовательных позиций для того, чтобы достигаемые уровни образования в одних странах были понятны в других, чтобы студенты могли получать (продолжать) образование не только дома, но и в других государствах. В этом направлении двигаются страны Европы, ставшие участниками Болонского процесса, который после 2010 г. переформатировался в процесс интеграции национальных систем высшего образования в Европейское пространство высшего образования (ЕПВО). В то же время идет другой, менее заметный процесс — создания единой системы статистических показателей образования. Первые шаги в этом направлении сделаны еще в 1970-е гг., когда ЮНЕСКО разработала Международную стандартную классификацию образования (МСКО)⁴ — “классификацию, являющуюся руководством для упорядочения образовательных программ и соответствующих квалификаций по уровням и областям образования”⁵.

Международная стандартная классификация образования после этого пересматривалась несколько раз. Последние редакции были приняты ЮНЕСКО в 1997 и 2011 гг. По официальному разъяснению составителей МСКО, “задача МСКО заключается не в том, чтобы дать новое или всеобъемлющее определение образования, и уж тем более не в том, чтобы навязывать международные стандарты философской концепции целей или содержания образования, или его культурных аспектов”⁶. Ее задача — служить исключительно

⁴ См.: Концепция пересмотра МСКО. 2008.11 // Официальный сайт ЮНЕСКО. Институт статистики. URL: http://www.uis.unesco.org/Education/Documents/ISCEDconcept%20note_RUS.pdf (дата обращения: 10.02.2015).

⁵ См.: Пересмотр Международной стандартной классификации образования. 2011.05.09 // Официальный сайт ЮНЕСКО. Институт статистики. URL: http://www.uis.unesco.org/Education/Documents/ISCEDconcept%20note_RUS.pdf (дата обращения: 10.02.2015).

⁶ См.: Международная стандартная классификация образования. МСКО 1997. 2006.05 // Официальный сайт ЮНЕСКО. Институт статистики. URL: <http://www.uis.unesco.org/Library/Documents/isced97-rus.pdf> (дата обращения: 10.02.2015).

“инструментом для сбора, обработки и предоставления данных по статистике образования как на национальном, так и на международном уровнях”⁷. В то же время в документе прописано, что Международная стандартная классификация образования задает “методологию, которая помогает преобразовать национальные образовательные программы в международно сопоставимый набор категорий применительно к 1) ступеням образования и 2) областям образования”⁸. Она задает также смысловую систему определений и понятий (“образование”, “образовательная программа”, “ступени образования”, “компетенции” и др.), а также определяет формат унифицированной образовательной системы (количество ступеней образования, сроки освоения образовательных программ, ориентацию программ, права доступа к продолжению обучения на последующей ступени образования)⁹. Таким образом, можно предположить, что МСКО, задавая структуру принятых на международном уровне форматов образования, служит не только методологией сбора информации, но и латентно может влиять на содержательную сторону образовательных процессов.

Названные выше процессы в образовательной среде стимулируют социологов анализировать их цели, задачи, функциональные и дисфункциональные последствия. Конечно, в первую очередь, нам интересны последствия для нашей страны (подробнее об этом будет сказано в разделе “Международные рейтинги в образовании и интерпретация их результатов”).

Говоря об артикулируемых целях и явных функциях признаков глобализации в сфере высшего образования, отметим следующие ее последствия, связанные между собой: облегчение международного сотрудничества в области интеллектуальной, научно-технической и экономической деятельности¹⁰; “глобальный набор талантливых высоко образованных людей”¹¹. Развивая международное сотрудничество, важно иметь возможность сравнивать национальные системы образования, вырабатывать некоторые единые параметры. С этой целью в соответствии с Международной стандартной классификацией образования определены “статистические рамки для всестороннего описания международных образовательных систем”, а

⁷ Концепция пересмотра МСКО. 2008.11 // Официальный сайт ЮНЕСКО. Институт Статистики. URL: http://www.uis.unesco.org/Education/Documents/ISCEDconcept%20note_RUS.pdf (дата обращения: 10.02.2015).

⁸ См.: Международная стандартная классификация образования. МСКО 1997.

⁹ Там же.

¹⁰ См.: Международная организация по стандартизации // Большая советская энциклопедия. Интернет-портал Академик. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/> (дата обращения: 10.02.2015).

¹¹ См.: Взгляд на образование 2012...

статистическим управлением Европейских сообществ (Евростатом) и Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР/ОЕСД) разработаны системы статистических показателей. По своей форме и содержанию системы статистических показателей этих организаций — довольно сложные, объемные конструкции, содержащие подробную количественную информацию о функционировании образовательных систем различных стран Европы и мира.

Так, Евростат сравнивает развитие национальных систем образования по следующим направлениям: тематические показатели, нефинансовые показатели, финансовые показатели, студенческая мобильность, непрерывное образование и др.¹² Каждое из этих направлений содержит группу из нескольких показателей, отображающих выделенные признаки международного образовательного пространства. Приведем пример лишь некоторых из них: ожидаемое число лет, которое уходит на получение образования; число 18-летних, получающих образование; общее число учащихся и студентов; медианный возраст студентов; общее число студентов образовательных организаций высшего образования; доля женщин среди студентов университетов; число учеников на одного учителя; число выпускников научно-технических специальностей на 1000 человек населения; размер государственных расходов на образование; размер частных расходов на образование; государственные расходы на обучение в % от ВВП; материальная помощь обучающимся; количество иностранных языков, изучаемых одним учеником; число учащихся, изучающих английский язык; число учащихся, изучающих французский язык; число учащихся, изучающих немецкий язык и т.д.

Сопоставимые данные Евростата позволяют не только сравнивать системы, но и отслеживать динамику процессов в сфере образования. Так, численность населения по 28 странам Европейского Союза, включенного в образовательный процесс (по всем программам обучения), в последние годы (с 2003 г. по 2012 гг.) имела тенденцию к сокращению. Если в 2003 г. образование получали 96751 тыс. человек, то в 2012 г. цифра сократилась до 93237 тыс. К числу стран-лидеров по сокращению численности обучающихся относятся Польша и Румыния.

Если предположить, что международная система статистических показателей образования не только отражает, но и задает новые ориентиры, приоритеты и ценности для мировой образовательной системы, то резонно проследить, каким образом возникает посыл

¹² См.: Eurostat. Database. 2014.11.12 // Official website Eurostat. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tsdsc440&plugin=1> (accessed: 17.02.2015).

к таким трансформациям. Среди них — академическая мобильность и обучение в течение жизни.

Показатель “обучение в течение жизни” представлен среди прочих в статистической базе Евростат. Как указано на сайте Евростата, “данный показатель относится к лицам от 25 до 64 лет, которые отметили, что получали образование или иную образовательную подготовку за четыре недели, предшествующие опросу”¹³. Такая подготовка может представлять собой различные профессиональные тренинги, семинары, курсы повышения квалификации и т.д. В настоящее время на первом месте по данному показателю находится Дания. Здесь в такие формы образования включен 31,4% датчан в возрасте 25–64 лет (данные за 2013 г.). Замыкают список стран по данному показателю Болгария (1,7%) и Румыния (2%)¹⁴.

Показатель обучения в течение жизни, по-видимому, призван отразить: 1) влияние демографического фактора (старения населения) на трансформацию системы образования; 2) сдвиги в концептуальных подходах, “идеологии” образования: от образования как капитала к образованию как самооценности. Судя по всему, это тоже глобальный тренд и со временем в обучение в течение жизни будет втягиваться все большая доля населения мира.

Теперь несколько слов о латентных функциях и дисфункциях тенденции к унификации национальных образовательных систем, предвестником которых можно считать унификацию их статистической оценки. Движение в сторону унификации образования на международном уровне сможет не только создавать единые образцы, но и ломать социокультурную конструкцию национальных систем образования, выхолащивать оригинальные значения, смыслы и функции образования, деформировать подходы к обучению, нарабатанные не одним поколением учителей и педагогов. Это в свою очередь может приводить к рассогласованности между базовыми социальными институтами, т.е. к разрушению социального порядка. Более того, как это ни парадоксально, но унификация может способствовать разрушению универсальных принципов и ценностей образования, которые скрепляли разнообразие национальных образовательных систем в многоликое социетальное единство. Данную тенденцию уловил Хосе Ортега-и-Гассет в своем фундаментальном труде “Миссия университета” уже несколько десятилетий назад.

¹³ См.: Lifelong learning. 2014.11.12 // Сайт Eurostat. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tsdsc440&plugin=1> (accessed: 17.02.2015).

¹⁴ Ibid.

Международные рейтинги в образовании, интерпретация их результатов

Как уже говорилось, глобализация сферы образования привела к появлению новых транснациональных практик оценивания. Проведение сравнительных исследований, международных тестирований, составление транснациональных рейтингов образовательных учреждений получают все большее распространение и отражаются в реформировании национальных систем образования.

Говоря о практике составления международных рейтингов, необходимо отметить, что она была вызвана к жизни определенным социальным запросом и изначально предназначалась для сегмента университетского естественнонаучного образования. Стремительное развитие наукоемких технологий привело к созданию новых технологических университетов — своего рода “фабрик” научно-технических кадров и разработок. Появление такого рода инновационных университетов-конвейеров по “сборке специалистов” и проведению технологических исследований привело к росту потребности в образованной молодежи. Нужно было создать социальный механизм, обеспечивающий постоянный приток молодых кадров в некоторые заданные точки научно-производственного процесса. Технологические университеты стали поставщиками “голов” и технологий, а важнейшими заказчиками и покупателями подобной “продукции” выступили крупные транснациональные корпорации и военно-промышленный комплекс. Постепенно сложилась и идеологическая система, обслуживающая подобный глобальный механизм переброски кадров. “Конвейерный” менеджмент, рыночная логика, либеральные ценности были поданы международному образовательному сообществу “единым идеологическим пакетом”, единым “программным обеспечением” успешного университетского образования, а практика рейтингования университетов обеспечила подобному подходу необходимое PR-подкрепление. Составление международного рейтинга технологических университетов можно было бы рассматривать как эффективное орудие идеологической борьбы за исходное “сырье” для “производства технологий” — за “качественных” студентов. И действительно, некоторые страны, в том числе Россия, стали “сырьевым” донором — поставщиком талантливой, хорошо обученной и мотивированной на научные достижения молодежи.

Однако приравнивание образовательных процессов к производственным технологиям или к рыночной логике продажи товаров и услуг вызывает глубокие сомнения. Поэтому, каковы бы ни были изначальные мотивы и изначальная политика составления

международных рейтингов образования, подобные рейтинги могут не только способствовать “утечке кадров” и оказывать дисфункциональное воздействие на российское образование, но и помогать развитию и обогащению национальных образовательных традиций, демонстрировать нашей школе ее “слепые зоны”, создавать условия для нового движения, обновления.

К числу подобных позитивных, функциональных влияний можно отнести постановку новых научно-практических задач перед университетской профессурой и учеными. Проведение транснациональных сравнительных исследований качества образования, оценка научного потенциала, степени научной грамотности учащихся — новая научная задача. А решение новых научных задач позволяет обновляться научному знанию, в том числе социологическому.

Международные рейтинги составляются сегодня не только для технических университетов, но и для других сегментов высшего образования, а также для сферы среднего образования. Проведение международных тестирований учащихся ставит перед академическим сообществом две задачи — задачу подготовки тестов и задачу интерпретации результатов тестирований. И первая, и вторая задача не являются формальными. И в разработке, и в проведении, и в интерпретации результатов подобных исследований необходим грамотный социологический подход. Международные тесты, с одной стороны, должны быть универсальными, а с другой стороны, должны учитывать национальную специфику. Иначе говоря, практика проведения транснациональных исследований с особой остротой ставит проблему качественного, социологически грамотного перевода — перевода речевой специфики национального мышления на язык универсальных принципов, универсальных символов.

Поясним. Известно, что любая оценка действительности представляет собой не саму действительность, а именно ее *оценку*. При этом любая оценка базируется на некоторой системе ценностей, т.е. любое оценивание — это не просто отражение системы ценностей, условностей, а утверждение (пропаганда) определенной системы ценностей, условностей.

Различие условных ценностных систем, изменяющихся при переходе от одного языка к другому, хорошо заметно даже на примере, казалось бы, идеологически нейтральных международных рейтингов школьного обучения. Результаты проводимых рейтингов различны. Так, по данным рейтинга PIRLS, российские школьники занимают 1–2 место в мире, по данным TIMSS — 6–8, по данным

PISA — 40–50-е¹⁵. Все эти рейтинги выстраиваются на основе оценивания ответов учащихся и составляют определенную картину. Вернее, можно предположить, что существует несколько различающихся картин. Первая картина составляется для государственных чиновников, две других — для российской общественности (массовая версия “для народа” и версия “для тех, кто умеет читать”, которая может совпадать с первой, “профессиональной” версией), и, наконец, четвертая версия картины существует для международной общественности.

Задания, предлагаемые российским учащимся тестом “PISA”, трудно обсуждать в формате научной статьи, но можно рассмотреть пример из теста, гораздо лучше подготовленного российской стороной. Международное исследование TIMSS проводится в России уже давно (с 1995 г.), поэтому специалисты, которые отвечают за него в России, уже наработали определенный опыт и научились хоть как-то адаптировать задания к культурным, цивилизационным и этическим особенностям русскоязычных респондентов. Тем не менее, социологически неграмотная пропаганда вроде бы нейтрального и справедливого лозунга “Education for life”, вынесенного сегодня в заглавие международных тестирований, и здесь имеет свои дисфункциональные для российского образования последствия.

Рассмотрим, например, исследование TIMSS, русскоязычную версию задания по математике для четвероклассников: “На корабле плывут 42 человека. Сколько надо пятиместных шлюпок, чтобы все они спаслись?”.

Подобные задачи в русском варианте формулируются обычно следующим образом: “Петя пришел в кондитерскую и купил 42 пирожных, чтобы отметить в школе свой День рождения. Сколько коробочек понадобится Пете, чтобы донести пирожные в школу, если в каждую коробочку помещается только 5 пирожных?”.

Простая и понятная каждому школьнику формулировка. Ситуация с пирожными тоже вполне жизненная — ребенок может легко ее представить и может, действительно, сталкиваться с подобными ситуациями в реальной жизни. Почему же вместо подобной формулировки была выбрана история про спасательные шлюпки? Видимо, разработчики тестов пытаются донести до учащихся идею, что, не вооружившись математическими знаниями, в бурном море современной жизни не выжить. При этом в англоязычной версии подобной задачи, скорее всего, используется (или подразумевается) слово “safety”. “Safety” — это вполне конкретное понятие, ко-

торое в условиях “гражданской и бытовой благоустроенности” западного общества имеет вполне определенный физический смысл. В культурной, цивилизационной и этической традиции англосаксонского либерального общества люди испытывают необходимость заботиться о “safety” и используют для обозначения того, о чем они заботятся, специальный всем понятный термин.

В русскоязычной культуре ситуация сложилась совершенно иная. В логику русскоязычного сознания слово “safety” вписывается условно. Попытка сформулировать школьную задачку про “safety” на русском языке доказывает это наглядным образом: в формальной задачке по математике начинает “хромать” формальная логика. Читаем: “На корабле плывут 42 человека” — все понятно, ситуацию легко представить. Следующее предложение: “Сколько нужно пятиместных шлюпок, чтобы все они спаслись?”. А почему они должны спасаться — они же “*плывут на корабле*”?

Получается, что разработчики тестов пытаются проверить то, насколько дети овладели формальной логикой (а математика — это логика), и при этом предлагают задачи, в которых формальная логика очевидным образом нарушена.

В ситуации, когда логическое мышление работать не может, начинает работать воображение: “Наши люди тонут. Сколько нужно шлюпок? — Давайте, сколько есть — спасем, как-нибудь. — Восемь пятиместных хватит? — Давайте восемь. Уж двоих-то мы как-нибудь пристроим — сзади поплывут и будут держаться”.

Трудности перевода выявляют различие культурных традиций, культурных ценностей, а потому и образовательного материала, со всей ясностью. Если воспользоваться языком формальной логики, то можно сказать, что не только каждая культурная традиция, но и каждый язык выстраивает собственную систему координат. То, что в одной системе координат является существенным, в другой системе координат может быть простой формальностью, риторикой, общим местом. Поэтому в каждой культуре образовательный материал — свой. В этом и состоит трудность перевода заданий. Трудно перевести не слова, трудно перевести то, что людей беспокоит. В либеральной “системе отсчета” люди должны научиться самостоятельно беспокоиться о своей “safety”. И подобная обеспокоенность может даже показаться вполне рациональной. Тем не менее, достаточно сменить “культурный контекст”, “стиль жизни”, как станет совершенно непонятно, о чем именно мы только что беспокоились.

Представим ситуацию: вы живете в деревне или идете в поход. Как вы собираетесь обеспечивать “safety” своего жилья, например? Как вы будете обеспечивать “safety” в ситуации, где нет замков?

¹⁵ См.: TIMSS and PIRLS. International Study Center // Сайт TIMSS and PIRLS. URL: <http://www.timss.org/> (дата обращения: 07.02.2015).

Никак. Более того, люди не беспокоятся о своей “safety”, когда они находятся среди “своих”, среди “близких”, среди “друзей”. Повторим, мысль о “safety” возникает у людей не всегда и связана с определенным стилем жизни, с некоторым стилем самосознания. В одном обществе важно привить этот стиль самосознания, в другом — нет. Однако забота о “safety” — не абсолютная ценность, и прежде чем прививать эту заботу детям, нужно, как минимум, задуматься. А пока сознательное, взвешенное решение не принято, лучше предлагать детям нейтральные задачки. Главное, что критерий отбора очень простой — в русскоязычной формулировке задачи не должна быть нарушена формальная логика.

Та же самая проблематика характерна и для высшей школы, и особенно актуальна в социологическом образовании. Преподавание теоретической социологии, например, должно охватывать разные концепции, в том числе и либеральные. Однако важно научить будущих социологов не только воспроизводить положения этих концепций, но и выработать критический подход к любой теории. Социологи должны научиться понимать, что возникновение той или иной теории обусловлено определенным запросом общества, в котором данная теория появилась и распространилась.

Таким образом, проникновение глобальных веяний в национальный контекст образовательных практик и, как следствие, реформирование этих практик ставят перед образованием существенную задачу осмысления своих прагматических функций и своей символической роли в жизни общества. Проблема соотношения национальной специфики образовательных процессов и универсальных принципов научного знания, проблема социологически грамотного перевода становится одной из ключевых проблем международных сравнительных исследований. Без осознания подобной проблематики не только интерпретация результатов, но и формулирование заданий международных тестов оказывается слепой пропагандой неясных ценностей и условностей.

Транснациональное оценивание научного потенциала учащихся является новой научной задачей. Решая эту задачу, важно избежать подмены универсальных принципов научной грамотности системной формальной унификации ответов. Тесты, оценивающие научную грамотность, должны быть грамотно составлены, поэтому к разработке и проведению подобных транснациональных исследований необходимо привлекать национальные научные кадры и национальную профессуру.

В качестве заключения необходимо сказать следующее. Конструктивная критика реформ, тех изменений в национальной системе образования, которые были произведены в ответ на вызовы

глобализации, с особой остротой ставит вопрос социологической грамотности. Конструктивный анализ тех модификаций, которые претерпевают национальные образовательные процессы под воздействием фактора глобализации, невозможен без понимания социально-экономического запроса, вызвавшего к жизни те или иные международные подходы, транснациональные практики, исследования, рейтинги. В то же время грамотный социологический анализ происходящих процессов требует учета национальных интересов, национальной специфики. Участие российской стороны в международных образовательных реформах и исследованиях ставит перед учеными новые научно-практические задачи — научиться извлекать национальную выгоду из транснациональных практик, а также минимизировать потери там, где они неизбежны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Взгляд на образование 2012. Резюме на русском языке // Официальный сайт Организации экономического сотрудничества и развития. URL: <http://www.oecd.org/zip/9612038e5.pdf> (дата обращения: 10.02.2015) (Vzgliad na obrazovanie 2012. Reziiume na russkom iazyke // Ofitsial'nyi sait Organizatsii ekonomicheskogo sotrudnichestva i razvitiia]. URL: <http://www.oecd.org/zip/9612038e5.pdf> (data obrashcheniia: 10.02.2015)).

Концепция пересмотра МСКО. 2008.11 // Официальный сайт ЮНЕСКО. Институт статистики. URL: http://www.uis.unesco.org/Education/Documents/ISCEDconcept%20note_RUS.pdf (дата обращения: 10.02.2015) (Kontseptsiiia peresmotra MSKO. 2008.11 // Ofitsial'nyi sait IuNESKO. Institut statistiki. URL: http://www.uis.unesco.org/Education/Documents/ISCEDconcept%20note_RUS.pdf (data obrashcheniia: 10.02.2015)).

Международная организация по стандартизации // Большая советская энциклопедия. Интернет-портал Академик. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/> (дата обращения: 10.02.2015) (Mezhdunarodnaia organizatsiia po standartizatsii // Bol'shaia sovetskaia entsiklopediia. Internet-portal Akademik. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/> (data obrashcheniia: 10.02.2015)).

Международная стандартная классификация образования. МСКО 1997. 2011.05.09 // Официальный сайт ЮНЕСКО. Институт статистики. URL: <http://www.uis.unesco.org/Library/Documents/isced97-rus.pdf> (дата обращения: 10.02.2015) (Mezhdunarodnaia standartnaia klassifikatsiia obrazovaniia. MSKO 1997. 2011.05.09 // Ofitsial'nyi sait IuNESKO. Institut statistiki. URL: <http://www.uis.unesco.org/Library/Documents/isced97-rus.pdf> (data obrashcheniia: 10.02.2015)).

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М., 2010 (Ozhegov S.I., Shvedova N.Iu. Tolkovyi slovar' russkogo iazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii. M., 2010).

Пересмотр Международной стандартной классификации образования. 2011.05.09 // Официальный сайт ЮНЕСКО. Институт статистики. URL: http://www.uis.unesco.org/Education/Documents/ISCEDconcept%20note_

RUS.pdf (дата обращения: 10.02.2015) (Peresmotr Mezhdunarodnoi standartnoi klassifikatsii obrazovaniia. 2011.05.09 // Ofitsial'nyi sait IuNESKO. Institut statistiki. URL: http://www.uis.unesco.org/Education/Documents/ISCEDconcept%20note_RUS.pdf (data obrashcheniia: 10.02.2015)).

Eurostat. Database. 2014.11.12 // Official website Eurostat. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tsdsc440&plugin=1> (accessed: 17.02.2015).

Lifelong learning. 2014.11.12 // Official website Eurostat. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tsdsc440&plugin=1> (accessed: 17.02.2015).

TIMMS and PIRLS. International Study Center // Official website TIMMS and PIRLS. URL: <http://www.timss.org/> (accessed: 07.02.2015).

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

А.Б. Синельников, канд. экон. наук, доц. кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

О.В. Дорохина, канд. социол. наук, доц. кафедры государственного и муниципального управления ИГСУ РАНХиГС**

К ЧЕМУ ПРИВОДИТ НЕОГРАНИЧЕННОЕ ПРАВО НА РАЗВОД?

**A.B. Sinelnikov,
O.V. Dorokhina**

WHAT CAUSES THE UNRESTRICTED RIGHT TO DIVORCE?

Статья посвящена изменениям российского семейного законодательства в XX в. Законы Российской империи предусматривали немного причин для развода. В конце XIX — начале XX вв. часть интеллигенции требовала либерализации законодательства. Реформы, произошедшие после Октябрьской революции 1917 г., радикально изменили всю систему семейных ценностей, что привело к усилению кризиса семьи.

Ключевые слова: брачно-семейное законодательство, законные причины для развода, внебрачные рождения, либерализация законов о браке и разводе, кризис семьи, ценности семейного образа жизни.

Article is devoted to changes of the Russian family legislation in the XX century. Laws of the Russian Empire provided very few reasons for divorce. At the end of XIX — the beginning of the XX centuries the part of the intellectuals demanded liberalization of the legislation. The reforms which happened after October revolution of 1917 considerably changed all system of family values that led to strengthening of crisis of a family.

Key words: matrimonial legislation, legitime reasons for divorce, illegitimate births, liberalization of the marriage and family legislation, crisis of family, values of family lifestyle.

До революции 1917 г. минимальный брачный возраст был установлен в 18 лет для женихов и 16 — для невест, но полное совершеннолетие наступало только в 21 год. Более молодым требовалось разрешение от родителей. Солдатам не позволялось жениться до окончания службы, отстающим студентам — до сдачи экзамене-

* Синельников Александр Борисович, e-mail: sinelka@mail.ru

** Дорохина Ольга Васильевна, e-mail: odorokhina@yandex.ru

нов. Православные миряне могли сочетаться браком не более трех раз, а вдовым священникам запрещалось вступать во второй брак.

Лица всех вероисповеданий, кроме запрещенных сект, имели право расторгать браки по своим религиозным законам. У православных основаниями к разводу считались: 1) неспособность к брачному сожитию, если она возникла до брака, т.е. жена должна была доказать, что она все еще девственница; 2) прелюбодеяние; 3) безвестное отсутствие одного из супругов в течение пяти и более лет; 4) осуждение мужа или жены к тюремному заключению, каторжным работам или ссылке в Сибирь и “лишению всех прав состояния” (в том числе и права на состояние в браке); 5) переход одного из супругов в другое вероисповедание; 6) пострижение обоих супругов в монашество.

У мусульман и иудеев иные законные основания для развода, в том числе неготовность мужа материально обеспечивать семью, а также бесплодие. У католиков развод вообще запрещен. Можно только просить о признании брака недействительным из-за нарушений правил его заключения, например, в случае брака по принуждению.

У православных в большинстве случаев браки расторгались из-за супружеской измены. Духовные консистории, которые рассматривали дела о разводе, соблюдали презумпцию невиновности. По закону доказательством могло быть лишь признание вины неверным супругом, либо показания двух и более свидетелей, видевших своими глазами самый акт прелюбодеяния. Каждого из них допрашивали в отдельности. Прелюбодеяние считалось доказанным, если их показания совпадали во всех подробностях. Доказательство вины затруднялось не только этими правилами, которые в подавляющем большинстве случаев были невыполнимы, но и моральными соображениями.

Данная ситуация описана в романе Льва Толстого “Анна Каренина”. Каренин, когда Анна призналась ему в своей связи с Вронским, оказался в затруднительном положении. “Он видел, что сложные условия жизни, в которых он находился, не допускали возможности тех грубых доказательств, которых требовал закон для уличения преступности жены; видел то, что известная утонченность этой жизни не допускала и применения этих доказательств, если бы они и были, что применение этих доказательств уронило бы его в общественном мнении более, чем ее”¹.

Доказательством считалось бы и добровольное признание самой Анны. Но на это она никогда не пошла бы. Ведь в качестве

наказания за прелюбодеяние ей запретили бы вступить в новый брак, а ее бывший муж, в отличие от современного положения дел, мог бы после развода оставить сына у себя и не отдавать его “преступной” матери.

По мнению адвоката, к которому Каренин обратился за советом, единственный способ добиться развода состоял в том, чтобы он взял на себя вину в прелюбодеянии, которого не совершал. Но сама мысль об этом глубоко возмущала Каренина. Ведь тогда Анна могла бы забрать сына и выйти за Вронского, а Каренин ни в коем случае не мог допустить этого. Кроме того, ему самому навсегда запретили бы вновь жениться. Правда, духовные власти проявляли снисхождение и разрешали виновным в неверности вступать во второй брак после семилетней епитимьи (покаяния и духовного исправления). Но это — слишком долгий срок, тем более, в его возрасте.

Однако другие мужья нередко шли на самооговор. Им это было легче, чем их женам. В условиях “двойной морали”, более снисходительной к мужским “шалостям”, чем к женским, подобное “саморазоблачение” сильно дискредитировало женщин. Не всегда мужья поступали так из благородных побуждений. Многие из них брали вину на себя, потому что сами хотели любой ценой развестись с опостылевшими супругами, даже если никто никому не изменял. Другие же сознавались в прелюбодеянии, которого с их стороны не было, чтобы получить денежную компенсацию от жены или ее любовника.

Известен случай, когда жена, покинув супруга, поступила “на работу” в публичный дом. Она получила “желтый билет” — официальное разрешение на занятие проституцией. Но муж так и не смог добиться развода. Свидетелей не было, а “желтый билет” не считался доказательством прелюбодеяния.

Адвокаты умели обходить закон, но их услуги стоили очень дорого. Поэтому в то время, в которое Л. Толстой “поселил” Карениных, т.е. в 1870-х гг., во всей России расторглось всего лишь несколько сотен браков ежегодно. Впоследствии их число увеличилось, но и в 1913 г. на 1,25 млн браков приходилось лишь 5,6 тыс. разводов². Толстой считал разводы явлением, широко распространенным в узких высших кругах общества. О том же упоминали и другие писатели, а также авторы мемуаров. Французский посол Морис Палеолог писал: “Частые разводы, действительно, одно из поразивших меня здесь явлений. Я на днях высчитал, что

¹ Толстой Л.Н. Анна Каренина. М., 1970. С. 240.

² Население СССР: численность, состав и движение населения. 1973. М., 1975. С. 150.

в известной мне части общества [элите. — Прим. А.С., О.Д.] более, чем в половине супружеств, один или оба супруга — разведенные”³.

Юридические ограничения не мешали фактическому распаду семей. Люди, которым запрещалось вступать в брак, создавали семьи без венчания. Как и сейчас, их отношения назывались “гражданским браком”. Но тогда это было альтернативой для *церковного* брака, а сейчас — для брака, зарегистрированного в отделе записи актов *гражданского* состояния (ЗАГС). С логической точки зрения, гражданским является загсовский брак. Но в народе “гражданским браком” считается сожителство, не зарегистрированное в ЗАГСе.

До революции дети невенчанных пар, как и все дети незамужних матерей, считались “незаконнорожденными”. Если жена не получила развод, но ушла к другому мужчине и родила от него, отцом ребенка считался ее муж. Ребенок носил его фамилию. После смерти “законного отца”, “вдова” и “сирота” наследовали его имущество и получали пенсию по потере кормильца.

Если же фактический отец внебрачного ребенка разрывал отношения с его матерью, то она не могла требовать ни установления отцовства по суду, ни материального обеспечения ребенка с его стороны.

В книгу известного философа и публициста В.В. Розанова “Семейный вопрос в России” (СПб., 1903, в 2 томах) включены письма и статьи не только автора, но и многих других людей, в том числе и ранее опубликованные в различных журналах и газетах. Одни были согласны с В.В. Розановым в том, что брак может быть основан лишь на взаимной страстной любви, а супруг, у которого это чувство угасло, или обратилось на кого-то еще, имеет полное право на развод, даже если другой супруг ни в чем не виноват.

Другие, напротив, указывали на то, что это противоречит самой идее брака, как пожизненного союза супругов, целью которого является рождение и воспитание детей. Преподаватель семинарии К. Сильченков писал: “Всякая страсть в существе своем есть грубое проявление эгоизма, чуждого мысли (тем более, что и самый разум страстью отрицается и упраздняется) о правах, нуждах и желаниях других. Не ясно ли противоречие страсти самой идее брака — идее жизни в союзе с другим и — для другого? <...> Ее непостоянство несовместимо с истинной любовью и может быть объяснено только тем, что, вопреки видимой преданности другому, человек в ней служит только себе самому и именно — низшим потребностям своей физической природы, преходящим и изменчивым по самому существу своему. На такой ли основе создается христианский брак?”⁴.

³ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 233.

⁴ Розанов В.В. Собрание сочинений. Семейный вопрос в России. М., 2004. С. 144, 146 (впервые опубликовано: Розанов В.В. Семейный вопрос в России: В 2 т. СПб., 1903).

Женщина, которая подписывала свои письма, как Ю. Б-на, обратила внимание главным образом на поведение жен и положение детей: “Семья есть краеугольный камень всякого общества, и потому в основе ее должен лежать долг, а не удовольствие, и очистить семейный очаг можно никак не облегчением разводов, а только строго нравственным воспитанием подрастающего поколения в обширном смысле этого слова. Чтобы дети наши не смотрели на брак как на игрушку, которая хороша до тех пор, пока забавна. Чтобы женщины будущего требовали от мужей только честного и хорошего отношения к себе и детям, но не вечного флирта, что теперь требуют из них девять десятых, в случае же отказа — сейчас начинается флирт с третьим лицом, а это уже есть начало распада семьи, как бы он ни был невинен. Никто не может оспаривать того, что дети, по крайней мере, до школьного возраста должны быть при матери, но они не куклы, которых она может возить с собой из одной квартиры в другую, независимо от того, кто хозяин квартиры. Кроме редких исключений, когда дело касается положительных негодяев, всегда отец для своих детей лучше своего преемника в любви их матери <...> Что же это будет за строй общества, в котором матери семейств будут выходить замуж по три, по четыре раза от живых мужей, а это может оказаться возможным при большой легкости развода. В чем же будет тогда разница между порядочными женщинами и непорядочными?”⁵.

Она имела в виду случаи, когда жена уходит от нелюбимого мужа к любимому человеку. Обычно при этом мужья ни в чем не виноваты, любят жен и детей, заботятся о них, страдают от разлуки с ними. Но могут ли мужчины, к которым ушли эти жены, заметить их детям родных отцов?

Весьма популярно мнение о том, что если муж любит свою жену, то полюбит и ее ребенка. Если это так, то, когда страстная любовь к жене пройдет, ее ребенок станет ему не нужен. Родной же отец, как правило, любит своих детей независимо от характера отношений с супругой. Конечно, эгоист может ради новой любви бросить жену и детей. Если она потом найдет себе нового мужа, то вполне возможно, что он, как отчим, для детей будет лучше такого безответственного отца⁶. Однако тогда, по мнению автора письма, было мало “положительных негодяев” среди родных отцов.

В высших классах общества моральные нормы оправдывали уход мужа от жены ради новой любви, но осуждали отца, который

⁵ Там же. С. 98.

⁶ Шевченко И.О. Отчим в структуре современной российской семьи // Социология. 2011. № 2. С. 186–192.

после этого забывал о детях. Правда, это относилось лишь к “законным” детям. Если служанка оказывалась беременной от хозяина, то ей давали какую-то сумму, на которую долго не проживешь, и выгоняли из дома.

Книга В.В. Розанова отражала главным образом мнение интеллигентов, писавших много писем и статей, что было их любимым занятием. Они требовали радикальной реформы брачного законодательства. Некоторые юристы предлагали упростить процедуру развода, разрешить установление отцовства в отношении внебрачных детей, обязать отцов обеспечивать их.

Как отмечается в “Основах социальной концепции Русской Православной Церкви”, принятой в 2000 г.: «В 1918 г. Поместный Собор Российской Православной Церкви в “Определении о поводах к расторжению брачного союза, освященного Церковью” признал в качестве таковых, кроме прелюбодеяния и вступления одной из сторон в новый брак, также отпадение супруга или супруги от Православия, противоестественные пороки, неспособность к брачному сожитию, наступившую до брака или явившуюся следствием намеренного самокалечения, заболевание проказой или сифилисом, длительное безвестное отсутствие, осуждение к наказанию, соединенному с лишением всех прав состояния, посягательство на жизнь или здоровье супруги либо детей, снохачество, сводничество, извлечение выгод из непотребств супруга, неизлечимую тяжкую душевную болезнь и злонамеренное оставление одного супруга другим»⁷.

В 1910 г. Синод обсуждал вопрос о такой причине, как избиение мужем жены и детей. На Соборе 1918 г. она была признана уважительной, как создающая угрозу для их жизни и здоровья. До революции уход одного из супругов из семьи считался основанием для развода, если в течение пяти лет не было известно, где он находится и жив ли вообще. Собор сократил этот срок до трех лет и разрешил разводы в тех случаях, когда “беглый” супруг жив и здоров, но не намерен возвращаться в семью. Теперь признаются и другие причины: “В настоящее время этот перечень оснований к расторжению брака дополняется такими причинами, как заболевание СПИДом, медицински засвидетельствованные хронический алкоголизм или наркомания, совершение женой аборта при несогласии мужа”⁸.

⁷ Цит. по: Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Раздел X. Вопросы личной, семейной и общественной нравственности. М., 2000. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html> (дата обращения: 18.11.2014).

⁸ Там же.

Расширяя список оснований к разводу, церковь все же включает в него только тяжелые болезни мужа или жены, которые делают брачную жизнь невозможной, либо грубые нарушения правил семейной жизни кем-то из них. Просить церковный суд о разводе может лишь тот супруг, который этих правил не нарушал, и не потому, что “чувства угасли” или “любовь прошла”.

Эти основания признала советская власть, навязывая всему обществу (прежде всего — рабочим и крестьянам) моральные нормы, существовавшие тогда среди дворянства, буржуазии и “буржуазной интеллигенции”, т.е. социальных групп, которые эта власть считала своими врагами.

До 1917 г. законы не менялись, но практика их применения смягчалась, а число разводов росло, и не только в высших, но и в средних слоях общества. Однако для радикально настроенных людей этого было недостаточно. Они хотели упразднить традиционную “семью прошлого”, основанную на пожизненном браке, супружеских и родительских обязанностях, рождении и воспитании детей, отношениях семейной собственности и “отупляющем” ведении домашнего хозяйства, и заменить ее “семьей будущего”, основанной лишь на страстной взаимной любви, хотя бы и весьма недолговечной.

П.А. Сорокин в молодости считал семью рассадником “семейного эгоизма”, т.е. препятствием для прогресса. В его статье “Кризис современной семьи” (1916 г.) предсказывается, что “...организация современной семьи будет разбита: общественные интересы с одной стороны, а интересы личности (обратная сторона общечеловечности) — с другой, победят и фактически уже побеждают”⁹.

Те, кто считает, что родители учат детей заботиться только о себе и членах семьи, но не о чужих людях (это писал и П.А. Сорокин в той же статье), не понимают, что люди, утратившие семейные связи, заботятся вовсе не о благе общества. Очень многие из них думают только о себе, родителей рассматривают как людей, ограничивающих их свободу, не желают вступать в брак и иметь детей, чтобы эту свободу не терять, а ко всем другим людям относятся безразлично, настороженно или даже враждебно по принципу “Человек человеку — волк”. Это — закон джунглей, а не прогрессивный лозунг.

Сторонники такого “прогресса” оправдывают как мужа, бросившего семью ради любимой женщины, так и жену, которая вы-

⁹ Сорокин П.А. Кризис современной семьи // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 1997. № 3. С. 78 (впервые опубликовано: Сорокин П.А. Кризис современной семьи // Ежемесячный журнал для всех. 1916. № 2, 3).

ставила за дверь любящего и заботливого, но нелюбимого супруга, привела в дом чужого человека, и принуждает детей называть его папой. Они не понимают, что так поступать могут только закоренелые эгоисты, которые не обращают внимания на переживания своих детей и покинутых супругов. Люди, считающие, что угасание страстной любви дает моральное право на развод, смотрят на проблему с точки зрения разлюбивших, а не “разлюбленных” супругов.

18 декабря 1917 г. был издан декрет ВЦИК и СНК РСФСР “О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния”, который отменил все ограничения на вступление в брак, кроме минимального брачного возраста и запрета на двоебрачие, а также уравнивал в правах “незаконных” детей с “законными”. Это имело позитивное значение. Но “презумпция виновности женщин”, которые до революции не имели права чего-либо требовать от отцов своих внебрачных детей, сменилась “презумпцией виновности мужчин”. При установлении отцовства суды почти всегда принимали сторону матерей. Маятник качнулся от одной крайности к другой.

Согласно ст. 144 “Кодекса законов об Актах гражданского состояния, Брачном, Семейном и Опекунском праве”, принятого в 1918 г., “если суд при рассмотрении вопроса [об отцовстве — *Прим. А.С., О.Д.*] установит, что лицо, указанное в статье 141 [ответчик — *Прим. А.С., О.Д.*], в момент зачатия хоть и было в близких отношениях с матерью ребенка, но одновременно с другими лицами, то суд постановляет о привлечении последних в качестве ответчиков и возлагает на всех них обязанность участвовать в расходах [в уплате алиментов. — *Прим. А.С., О.Д.*]”¹⁰.

В 1926 г. был принят второй Кодекс законов о браке, семье и опеке. Он приравнивал незарегистрированные браки к зарегистрированным, упразднил “многоотцовство”, но оставил в силе принцип доверия к матери внебрачного ребенка¹¹. Регистрируя его рождение в ЗАГСе, она указывала адрес и место работы предполагаемого отца, и с его зарплаты тут же начинали отчислять ей 33%, как алименты. И не только тогда, когда он жил вместе с ней в незарегистрированном браке, но и тогда, когда у них, по ее же словам, был лишь один сексуальный контакт. Если он отказывался платить, то должен был подавать судебный иск об оспаривании отцовства. Об этом писал В.В. Маяковский:

Он рад умереть,
экономя треть,
три года судиться рад:
и я, мол, не я,
и она не моя,
и я вообще кастрат¹².

В одном судебном решении было указано: “...хотя истица и не доказала своего иска, но, учитывая ее забитость и тупоумие, ответчик должен быть признан отцом ребенка”¹³. Другой бездоказательный иск удовлетворили лишь потому, что “...должен же кто-нибудь содержать ребенка”¹⁴. Государственная кассационная коллегия Верховного суда РСФСР постановила: “...отказать в иске юридически неосведомленной, безграмотной беднячке в нарушении интересов детей по мотивам, что истица ничем иска своего не доказала — неправильно и, с точки зрения советского суда, не допустимо”¹⁵.

В 1918–1926 гг. при несогласии одного из супругов брак мог быть расторгнут только судом, но суды всегда удовлетворяли иски о разводе. Семейный кодекс 1926 г. еще более упростил процедуру разводов, которые стали производиться без суда прямо в ЗАГСе не только по обоюдной просьбе супругов, как это было и раньше, но и без согласия, иногда даже без ведома одного из них. Ему высылались по почте извещение о расторжении брака.

В 1922 г. П.А. Сорокин, который после революции занял более консервативную позицию, в том числе и по вопросам семьи и брака, констатировал: «...в ненормальных условиях революционного времени браки стали бесплодными и... превратились только в “легальную форму случайных половых связей” без “санкций и обязательств”, без прочности и потомства»¹⁶.

Однако и в мирное время ситуация не нормализовалась, так как большевистская власть продолжала свою политику, направленную на разрушение традиционной семьи. В 1925 г. советский правовед И. Ильинский писал: “Работники Центральных Комиссариатов и Женотделов, проникнутые весьма передовыми и революционными воззрениями на любовь и брак, пишут прекрасные

¹² Маяковский В.В. Любовь // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 7. М., 1955.

¹³ Иодковский А., Роднянский А. Кодекс законов о браке, семье и опеке. М., 1931. С. 29.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Судебная практика РСФСР. 1930. № 9.

¹⁶ Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994. С. 421.

¹⁰ СУ РСФСР. 1918. № 76–77. Ст. 818.

¹¹ Кодекс законов о браке, семье и опеке. М., 1926. Ст. 32.

декреты, а на местах множатся выкидыши на шестом и седьмом месяце беременности, пяти- и шестикратные разводы, бесконечные вереницы судебных дел о выплате содержания [алиментов. — *Прим. А.С., О.Д.*] и детская беспризорность”¹⁷.

В 1930-х и 1940-х гг. маятник семейной (и не только) политики качнулся в сторону ужесточения законов. В 1936 г. были запрещены аборт без медицинских показаний. Для развода требовалось, чтобы оба супруга явились в ЗАГС. Была повышена пошлина за развод. Во избежание сокрытия бракоразводной биографии стали ставить штамп о разводе в паспорте.

Согласно Указу “О браке и семье” от 8 июля 1944 г. были признаны имеющими законную силу только зарегистрированные браки. В свидетельстве о рождении ребенка у незамужней женщины в графу “отец” ставился прочерк, который считался в обществе позорным. Установление отцовства по суду не допускалось, как и до 1917 г. Отец мог признать ребенка своим лишь после брака с его матерью. Но если для этого требовался развод с первой женой, то возникали немалые трудности.

Согласно Указу “О браке и семье” брак мог расторгаться только судом.

Чтобы подать в районный или городской суд заявление о разводе, требовалось указать его причины, вызвать в суд другого супруга как ответчика для ознакомления с заявлением истца, и опубликовать в местной газете объявление о предстоящем бракоразводном процессе. Такие судебные дела слушались в залах, полных публики, чтобы “пристыдить” разводящихся. Судьи старались примирить супругов, давали им время на размышления. Когда это не помогало, истец обращался в вышестоящий суд (как правило, областной), который расторгал брак, если признавал, что примирение невозможно.

Развод стал мешать продвижению по службе, особенно у военных, а также у партийных работников. Разведенные считались “морально неустойчивыми”, поэтому их неохотно посылали в заграничные командировки, тем более — в капиталистические страны. Эти негласные ограничения касались почти исключительно мужчин. Независимо от того, кто был инициатором и(или) виновником развода, женщины практически всегда рассматривались как его “жертвы”. Даже при консервативном сдвиге законодательства, “презумпция виновности мужчин” сохранилась. Разводы перестали мешать их карьере только в 1980-х гг., т.е. в эпоху перестройки.

После смерти И.В. Сталина на фоне общей либерализации стало меняться и законодательство о браке и семье. В 1955 г. были разрешены аборт по желанию женщин, а не только по медицинским показаниям. В 1965 г. отменили газетные публикации о предстоящих бракоразводных процессах, а право принимать решение о разводе предоставили районным и городским судам без последующей передачи дела в вышестоящий суд. В 1969 г. был принят Кодекс законов о браке и семье, который предусматривал и судебное установление, и добровольное признание отцовства, а также взыскание алиментов на детей, родившихся вне брака. Вновь, как и в первые годы советской власти, был разрешен внесудебный развод в ЗАГСе при взаимном согласии супругов, но лишь для пар без общих детей до 18 лет.

В 1995 г. был принят новый Семейный кодекс. Он заметно отличался от кодексов 1918 и 1926 гг. в отношении установления отцовства, размера алиментов, усыновления и по многим другим вопросам. Но так же, как и 90 лет тому назад, основанием для расторжения брака считается просто желание одного из супругов развестись с другим, даже если тот ни в чем не виноват. Согласно ст. 23 Семейного кодекса, при обоюдном согласии супругов, “суд расторгает брак без выяснения мотивов развода”.

В 1980-х гг. один из авторов этой статьи (А.Б. Синельников) консультировал супругов, подавших заявление на развод в ЗАГС, и, разумеется, беседовал с каждым из них в отдельности. Мужья и жены по-разному объясняли причины, как правило, обвиняя во всем “противную сторону”. Было трудно понять, кто виновник, но обычно не возникало сомнений в том, кто инициатор. Один из супругов так упорно требовал развода, что другому приходилось “согласиться”. Мужья, покинутые женами, приходили в ЗАГС с очень грустным выражением лица, а жены, брошенные мужьями, со слезами на глазах.

Уже более 90 лет существует практика передачи детей после развода только матерям (за крайне редкими исключениями). Эта практика основана, как и вышеупомянутые судебные решения 1920-х гг., на утвердившейся с тех пор презумпции виновности мужчин перед женщинами и детьми.

Радикальные изменения законов о браке и семье в 1917–1918 гг. отражали существовавшие еще до революции настроения определенных кругов общества, прежде всего интеллигенции. Из этих кругов вышли многие большевистские лидеры. Неизвестно, как отреагировал тяжело больной В.В. Розанов (умер в 1919 г.) на то, что сбылась его мечта. Но ее осуществление привело именно к тем последствиям, о которых предупреждали его оппоненты.

¹⁷ *Ильинский И.* Право и быт. М.; Л., 1925. С. 47–48.

Сам он утверждал, что в условиях свободного заключения и расторжения браков, а также равноправия “законных” и “незаконных” детей, рождение детей вне брака больше не будет считаться за “грех” и матери не будут их убивать, чтобы скрыть свой “позор”, как это нередко случалось до революции. Однако убийства новорожденных, совершаемые их матерями, не прекратились, несмотря на то, что женщины, не желающие иметь ребенка, получили право и на аборт, и на отказ от младенца в роддоме.

При полной доступности развода по-прежнему продолжались и продолжают до сих пор убийства жен мужьями и мужей — женами, хотя В.В. Розанов считал причиной этих преступлений то, что ненавидящие друг друга супруги не имели возможности расторгнуть брак.

Из примеров, приведенных В.В. Розановым, видно, что до революции многие дети числились “незаконными” из-за того, что их отцы не могли развестись с покинутыми супругами и жениться на своих новых спутницах жизни, которые родили им этих детей. Исходя из его логики, либерализация законов о разводе должна была свести число подобных случаев к нулю. Но рост числа разводов и повторных браков сопровождался не уменьшением, а увеличением числа детей, рожденных вне брака. В Москве в 1925 г. по сравнению с 1924 г., численность бракоразводных дел увеличилась на 11,7%, а число алиментных дел — на 45,9%¹⁸. Такая диспропорция была вызвана тем, что иски об алиментах предъявляли не только разведенные женщины к бывшим мужьям, но и одинокие матери — к отцам своих внебрачных детей.

Из сложной и дорогостоящей процедуры, доступной до революции лишь богатым, образованным и, как правило, хорошо воспитанным людям, развод превратился в простую формальность, доступную всем, в том числе и плохо воспитанным. Из-за этого возросло как число разводов, так и число “положительных негодяев”, которые не заботились о своих детях, что и привело к “алиментной эпидемии” 1920-х гг.

В 1913 г. один развод приходился на 220 браков, в 1926 г. — на семь, в 1940 г. — на шесть, в 2013 г. — на два брака. В 1906 г. внебрачные дети составляли 2% среди новорожденных, а в 2013 г. — 23%¹⁹.

¹⁸ Стельмахович А. Дела об алиментах. М., 1926. С. 7.

¹⁹ Рассчитано по: Население СССР: численность, состав и движение населения. 1973. М., 1975. С. 150; Урлианс Б.Ц. История одного поколения. М., 1968. С. 75–77; Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. М., 1929. С. 38; Естественное движение населения Российской Федерации за 2013 год. Стат. бюллетень. М., 2014. Табл. 4 и 19.

В.В. Розанов утверждал, что из-за строгих законов о разводе многие мужья и жены, которые не любят друг друга, вынуждены жить вместе, что мешает им создавать новые семьи и приводит к супружеским изменам. Однако и в наши дни, при полной свободе развода, есть немало случаев, когда супруги изменяют друг другу, но почему-то не разводятся.

Если общественное мнение признает высшей ценностью страстную любовь и считает ее единственно возможной основой брака, то ее угасание считается уважительной причиной для развода. В таком обществе и разводы, и измены, и внебрачные сожителства, и рождение детей вне брака рассматриваются как *нормальные* явления, порожденные страстной любовью или, напротив, ее угасанием. Поэтому они приобретают массовый характер.

Кризис семьи был вызван не законами, хотя они, конечно, нуждались в существенном реформировании, а изменением моральных норм. Когда из-за деформации морали изменились и законы, кризис принял еще большие масштабы и еще худшие формы, в которых он развивается до сих пор.

По данным опроса, проведенного Фондом “Общественное мнение” (ФОМ) в 2012 г. в 100 населенных пунктах 43 субъектов РФ, 31% среди 1500 респондентов считает весомой причиной для развода угасшие чувства, 34% — новую любовь (а среди лиц от 18 до 30 лет соответственно 40% и 43%²⁰). Многие люди признают уважительными обе эти причины.

По мнению В.В. Розанова, невозможность развода не удерживает опостылевших друг другу супругов от разбега. В этом он был прав, однако в наше время, напротив, невозможность разбега нередко удерживает от развода, даже когда отношения между супругами безнадежно испорчены.

В 2009 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) провел опрос о том, по каким причинам россияне готовы сохранить фактически уже распавшийся брак. Самой важной причиной, удерживающей от развода, оказались общие дети — ради них 71% опрошенных сохранил бы семью. Немалое значение имеют также состояние здоровья супруга или супруги — 62%, и еще теплящиеся по отношению к нему (или к ней) чувства — тоже 62%. Как правило, настаивает на разводе тот, кто разлюбил, а другой супруг, у которого это чувство не угасло, все же пытается сохранить семью. Несколько менее важная, но все же серьезная

²⁰ О разводах // Фонд “Общественное мнение” (ФОМ). Опрос “ФОМнибус” 8–9 сентября 2012 г. URL: <http://fom.ru/rabota-i-dom/10769> (дата обращения: 11.01.2015).

причина — отсутствие отдельной жилплощади, куда можно было бы уйти (43%)²¹.

Многие распавшиеся пары в течение длительного времени после развода продолжают жить в одной квартире, которая слишком мала для размена. Некоторые из бывших супругов приводят новых спутников или спутниц жизни в свою часть квартиры, которая после развода становится коммунальной.

Бывает, что женщина клеветнически обвиняет бывшего мужа в побоях или в покушении на ее жизнь, чтобы посадить его в тюрьму и завладеть квартирой. На почве вынужденного совместного проживания бывшие супруги иногда действительно совершают тяжкие преступления друг против друга.

Полная свобода развода не означает, что мужчины и женщины, которые ею пользуются, всегда вступают в новый, более удачный брак. Вероятность распада повторного брака выше, чем первого²². Проблемы те же, что и в первом браке, но к ним добавляются конфликты отчима с детьми жены.

По данным проведенного Федеральной службой государственной статистики (Росстат) выборочного наблюдения репродуктивных планов населения за 2012 г., среди мужчин в возрасте до 45 лет, у которых в прошлом распалась семья, только 54% состояли в новом браке или сожительстве, а среди женщин в тех же возрастах — всего лишь 40%²³.

Полный запрет на расторжение брака или крайне ограниченный перечень оснований для этого не стимулируют людей соблюдать правила семейной жизни. В таких условиях один из супругов может безнаказанно нарушать эти правила, а другой не имеет права на развод и, соответственно, на новый брак с более подходящим спутником (или спутницей) жизни. Но не лучше и другая крайность, т.е. неограниченное право на развод. При этом тоже нет смысла соблюдать правила семейной жизни. Можно вести себя в семье идеально, а муж/жена все равно уйдет, потому что у него/нее “чувства иссякли” либо обратились на кого-то другого.

При разработке мер демографической политики, направленных на укрепление брака, как основы семьи, надо помнить, что истина всегда находится где-то посередине.

²¹ Дети, чувства или квартира: ради чего стоит сохранить неудачный брак? // Пресс-выпуск ВЦИОМ. 2009. № 1362.

²² Волков А.Г. Семья — объект демографии. М., 1986. С. 146—147.

²³ Рассчитано А.Б. Синельниковым по базе данных выборочного наблюдения репродуктивных планов населения за 2012 г. (см.: Сайт Росстата. URL: <http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/customiseTable.xhtml> (дата обращения: 17.10.2014)).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Волков А.Г. Семья — объект демографии. М., 1986 (*Volkov A.G. Sem'ya — ob'ekt demografii*. М., 1986).

Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения за 2012 г. // Сайт Росстата. URL: <http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/customiseTable.xhtml> (дата обращения: 17.10.2014) (*Vyborochnoe nablyudenie reproduktivnyh planov naseleniya za 2012 g.* // Sajt Rosstata. URL: <http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/customiseTable.xhtml> (data obrashcheniya: 17.10.2014)).

Дети, чувства или квартира: ради чего стоит сохранить неудачный брак? // Пресс-выпуск ВЦИОМ. 2013. № 1362 (*Deti, chuvstva ili kvartira: radi chego stoit sohranit' neudachnyj brak?* // Press-vypusk VCIOM. 2013. N 1362).

Естественное движение населения Российской Федерации за 2013 год. Стат. бюллетень. М., 2014 (*Estestvennoe dvizhenie naseleniya Rossijskoj Federacii za 2013 god. Stat. Byulleten'*. М., 2014).

Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. М., 1929 (*Estestvennoe dvizhenie naseleniya Soyuza SSR v 1926 g.* М., 1929).

Ильинский И. Право и быт. М.; Л., 1925 (*Il'inskij I. Pravo i byt*. М.; Л., 1925).

Иодковский А., Роднянский А. Кодекс законов о браке, семье и опеке. М., 1931 (*Iodkovskij A., Rodnyanskij A. Kodeks zakonov o brake, sem'e i opeke*. М., 1931).

Кодекс законов о браке, семье и опеке. М., 1926. Ст. 32 (*Kodeks zakonov o brake, sem'e i opeke*. М., 1926. St. 32).

Маяковский В.В. Любовь // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 7. М., 1955 (*Mayakovskij V.V. Lyubov'* // Mayakovskij V.V. Polnoe sobranie sochinenij: V 13 t. T. 7. М., 1955).

Население СССР: численность, состав и движение населения. 1973. М., 1975 (*Naselenie SSSR: chislennost', sostav i dvizhenie naseleniya*. 1973. М., 1975).

О разводах // Фонд “Общественное мнение” (ФОМ). Опрос “ФОМ-нибус” 8–9 сентября 2012 г. URL: <http://fom.ru/rabota-i-dom/10769> (дата обращения: 11.01.2015) (*O razvodah* // Fond “Obshchestvennoe mnenie” (FOM). Opros “FOMnibus” 8–9 sentyabrya 2012 g. URL: <http://fom.ru/rabota-i-dom/10769> (data obrashcheniya: 11.01.2015)).

Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Раздел X. Вопросы личной, семейной и общественной нравственности. М., 2000. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html> (дата обращения: 18.11.2014) (*Osnovy social'noj koncepcii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. Razdel X. Voprosy lichnoj, semejnoy i obshchestvennoj npravstvennosti*. М., 2000. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html> (data obrashcheniya: 18.11.2014)).

Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991 (*Paleolog M. Carskaya Rossiya nakanune revolyucii*. М., 1991).

Розанов В.В. Собрание сочинений. Семейный вопрос в России. М., 2004 (*Rozanov V.V. Sobranie sochinenij. Semejnyj vopros v Rossii*. М., 2004).

Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994 (*Sorokin P.A. Obshchedostupnyj uchebnik sociologii. Stat'i raznyh let*. М., 1994).

Сорокин П.А. Кризис современной семьи // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 1997. № 3 (Sorokin P.A. Krizis sovremennoj sem'i // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 18. Sociologiya i politologiya. 1997. N 3).

Стельмахович А. Дела об алиментах. М., 1926 (Stel'mahovich A. Dela ob alimentah. M., 1926).

СУ РСФСР. 1918. № 76–77. Ст. 818 (SU RSFSR. 1918. N 76–77. St. 818).

Судебная практика РСФСР. 1930. № 9 (Sudebnaya praktika RSFSR. 1930. N 9).

Толстой Л.Н. Анна Каренина. М., 1970 (Tolstoj L.N. Anna Karenina. M., 1970).

Урланис Б.Ц. История одного поколения. М., 1968 (Urlanis B.C. Istoriya odnogo pokoleniya. M., 1968).

Шевченко И.О. Отчим в структуре современной российской семьи // Социология. 2011. № 2. С. 186–192 (Shevchenko I.O. Otchim v strukture sovremennoj rossijskoj sem'i // Sociologiya. 2011. N 2. S. 186–192).

СОЦИОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИЙ

Е.М. Бабосов, докт. филос. наук, проф., гл.н.с. Института социологии НАН Белоруссии, академик НАН Белоруссии*

А.А. Трусъ, канд. психол. наук, доц. Института бизнеса и менеджмента технологий Белорусского государственного университета**

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ В ОРГАНИЗАЦИОННЫХ МОДЕЛЯХ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ

Е.М. Babosov,

A.A. Trus

COMMUNICATION FEATURES IN ORGANIZATIONS OF DIFFERENT TYPES

В статье рассматриваются особенности коммуникации в организациях, построенных по моделям “закрытого”, “открытого”, “синхронного” и “случайного” типа. Авторы опираются на свой многолетний лекторский, тренерский и консультативный опыт. Актуализируется необходимость формирования и поддержания менеджментом современного предприятия эффективной организационной коммуникации. Проводится анализ преимуществ и недостатков, а также динамических характеристик организационных моделей и коммуникативных взаимодействий в них. Излагаются предпосылки и факторы повышения эффективности организационной коммуникации.

Ключевые слова: модели организационного построения, особенности организационной коммуникации, коммуникативная эффективность руководителя и сотрудников.

Peculiarities of communication in organizations of “closed”, “opened”, “simultaneous” and “chance” types are described in the article. The authors use their personal experience as a trainer and a consultant. The necessity of the formation and support of effective communication by management of a modern enterprise is actualized. The advantages, the lacks and the dynamical characteristics of the organizational models and communicational manifestations in them are analyzed. Preconditions and factors of efficacy of organizational communication are offered.

Key words: organizational models, peculiarity of the organizational communication, efficacy of the communication of a manager and employees.

Современная организация является чрезвычайно сложным социальным образованием, в котором протекает большое количе-

* Бабосов Евгений Михайлович, e-mail: soccomsys@mail.ru

** Трусъ Александр Алексеевич, e-mail: soccomsys@mail.ru

ство взаимосвязанных процессов и явлений, носящих причинно-следственный характер. Она может рассматриваться как открытая система, подчиняющаяся действию системных законов, а также как личностная проекция ее руководителя. Основной задачей руководителя является повышение эффективности организации, которую в общем виде можно представить как отношение полученного результата к вложенным затратам: чем больше результат и меньше затраты, тем эффективность деятельности организации выше. Одним из факторов достижения высокой эффективности является грамотно выстроенная коммуникация между сотрудниками на межличностном и функциональном уровнях.

Организация как естественная социальная система подвержена воздействию более широкой системы, и не всегда возможно увидеть и спрогнозировать это воздействие, что создает высокую неопределенность для коммуникативной практики руководителя. Центральным для такой системы оказывается понятие гомеостаза (самосохранения), которое позволяет ей сохранять работоспособность даже в условиях возмущений, идущих от внешней среды. На противоречивый, динамично изменяющийся, порой непредсказуемый характер внешней среды, в которой осуществляет функционирование любая организация, указывают в своих исследованиях специалисты различных областей — социологи, психологи, экономисты. При этом многими исследователями отмечается, что на рубеже XX—XXI в. произошли поистине революционные изменения в области организационного развития и управления современным предприятием. Эти изменения относятся к различным аспектам организационной жизни, в том числе, к особенностям формирования и реализации внутриорганизационной коммуникации. Степень коммуникативной зрелости на личностном, групповом и в целом на организационном уровнях выступает значимой предпосылкой не только эффективности выполнения сотрудниками своих должностных обязанностей, но и продуктивности работы всего предприятия.

Любая организация с социальной точки зрения — это своеобразное образование, не сводимое к простой сумме людей, его составляющих, и имеющее свои собственные коммуникативные закономерности существования. Одной из особенностей современной организации является то, что в ней оказываются воедино завязаны многие динамические феномены, процессы и явления. Речь здесь идет о таких разнообразных и непростых коммуникативных опциях, как процессы руководства и лидерства, феномены межгрупповых взаимодействий и индивидуальной комфортности, фаворитизма, моббинга и т.д. Уникальность и неповторимость

конкретной организации сочетаются с универсальными коммуникативными феноменами, протекающими в ней, знание которых необходимо руководителю для грамотного осуществления управленческой деятельности.

Организацию можно представить как группу людей, деятельность которых сознательно координируется для достижения определенных целей. Соответственно, управление ею есть осознанный процесс проектирования, изменения и соответствующего использования данного социального образования с помощью грамотно выстроенной коммуникации. Представление об управлении организацией в сложной, динамично меняющейся среде находит отражение в развитии культуры коммуникации применительно к различным организационно-управленческим моделям.

Будучи целостным организмом, организация в ответ на изменения в одном месте реагирует комплементарными изменениями во всей системе. Поэтому нельзя считать, что решение локальной проблемы с коммуникацией в отдельно взятом подразделении решит проблемы этой целостной структурно-функциональной единицы и никак не отразится на предприятии в целом. Сложно предсказать, в каких местах компании, и каким образом начнутся преобразования, связанные с локальными коммуникативными изменениями. Поэтому целесообразнее представлять изменения системно, начиная их сверху и заканчивая базовыми звеньями организации. Любые изменения, прежде всего, коммуникативного характера, происходящие в любой из подсистем, непременно отразятся на всех других подсистемах и системе в целом.

Качество организационных ресурсов вообще, и коммуникативных в особенности, непосредственно влияет на конкурентные возможности предприятия и является одной из важнейших сфер создания ее рыночных преимуществ. Эффективно действующая организация нацелена на максимальное использование коммуникативного потенциала своих руководителей и сотрудников, создавая все условия для наиболее полной их отдачи в процессе труда и интенсивного развития их потенциала. Менеджмент организации призван обеспечивать не только ее эффективное взаимодействие с внешней средой, но и максимально продуктивную коммуникацию сотрудника с организацией и сотрудников в организации.

Организационный контекст оказывает влияние на процесс и результат коммуникации, осуществляемой между руководителями и сотрудниками. Вопрос об оптимальном коммуникативном использовании различных организационных моделей активно разрабатывается не только в бизнесе, но также в государственном управлении, в спорте, в военном деле и в других областях челове-

ческого бытия. Организационные модели имеют собственный потенциал и свои ресурсы, но эти ресурсы оказываются теснейшим образом связаны с психологией человека, его возможностями и пристрастиями, его интересами и мотивами, представлениями о должном и важном, его отношениями с другими людьми и т.д.

Американский исследователь и оргконсультант Л. Константин, занимаясь изучением и анализом разных способов организационного устройства, существовавших на протяжении веков в человеческой истории, обнаружил, что при всем кажущемся многообразии их форм, базовыми для всех них оказываются четыре парадигмы. Они характеризуются своими наборами свойств в области управления, лидерства, принятия решений, организации взаимодействия и построения коммуникации, психологических особенностей людей, способных комфортно и продуктивно работать в рамках соответствующих форм. Эти четыре парадигмы, или модели, присутствуют и в современном отечественном бизнесе. Они получили название “закрытой”, “открытой”, “синхронной” и “случайной” организационных моделей.

Рассмотрим коммуникативные особенности каждой модели применительно к функционированию отечественных предприятий, опираясь на наш многолетний консультативный и тренерский опыт.

Модель “закрытой” организации

Эта модель представляет собой наиболее известную в истории форму организационного построения, которую Л. Константин обозначил геометрическим символом — пирамидой (треугольником). Организационные образования, которые с древнейших времен до наших дней сохранили свои сущностные признаки — армия и иные силовые структуры, церковь (безотносительно к конкретной конфессии), мафия, большинство предприятий среднего и практически все предприятия крупного бизнеса, система образования, в целом государство, — строятся по этой модели. Как показывает практика, таких структур подавляющее большинство.

Их отличительными особенностями являются:

- строгое иерархическое устройство с совершенно определенными отношениями власти и подчинения;
- единоначалие, т.е. нахождение на вершине пирамиды одного человека — руководителя, который по своим социальным и психологическим характеристикам, как правило, склонен ориентироваться на проявление авторитарного стиля управления;
- единоличное принятие решений руководителем с последующим их доведением до подчиненных по иерархической лестнице;

- реализация руководителем контроля выполнения распоряжений и применение санкции по своему усмотрению;

- четкость организации, построения и реализации бизнес-процессов;

- понимание всеми членами организационного механизма своего места и своей роли в нем.

Выражаясь языком военных, в модели “закрытого” типа “каждый боец знает свой маневр”: в этой иерархии для всех ее участников является абсолютно очевидным, кто является твоим непосредственным руководителем, и какие сотрудники находятся в твоём непосредственном подчинении. Эта ясность позиции облегчает жизнь людей в данной модели, компенсируя отсутствие возможности принимать участие в выработке решений возможностью строго ограничить пределы своей ответственности.

Можно утверждать, что модель “закрытого” типа берет начало в живой природе. В отличие от стадных животных, у которых, например, вожак-баран бежит впереди стада, у более организованных животных существует та или иная иерархия. Так, в качестве примера можно привести ближайших к человеку млекопитающих: во главе стада гамадрилов (крупных обезьян рода павианов) стоит альфа-самец, у которого есть несколько приближенных, есть и приближенные у приближенных и т.д. Если “простая”, “рядовая” обезьяна, не входящая в число приближенных, всего лишь сделает попытку подойти напрямую к вожаку, минуя своего “непосредственного начальника”, то она тут же получит от вожака ошутимый пинок, а потом еще и аналогичный увесистый пинок от своего начальника. И подделом — иерархическую структуру нарушать нельзя!

Если слово “обезьяна” заменить термином “сотрудник”, то получается знакомая картина из современной организационной жизни. В структурах, построенных по модели “закрытого” типа, каждый участник организационного процесса занимает свое, четко очерченное место на должностной лестнице. Нарушение субординации должно строго наказываться, так как это вносит сумятицу в умы персонала и нестабильность в управленческие процессы, ведет к хаосу и неразберихе. Армейская система, являющаяся наиболее зримым воплощением принципа иерархичности организационных отношений, “отшлифовала” всевозможные субординационные и отношенческие мелочи и детали: например, военнослужащий должен получить разрешение у своего непосредственного начальника на обращение к вышестоящему командиру. Аналогичным образом организовано взаимодействие и в церковной жизни: например, находящийся ниже по рангу священнослужитель должен получить благословение (т.е. разрешение) на издание своих трудов

(будь то светская или духовная литература) у вышестоящего руководства.

Если в живой природе какой-то гамадрил претендует на более высокое положение, то он должен доказать, что он сильнее, чем его соперник. Каждое место в иерархии — результат жестокой (именно жестокой, а не жесткой!) конкурентной борьбы. На роль вожака претендует не один гамадрил, а минимум два. Но вожаком становится только один. Неудачник же, который мог занять в стаде второе место, не идет в подчинение к своему сопернику, а, прекращая всякую борьбу, живет где-то на периферии территории, занимаемой стадом. При этом он слабеет настолько, что самая слабая, никчемная обезьяна в стаде может его совершенно безнаказанно пнуть. В итоге такого незавидного существования он, как правило, за шесть месяцев сильно истощается и погибает. Крайне редкими являются ситуации, когда претендент на вышестоящую позицию уводит часть гамадрил из “материнской” структуры и, таким образом, создается “конкурирующее предприятие”, которое он строит впоследствии по такой же иерархической модели. Для собственников и профессиональных руководителей, которые находятся в бизнесе не первый год, это природное явление может быть очень знакомым.

Корректно организованная коммуникация в модели “закрытого” типа осуществляется по иерархии — сверху вниз и снизу вверх. В этом вопросе должно действовать жесткое правило: “Вассал моего вассала — не мой вассал” (“Подчиненный моего подчиненного — не мой подчиненный”). Оно проявляется в реализации *непосредственной* коммуникации и передачи информации *последовательно* с предыдущего уровня на очередной (следующий). Если руководитель “перескакивает” несколько уровней должностной пирамиды и ставит задачу кому-то из исполнителей, не находящихся в его *прямом* подчинении, это приводит к многочисленным негативным функциональным и управленческим последствиям. Во-первых, он ломает основу организационной коммуникации — иерархическое прохождение информационных потоков. Во-вторых, он подрывает авторитет руководителя (или даже нескольких руководителей), которых он миновал (фактически — проигнорировал). В-третьих, он открывает перед исполнителем возможности для некорректного, манипулятивного взаимодействия, как со своим непосредственным руководителем, так и с самим “большим боссом” — постановщиком задачи. К сожалению, как показывает наш опыт работы с отечественными компаниями, от понимания руководителями необходимости реализации строго иерархической коммуникации до ее воплощения на практике в организационной реальности —

очень большая дистанция. Чаще всего оправдательными реакциями управленцев на нарушение ими очередности в прохождении информационных потоков, являются фразы: “Так гораздо быстрее: постановка задачи напрямую конкретному исполнителю позволяет сэкономить временные ресурсы”; “Так удобнее: мне виднее, кто из сотрудников с этой задачей может справиться лучше”. При этом впоследствии коммуникативные, управленческие, психологические, материальные и иные издержки оказываются гораздо более существенными, чем полученные сиюминутные “выгоды”.

Поуровневое прохождение информационных потоков — от вершины пирамиды до ее основания и обратно — сопряжено с высокой вероятностью искажения смысла передаваемого сообщения — от незначительных трансформаций до получения полной смысловой противоположности. Это обусловлено как особенностями протекания психических познавательных процессов у участников организационной цепочки (восприятие, память, мышление, речь и т.д.), так и сооружением ими сознательных коммуникативных “барьеров” на пути движения информации. Информационный ресурс в любой организационной структуре, а тем более в модели “закрытого” типа, является значимым фактором не только формального (статусного), но и неформального (психологического, отношенческого) позиционирования сотрудника в системе коммуникативных связей. Недаром говорят, кто владеет информацией, тот управляет миром. Наиболее характерными трансформационными проявлениями при передаче информации в организации “закрытого” типа являются:

- изложение не всей правды (какую-то часть передаваемого сообщения кто-то может придержать, опустить, не обратить на нее внимания);
- расстановка смысловых акцентов в выгодном для себя свете;
- “невинное” добавление от себя, “правильный” комментарий.

Зная механизмы и последствия данного коммуникативного феномена, опытные руководители вынуждены прорабатывать в организации неформальные (альтернативные, параллельные) источники доступа к информации для принятия на этой основе оперативных управленческих решений. Так, в фильме “Служебный роман” новый заместитель директора Статистического учреждения Юрий Григорьевич Самохвалов со словами “Что за дрянь вы курите?” протягивает блок сигарет “Marlboro” секретарше Верочке. Этот шаг руководителя, делающего первые шаги в незнакомой ему организационной реальности, был ею впоследствии правильно оценен: в телефонном разговоре со своим молодым человеком она не без гордости отметила, что “новый зам заводит дружбу с секретаршей”.

Косвенными негативными последствиями вертикального способа коммуникации является то, что значительная часть сотрудников оказывается вне многих информационных потоков, а потому рядовой персонал и отдельные руководители базового уровня могут часто не знать, что происходит в смежных подразделениях и в целом в компании. На корпоративных управленческих тренингах многие руководители (не говоря о рядовых сотрудниках) часто жалуются на дефицит информации и непонимание происходящего в своей организационной структуре. Для работы с этим коммуникативным явлением менеджменту необходимо организовывать эффективно действующие площадки для осуществления горизонтальной и вертикальной коммуникации. К ним можно отнести:

- организационные СМИ: корпоративный интернет-ресурс (сайт, интранет-страничка), газету, информационные бюллетени и т.п.;
- сессии стратегического планирования, образовательные мероприятия (тренинги, семинары, воркшопы и т.п.);
- групповые формальные и неформальные мероприятия: день рождения компании, подведение итогов работы за определенный период; спартакиады, вечера отдыха, новогодние огоньки и т.п.

Сильной коммуникативной стороной модели “закрытого” типа является ее быстрый перевод в “аварийный” режим функционирования: руководитель директивно спускает сверху четкое указание, обязательное для выполнения всеми звеньями организационной цепочки. За нечеткое или несвоевременное их выполнение назначаются жесткие дисциплинарные воздействия, которые стимулируют персонал к более решительным и активным действиям и заставляют организационный маховик вращаться слаженно и продуктивно. Однако в стабильных условиях эта же “медаль” проявляет свою оборотную сторону: структура имеет тенденцию к снижению мобильности, к стагнации и загниванию. Причинами этого выступают инертность и усиливающаяся самоуспокоенность персонала, ценностями которого являются стабильность и определенность, четкость и ясность, и который в ситуации относительной стабильности никто “не бодрит”. При этом руководитель авторитарного типа дает сотрудникам уверенность в завтрашнем дне, на него же ложится ответственность за все происходящее.

В модели “закрытого” типа реализуется так называемый принцип “черного ящика”, берущий свое начало в 40-х гг. прошлого века, когда зарождалась кибернетика. Н. Винер предложил модель системы, которую назвал “черный ящик”. Применительно к современной организации в качестве “черного ящика” могут быть рассмотрены любые системы или подсистемы, подлежащие управлению. Чтобы система работала эффективно, поступательно раз-

виваясь, она должна быть организована так, чтобы не требовалось вмешательства вышестоящего руководителя в работу, за исключением случаев крайней необходимости.

“Черный ящик” — это метафора, художественный образ, своеобразный конструкт, состоящий из следующих элементов:

- границ “черного” ящика — того, что отделяет эту подсистему от других организационных подсистем;
- владельца бизнес-процесса — руководителя данного структурного подразделения (оперативного менеджера);
- входа в “черный ящик”, который определяется ресурсами, подлежащими преобразованию в соответствии с реализуемым бизнес-процессом;
- бизнес-процесса — технологии, выражающейся в последовательности действий элементов “черного” ящика (сотрудников, исполнителей);
- “уставки” — плановых показателей, которых владелец бизнес-процесса должен достигнуть за определенный период;
- выхода — полученного результата за определенный период;
- обратной связи.

В организационной модели “закрытого” типа принцип “черного ящика” действует следующим образом. Организационная система — это цепочка, состоящая из определенного количества звеньев — структурных подразделений, представляющих собой “черные ящики”, логически взаимосвязанные между собой. У каждого из них есть вышестоящая управленческая надстройка — непосредственный руководитель, которому подчиняется руководитель конкретного “черного ящика”, выступающий владельцем бизнес-процесса. На “входе” в черный ящик вышестоящий руководитель выделяет владельцу бизнес-процесса необходимые ресурсы, которые тот использует для получения результата на “выходе”. Вышестоящий руководитель также устанавливает образ результата или “уставку” — плановые показатели, которые владелец бизнес-процесса должен достигнуть за определенный период. По окончании указанного периода вышестоящий руководитель сравнивает “выход” (полученные результаты) с “уставкой” (плановыми показателями), на основании чего дает владельцу бизнес-процесса обратную связь: положительную или отрицательную, в зависимости от соотношения “выход”/“уставка”.

При этом он не должен внедряться в текущие процессы, происходящие в “черном ящике”, насколько бы они сложны ни были. Его задачи — сравнить выходные факторы с заданной им “уставкой”, провести их сопоставление, анализ и дать владельцу бизнес-процесса обратную связь. Обеспечив саморегулируемость внутренних

процессов, руководителю нет необходимости вмешиваться в работу каждой из подсистем (структурных подразделений и отдельно взятых сотрудников). Но, как показывает отечественная управленческая практика, достичь идеального состояния, при котором вышестоящая управленческая надстройка не внедряется в процесс управления нижестоящим “черным ящиком” крайне непросто. Предпосылками разделения функционала и границ ответственности и невмешательства в работу нижестоящего руководителя является доверие между двумя руководителями, находящимися в непосредственном подчинении. Это доверие формируется при условии согласования и реализации взаимных договоренностей — так называемого “контрактинга”, включающего следующие компоненты:

- кто что делает;
- кто за что отвечает;
- как осуществляется порядок взаимодействия в “сложных” управленческих и деловых ситуациях.

В модели “закрытого” типа, на чем более высокой ступени должностной лестницы находится руководитель, тем, метафорически выражаясь, “большим лодырем” он должен быть. Другими словами: он не должен заниматься рутинными проблемами, не должен делать то, что могут сделать его подчиненные. Решение текущих задач — прерогатива тех, кто находится “этажами ниже”. Работа первых лиц заключается в том, чтобы заниматься стратегическими вещами, искать и находить “правильные” направления бизнеса, работать на опережение ситуации, реализовывать проактивный подход к управлению организационным образованием. Если система грамотно выстроена, четко отлажена и эффективно функционирует, менеджмент должен внедряться в оперативную деятельность только в случаях ее подготовки к требованиям дня завтрашнего. Эту мысль находим еще у Сократа, который, говоря о специфике деятельности руководителя, отмечал, что главная его задача состоит в том, чтобы поставить нужного человека на нужное место и добиться выполнения своих указаний. Предпосылками такой, по нашему мнению, в высшей степени правильно организованной работы являются:

- последовательное прохождение руководителем всех ступеней организационной пирамиды — от базового исполнительского звена до уровня, соответствующего “потолку его некомпетентности”;
- своевременное и качественное выстраивание организационно-управленческой структуры;
- создание системы стимулирования сотрудников, реально побуждающей их к добросовестному выполнению своих функциональных обязанностей.

Иначе руководителю придется вникать во все управленческие мелочи, обрастать горой текущих проблем, выступать в роли “пожарного”, оперативно реагирующего на всевозможные организационные “чрезвычайные ситуации”.

В случаях, когда вышестоящий руководитель по определенным причинам имеет цель получить информацию “из первых рук” (например, об особенностях реализации какого-либо проекта, за который отвечает сотрудник исполнительского звена), он во избежание эффекта “испорченного телефона” может пообщаться напрямую с этим исполнителем, но только в присутствии его непосредственного руководителя.

Для эффективной реализации управленческих функций вообще и коммуникативных факторов, в частности, в организации “закрытого” типа используется понятие “норма управления”, отражающее количество сотрудников, которое должно находиться *в непосредственном подчинении* у руководителя. Различные авторы предлагают спектр вариантов — от трех до десяти и более человек. По нашему мнению, оптимальной величиной, характеризующей “норму управления” будет 7 ± 2 . Если в непосредственном подчинении руководителя, находящегося на каждом управленческом уровне, будет менее пяти человек, с одной стороны, получится довольно громоздкая система управления с нездоровой бюрократией, подразумевающей сложный механизм принятия решения, прохождения информационных потоков, согласования документов и т.п. С другой стороны, вытянутая многоуровневая пирамида, приведет к тому, что организация будет действовать по принципу: “один с сошкой — семеро с ложкой” со всеми вытекающими отсюда негативными экономическими, психологическими и управленческими последствиями.

Если же в подчинении руководителя будет более десяти человек, это окажет негативное влияние не только на эффективность реализации основных управленческих функций (постановка задач, контроль исполнения и др.), но и редуцирует возможности руководителя в осуществлении индивидуального подхода к работе с сотрудниками.

Отмеченные коммуникативные особенности модели “закрытого” типа накладывают отпечаток на формирование конкретной организационной подсистемы. Она на каждом управленческом уровне должна осуществляться “под непосредственного руководителя”. Здесь реализуется важный принцип, о котором в произведении “Маленький принц” писал А. Сент-Экзюпери: “Мы в ответе за тех, кого приручили”. Далее: место в организационной иерархии, функционал, полномочия каждого сотрудника должны быть

прописаны как можно более четко и закреплены документально. Это позволит не только избежать размывания иерархической структуры и подрыва принципа единоначалия в организации “закрытого” типа, но и повысить эффективность реализуемой в ней вертикальной и горизонтальной коммуникации.

Модель “открытой” организации

Согласно результатам исследования, проведенного Л. Константином, организацию, построенную по принципам “открытой” модели, в истории ему удалось найти в образе классического английского парламента. Геометрической фигурой, отражающей существенные характеристики данной модели, выступает круг. В отечественных деловых и управленческих реалиях по этой модели строятся некоторые предприятия малого бизнеса на начальной стадии работы, при вхождении их в рынок (формировании и развитии), проектные команды, а также отдельные структурные подразделения (подсистемы) в рамках большой организационной системы, функционирующей по модели “закрытого” типа.

Круг отражает основные психологические (прежде всего, коммуникативные) и управленческие особенности такого типа устройства организации и иллюстрирует ключевые свойства “открытой” модели — совместность, партнерство и психологическое равенство всех ее участников. Эти характеристики проявляются практически во всех организационных процессах, прежде всего, в выработке решений, которые обсуждаются коллегиально, т.е. всеми сотрудниками, и принимаются на основе достижения ими консенсуса. Наиболее ярким выражением этого механизма является взаимодействие знатоков в команде в популярной игре “Что? Где? Когда?”. Все участники, являясь, как правило, профессионалами высокого уровня в своей функциональной нише, полноценно и равноправно обсуждают возможные варианты. Центр круга является площадкой для обмена информацией, на основании которого и принимается взвешенное и устраивающее всех решение. Круг символизирует право каждого участника на получение необходимой информации, полностью открытой для всех. Механизмом подобного рода работы выступает “круглый стол”, за которым сотрудники в процессе реального обмена информацией и определения позиций приходят к итоговому согласованному результату.

Таким образом, основным способом работы такой структуры является разговор “профессионала с профессионалами”, или “равного с равными”. Психологически интересны при этом статусная, управленческая и коммуникативная позиция руководителя орга-

низации, функционирующей в “открытой” модели. Его коммуникация с сотрудниками может быть организована и реализована в двух вариантах:

– “ракушка”: коммуникация руководителя с каждым сотрудником осуществляется персонально, поочередно. Здесь важно соблюдение принципа психологического равенства всех сотрудников в осуществлении “доступа к телу руководителя”. Если в модели “открытого” типа, где доминанта равенства выступает определяющим фактором эффективности совместной работы, одни сотрудники более “равны”, чем другие, это отражается, как на психологическом климате, так и на процессуальных и результирующих составляющих деятельности;

– “паутина”. В этом варианте к коммуникации руководителя с каждым сотрудником добавляется коммуникация “всех со всеми”. Психологически роль и место руководителя можно определить как “первый среди равных”. Его задачами во взаимодействии с сотрудниками являются: создание условий для свободного обмена мнениями, организация пространства, времени и процесса обсуждения, направленных на получение согласованного результата. В этом смысле позиционно руководитель выступает “организатором и вдохновителем”, т.е. “фасилитатором”/“модератором” дискуссии, который задает повестку дня встречи и направляет взаимодействие участников в нужное результирующее русло, оставаясь в содержательном плане одним из них. Такой стиль управления предполагает наличие определенных личностных характеристик (эмпатии, полихроничности, поведенческой гибкости и др.), навыков управления групповыми динамическими феноменами, хорошо развитых коммуникативных способностей, умения четко выдерживать границы своей ролевой позиции.

В организации, построенной по модели “открытого” типа, комфортно себя чувствуют люди, которые высоко ценят профессионализм, нацелены на непрерывное поступательное развитие, и для которых предпочтительна психологическая позиция “на равных”. Они ждут к себе адекватного партнерского отношения, и, в свою очередь, аналогичным образом стремятся относиться к своим коллегам. Готовность проявлять инициативу и брать на себя ответственность связана с тем, что сотрудники чувствуют свою причастность к происходящему в организации и могут в полной мере реализовывать собственный интеллектуальный, эмоциональный, профессиональный и иной потенциал. Тот, кто выступает с конкретной идеей (предложением, инициативой и т.п.) при обсуждении варианта решения, получает от своих коллег оперативную и адекватную обратную связь. Такая адекватность заключается в ис-

кренней и профессионально корректной оценке высказанного сотрудником предложения со стороны других участников. Она может быть, как положительной (“Супер! Отличная идея! Молодец!”), так и негативной (“Твое предложение сыровато. Предложенный вариант требует дальнейшей доработки”). Коллеги, которые слушают выступающего, получают, как правило, много новой, интересной и ценной информации, что способствует их развитию в различных аспектах: профессиональном, личностном, управленческом и др. В этом плане модель “открытого” типа отражает ставшую популярной в последнее время идею П. Сенге о “самообучающейся организации”.

Корпоративная культура, психологический климат в такого типа структурах держатся на идее “наша компания” и способствуют формированию чувства “мы”. Организация, построенная по принципу “открытой” модели, достаточно демократичная, гибкая и открытая изменениям.

При всех отмеченных достоинствах, как и у любой организационной модели, у “открытой” “медали” есть оборотная сторона. Она заключается в колоссальных затратах самого ценного из всех организационных ресурсов — времени. Как показывает опыт работы с отечественными предприятиями, значительными потерями времени сопровождается любое взаимодействие по выработке согласованного решения. И даже самый лучший (инновационный, креативный и т.п.) вариант, который, возможно, не придет в голову руководителю в модели “закрытого” типа, но при этом принятый несвоевременно, когда динамичная внешняя ситуация существенно изменилась, “подобно прокисшему молоку, будет вылит в канализацию”.

Модель “синхронной” организации

Модель “синхронной” организации в истории Л. Константин обнаружил при анализе политических партий, религиозных сект и разного рода идеологических образований. Увидев во всех этих случаях нечто общее, независимо от “идеологической подкладки”, он предложил в качестве символа организации этого типа параллельные стрелки. Мы же предлагаем схематично изобразить эту модель в виде центральной стрелки, от которой, подобно камню, брошенному в воду, равномерно отходят круги. Ключевой фигурой здесь является руководитель. Им выступает, как правило, управленец харизматичного типа, вокруг которого выстраивается активный, в некоторых случаях — бурный процесс взаимодействия со всеми сотрудниками.

Л. Константину, автору рассматриваемого концепта, не удалось найти “синхронную” модель организации в американском бизнесе. Что же касается отечественной управленческой и предпринимательской практики, то здесь имеются серьезные предпосылки для построения организационных образований по такого рода модели. Она с успехом реализуется в бизнесе на этапе “старт-ап”, когда сильная яркая личность задумывает какой-либо проект. Руководитель (как правило, в одном лице выступающий и собственником бизнеса) подбирает персонал *исключительно “под себя”*, привлекая будущих сотрудников, прежде всего, интересной идеей, а также своей силой воли, огромной энергией, оптимизмом, способный вдохновить, зажечь и направить их на достижение поставленной им цели. Такой механизм является весьма характерным для отечественных организационно-управленческих и деловых реалий: следование за сильным лидером было и по сей день остается в наших социальных условиях привычкой и потребностью для многих людей; такой образ жизни вполне соответствует менталитету большинства наших сотрудников. Основным механизмом управления здесь становится мотивация персонала, которая держится на интересе к работе с неординарной личностью, участию в необычном проекте, и увязывание персональных интересов наемных сотрудников с интересами собственника бизнеса.

Рассматриваемую модель можно также назвать “центрической”. В ней руководитель, находящийся в центре системы, как статусно, так и психологически, индивидуально (т.е. персонально) ставит задачи каждому сотруднику на совершение определенных действий, ограниченных во времени. Вся организационная коммуникация осуществляется через руководителя. В ней, подобно модели “закрытого” типа, последнее слово остается за руководителем. Сотрудники, как правило, не приучены к тому, чтобы самостоятельно искать и находить приемлемый вариант выхода из сложившейся ситуации, коллегиально принимать согласованное решение.

Отличительной особенностью “закрытой” и “синхронной” моделей является их реакция на замену руководителя. В первой из них с приходом нового менеджера кардинальных изменений не происходит — настроенная и обкатанная система действует как хорошо отлаженный механизм. Во второй модели с уходом руководителя, к примеру, на новый проект, высока вероятность запуска негативных динамических процессов и явлений (саботаж, слухи, сплетни, борьба за территорию и т.п.). Это объясняется тем, что действующий руководитель подбирает сотрудников *“под себя”*, они достаточно долго притирались друг к другу, и в результате нашли ту оптимальную психологическую и физическую дистанцию, которая

комфортна для каждой из сторон. Каким бы уникальным ни был новый руководитель, насколько бы по своим личностным, управленческим, коммуникативным, профессиональным характеристикам он ни походил на предыдущего, тем не менее, на сто процентов его не заменит. Приход нового руководителя в любую уже сложившуюся организацию, сопровождается притиркой и выстраиванием границ. Но в модели “синхронного” типа у руководителя будет значительно больше “головной боли”.

Говоря о сотрудниках такой организации, стоит иметь в виду, что психологически это должны быть люди, готовые к самостоятельной работе в рамках конкретной задачи, полученной непосредственно из рук руководителя. Исполнительность, ответственность, пунктуальность, завязанные на интересе к выполняемым заданиям, — вот основные психологические характеристики, желательные для сотрудников, работающих в “синхронной” модели. Но если руководителю удастся подобрать таких людей, расставить их по своим направлениям и нацелить на реализацию оперативно поступающих от него задач, жизнь подобной организации начинает напоминать течение реки: все движется в одном направлении — к намеченному руководителем результату. При этом в процессе данного движения достаточно автономно существуют разные специалисты, подобно кругам, идущим по воде от камня, брошенного в воду.

Отметим слабые моменты, которые сопровождают работу руководителя и сотрудников в организации, построенной по “синхронной” модели. Во-первых, ее достаточно ригидный характер, выражающийся в невысокой способности системы и готовности сотрудников к изменениям. Для их осуществления руководителю требуется наличие значительных временных ресурсов и приложение собственных интеллектуальных, эмоциональных и волевых сил. Чем дольше он работает в такой модели, тем большим ее заложником становится: без исходящих от него периодических импульсов система стремится к затуханию. Результат: руководитель не может уйти в отпуск, выделить время для собственного обучения и развития. Во-вторых, система, построенная по модели “синхронного” типа, может развиваться до определенных размеров, которые определяются личностными ресурсами и управленческими возможностями конкретного руководителя.

Модель “случайной” организации

Схематично организацию, построенную по модели “случайного” типа, можно представить в виде броуновского движения, где каждая частица находится в максимально автономном режиме

функционирования. Соответственно, из всех четырех моделей, предложенных Л. Константином, данная структура является образцовым чрезвычайно динамичным и пластичным. Взгляд непосвященного человека, брошенный на эту систему, может вообще не обнаружить никаких признаков привычного (традиционного) организационного построения. Ключевой термин — “случайная” — определяет ее процессуальные, динамические, социально-психологические характеристики: случайно встретились, случайно пообщались... Тем не менее, можно привести немало ее устойчивых исторических форм. Например, многие научные организации, где структурные подразделения и отдельные сотрудники, занимающиеся разными исследованиями, формально объединены общей темой, и входящие в один отдел или в одну лабораторию, находятся в “свободном плавании”. Здесь процессуальная составляющая взаимодействия отходит на второй план, уступая место результирующей доминанте индивидуальной работы.

В таких моделях достаточно комфортно чувствуют себя сотрудники, имеющие потребность в самостоятельном распределении временных ресурсов и определении приоритетности работ, автономном существовании и возможности проявления личного творчества в процессе деятельности, представляющей для них интерес и приносящей несомненную пользу.

В бизнесе по этому типу строятся различного рода сетевые структуры, в которых каждый сотрудник работает на свой собственный результат, самостоятельно организуя свое время и пространство и гибко управляя своими ресурсами. Он индивидуально разыскивает необходимую ему информацию (о рынке, о потенциальных клиентах и т.п.). Горизонтальные коммуникации являются достаточно ограниченными по причине того, что общие интересы сотрудников сведены к минимуму. Каждый принимает решение исключительно самостоятельно — в рамках выполняемых функций, решаемых задач.

Интересна позиция руководителя организации, строящейся по такой модели. Его можно метафорически назвать “собирателем земель”. В научном подразделении, например, его начальник собирает результаты работы каждого сотрудника, объединяет их под общей обложкой и подает вышестоящему руководителю (заместителю директора института по научной работе). Как показывает отечественная деловая и управленческая практика, наиболее эффективным руководителем здесь выступает человек, работающий в либерально-демократическом стиле, доверяющий сотрудникам и считающий, что они сами в состоянии выполнить свою работу, без какого-либо вмешательства, а тем более опеки с его стороны.

Именно поэтому понимание, терпение и терпимость, а также умение находить компромиссы — главные психологические требования к руководителю “случайной” организации.

В больших организационных образованиях по данной модели строятся структурные подразделения, деятельность которых предполагает у сотрудников наличие таких характеристик, как сильная творческая ориентация, возможность самостоятельно работать и проявлять себя и неприязнь к вмешательствам в их дела. К любому контролю “по процессу” они относятся болезненно, воспринимая его как проявление недоверия со стороны руководителя и ущемления своих интересов.

Динамическая характеристика организационных моделей и коммуникативных проявлений в них

Организация, как было отмечено ранее, должна представлять собой достаточно гибкое образование для реализации стоящих перед ней целей посредством эффективного реагирования на изменение средовых характеристик. Понимание ее менеджментом особенностей, положительных моментов и ограничений каждой из рассмотренных моделей приводит к выбору и реализации той из них, которая является наиболее предпочтительной в конкретных условиях.

С чего начинается построение бизнес-структуры в отечественной предпринимательской практике? Как правило, с реализации моделей “открытого” или “синхронного” типа. До некоторого времени эти структуры показывают свою эффективность, отвечая требованиям учредителей в достижении намеченных целей. Но с достижением “точки убывающей эффективности” они становятся препятствиями для дальнейшего роста бизнеса, что должно побудить собственников к переводу их в модель “закрытого” типа.

Группа “одноклассников — однокашников — друзей — приятелей — etc.” организует “маленький гешефт”, в рамках которого несколько человек совместно решают возникающие задачи. Возможно, сами того не осознавая, они работают по модели “открытого” типа. Никто не считается со временем, не сравнивает величину своего вклада с инвестициями других участников в общий результат. Но, как только бизнес набирает обороты, и появляются первые серьезные финансовые результаты, высока вероятность того, что между учредителями может пробежать черная кошка. Наступает кризисный момент, когда необходимо четко разделить функционал и провести вневременные границы ответственности.

Один человек создает “под себя” предприятие малого бизнеса для реализации определенной коммерческой идеи (“синхронная” модель). Основная трудность, с которой сталкивается в отечественном бизнесе руководитель, работающий в организационной модели “синхронного” типа, состоит в том, что готовность сотрудников взять на себя ответственность и получить требуемый результат уступает место тенденции избегания всякой ответственности и внешнему локусу контроля.

Индивидуально-совместная форма деятельности руководителя в модели “закрытого” типа выражается во взаимодействии его со многими участниками организационного процесса, как находящимися в его непосредственном, так и в прямом подчинении, при движении к обозначенной цели и персональную ответственность руководителя за достигнутый результат. Эту особенность четко проиллюстрировал в своих мемуарах Ли Якокка, описывая работу на посту первого лица компании “Крайслер”. В частности, он рассказал об особенностях построения и реализации коммуникации со своими менеджерами. Когда возникала задача, требующая всестороннего анализа, осмысления, поиска различных вариантов решения, он собирал их вместе за “круглым” столом (модель “открытого” типа) и проводил мероприятие, напоминающее “мозговую штурм”. После того, как все участники высказали свои мнения, идеи и предложения, он подводил итог обсуждению и переводил взаимодействие с ними в “закрытую” модель: “Хорошо, ребята, я вас выслушал, а теперь послушайте, что мы с вами будем делать”. На этом демократия заканчивалась — организовав сбор информации у своих подчиненных, он лично принимал решение, обязательное для выполнения всеми должностными лицами, при этом принимал на себя персональную ответственность за его последствия (модель “закрытого” типа).

Успех функционирования всего предприятия в рамках большой организационной системы “закрытого” типа, независимо от того, по какой модели конкретный руководитель выстраивает свое структурное подразделение, заключается в командном взаимодействии этих руководителей, основой которого выступает профессионализм каждого из них, взаимное уважение и доверие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адизес И.К. Управление жизненным циклом корпорации. М., 2015 (*Adizes I.K.* Upravlenie zhiznennym ciklom korporacii. M., 2015).

Бабосов Е.М. Социология управления: пособие для студентов вузов. Минск, 2010 (*Babosov E.M.* Sociologija upravljenja: posobie dlja studentov vuzov. Minsk, 2010).

Бабосов Е.М. Социальные конфликты и управление ими. Теория и практика менеджмента конфликтов. Минск, 2009 (*Babosov E.M.* Social'nye konflikty i upravlenie imi. Teorija i praktika menedzhmenta konfliktov. Minsk, 2009).

Коллинз Дж. От хорошего к великому. Почему одни компании совершают прорыв, а другие нет... СПб., 2004 (*Kollinz Dzh.* Ot horoshego k velikomu. Pochemu odni kompanii sovershajut proguv, a drugie net... SPb., 2004).

Кунц Г. Управление. Системный и ситуационный анализ управленческих функций. М., 2008 (*Kunc G.* Upravlenie. Sistemnyj i situacionnyj analiz upravlencheskih funkcij. M., 2008).

Нив Г. Организация как система: принципы построения устойчивого бизнеса Эдвардса Деминга. М., 2014 (*Niv G.* Organizacija kak sitsema: Principy postroenija ustojchivogo biznesa Jedvardsa Deminga. M., 2014).

Трус А.А. Кинотренинг: технология и методика видеообсуждения. СПб., 2011 (*Trus' A.A.* Kinotrening: tehnologija i metodika videoobsuzhdenija. SPb., 2011).

Трус А.А. Психология управления: Учеб. пособие. Минск, 2014 (*Trus' A.A.* Psihologija upravljenja: ucheb. posobie. Minsk, 2014).

Уэлч Д.Д. Мои годы в GE. М., 2006 (*Uelch D.D.* Moi gody v GE. M., 2006).

Якокка Л. Карьера менеджера. М., 1991 (*Jakokka L.* Kar'era menedzhera. M., 1991).

В.И. Верховин, докт. социол. наук, проф. кафедры экономической социологии и маркетинга социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*
А.А. Ионов, канд. социол. наук, зав. отделом Института развития образовательной политики МГУ имени М.В. Ломоносова**

ОСОБЕННОСТИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПАРТНЕРСТВА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

V.I. Verhovin,
A.A. Ionov

SPECIAL FEATURES OF INFORMATION PARTNERSHIPS IN THE CONTEXT OF MODERN CIVIL SOCIETY

В статье рассматривается феномен информационного партнерства в условиях современного гражданского общества. Анализируются основные формы его функционирования, в том числе "общегражданские", "экспертные", "конституционные", "дискуссионно-политические" и др. Раскрываются универсальные функции информационного партнерства.

Ключевые слова: информационное партнерство и гражданское общество, виды информационного партнерства, субъекты информационного партнерства, конкурентный рынок информационных услуг, социальное сравнение.

The article is devoted to the phenomenon of information partnership in modern civil society. The main forms of functioning are analyzed, including "general civic", "expert", "constitutional", "discussion-political" and others. Universal functions of information partnership are revealed.

Key words: information partnership and civil society, types of information partnership, subjects of information partnership, competitive market of information services, social comparison.

Усложнение и дальнейшая поляризация элементов современного гражданского общества требуют развития коммуникативных каналов, которые связывают все большее число граждан в единую информационную сеть. И это не техническая, а скорее социальная проблема, поскольку обеспечивается относительное единство обратной связи отдельных граждан и тех интегративных структур, в которых локализируются лица и социальные группы или принимающие важные решения, или влияющие на их принятие, или могущие влиять тем или иным образом на общественное мнение.

* Верховин Владимир Исаакович, e-mail: viverhovin@yandex.ru

** Ионов Александр Анатольевич, e-mail: ionovmsu@mail.ru

Речь идет о том, что через информационные каналы (прессу, радио, телевидение, интернет и т.п.), “развертывается” необходимая система “публичности”, которая *высвечивает* деятельность лидеров различного порядка перед всем спектром общественного мнения. Причем, чем выше статус того или иного человека в системах власти, бизнеса, искусства, науки и т.д., тем выше интерес общества к этим персоналиям. Тем самым обеспечивается массовый контроль граждан за их поведением.

Система информационного “просвещения” элитарных слоев способствует установлению относительного равновесия “конфиденциальных сфер принятия решений” и способов реагирования на них рядовых граждан и “открытости” между ними. Известно, что в ряде случаев эта информационно-коммуникативная сеть становится “мало прозрачной”, скрывая то, что “не нужно знать рядовым гражданам”. Однако в рамках гражданского общества, в котором превалирует плюрализм мнений, многопартийная система, представительная демократия, многопартийные выборы и другие институты, обеспечивающие “равновесие” социальных интересов, “закрытость” отдельных секторов преодолевается за счет действия механизмов социальной, политической и рыночной конкуренции.

Все возрастающая “информационная открытость” современного гражданского общества является гарантом того, что, во-первых, элитарные и “закрытые” слои этого общества, находятся под контролем общественного мнения. Во-вторых — существует и постоянно воспроизводится мощная система “общественного влияния” большинства на действия и положение государственных, политических и иных лидеров в направлении обеспечения консенсуса социальных интересов всех социальных групп и образований в рамках всего общества в целом.

Очевидно, что “открытый” информационный порядок помимо выполнения своей демократической функции по обеспечению “равного доступа” всех граждан к источникам информации и свободы выражения своего мнения выполняет одну из важнейших *задач национальной консолидации и социального сотрудничества между ними*.

Иная ситуация возникает в так называемых *закрытых* обществах, в которых имеет место дозирование информации, а большинство объективных противоречий и конфликтов мифологизируется. В рамках такой системы, по мнению К. Ясперса, возникают различные *фетиши социального отрицания*, на которые возлагается ответственность и вина за все несчастья и проблемы, возникающие в обществе и которые становятся “козлами отпущения” и подвергаются дискриминации¹. Отсутствие открытого информационного

¹ См.: Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 148–149.

порядка обмена мнениями объективно способствует возникновению таких идеологических систем, которые декларируют свою монополию на знание или на абсолютную истину, исключая носителей других точек зрения. При этом носители идеологического мышления конструируют свою концепцию мира и своего положения в нем таким образом, что этим они совершают самообман, необходимый для самооправдания, для маскировки своих подлинных интересов, для того, чтобы в данной ситуации тем или иным способом уклониться от требуемых решений ради собственной выгоды².

В условиях, когда механизмы доступа к информации действуют в “открытом режиме”, они способствуют не только необходимому уровню информированности граждан, но и созданию такой *системы социальных дискуссий*, которые, во-первых, обеспечивают различные формы консолидации граждан вокруг “болевых точек” развития общества. Во-вторых, — поиск наиболее оптимальных альтернатив решения социальных проблем.

Можно сказать, что *дискуссионное поле*, возникающее с помощью “открытых” средств массовой информации, является, с одной стороны, социальным “клапаном”, предотвращающим и амортизирующим социальные напряжения и конфликты, а с другой — необходимым условием “передачи” предмета дискуссии в распоряжение тех экспертных групп, которые, опять же, в режиме дискуссии, вырабатывают соответствующие методы и средства решения актуальных проблем.

Свободный информационный обмен внутри гражданского общества является результатом и следствием таких форм политической и информационной свободы, в рамках которых все стремятся вести переговоры и проявлять терпимость, решая те жизненные вопросы, которые могут объединить всех людей, независимо от различий в вере, мировоззрении и интересах³.

Свобода информационного обмена — одно из главных условий существования гражданского общества. Она обеспечивает открытую и ничем не ограниченную *дискуссию* между различными категориями граждан, не зависимо от их социального, экономического, политического статуса и т.п. Это связано с тем фактом, что демократическая форма выработки и принятия решений на различных уровнях предполагает полную осведомленность, а также ознакомление со всей доступной информацией, со всеми данными, с аргу-

² См.: Там же. С. 146.

³ См.: Там же. С. 178.

ментацией всех сторон, причем это требование предъявляется всему населению⁴.

При этом пропаганда и распространение различных точек зрения, отражающих мнение различных социальных групп, их представителей, а также отдельных индивидов, основана на *свободной конкуренции*. Последняя является результирующим фактором действия демократических процедур, защищающих такой порядок, при котором тот или иной социальный конкурент, имеющий иную точку зрения, не становится врагом, а готов к совместной деятельности. В принципе такого рода обсуждение и свободный обмен информацией вообще не имеют социальных и политических пределов, в рамках которых конфликтующие стороны стремятся к совместным действиям на основе соглашения и компромиссов⁵.

Конвенции *общественного мнения*, составляющие основу информационного порядка, являются необходимым условием функционирования гражданского общества в целом и тех государственных и политических структур, которым делегируются власть и процесс принятия решений. С помощью информационного порядка, обеспечивающего информационный и дискуссионный обмен мнениями, создается система обратной связи между различными социальными порядками гражданского общества, различными социальными группами, функционирующими в их рамках, и теми государственными и политическими структурами, которые реализуют функции власти и принятия решений.

Можно предположить, что при всей сложности и противоречивости информационного порядка, который действует “внутри” “сложных” современных обществ, он является важнейшим демократическим средством достижения социального консенсуса на основе:

- предоставления информации всем, кто в ней нуждается (обеспечивая необходимые процедуры проверки ее достоверности);
- выражения всех точек зрения в рамках всего спектра общественного мнения;
- обеспечения конкурентного разнообразия и вариативности доступа средств массовой информации, “просвечивающих” все слои, уровни и социальные порядки гражданского общества.

Чем эффективнее действует эта система, тем больше возможностей она может предоставить в плане поиска оптимальных альтернатив социального развития, тем большее число членов общества может быть включено в этот процесс социальных дискуссий. В этой связи “дискуссионное поле”, созданное в рамках информа-

ционного порядка, можно отнести к своеобразной системе *информационного партнерства*. В его рамках, с одной стороны, расширяются информационные горизонты и границы “понимания” одних членов общества другими, а с другой — интегрируются их локальные интересы вокруг тех фундаментальных проблем и ценностей гражданского общества, которые их объединяют.

Эти формы социального партнерства являются необходимым фактором социальной консолидации, выполняя целый ряд необходимых функций, связанных с обменом информацией внутри плюралистической структуры общественного сознания и мнения гражданского общества. Информационная открытость последнего является фундаментальной ценностью и важным условием его функционирования, поскольку способствует установлению относительного равновесия социальных интересов различных субъектов социальной жизни.

Когда мы говорим о равновесии социальных интересов, которое достигается на основе равного обмена информацией и доступа к ней, то имеем в виду, прежде всего, тот факт, что посредством демократических механизмов равного доступа к информации обеспечивается объективный способ “социального сравнения” и *социальной оценки* их социального положения и социальных перспектив относительно друг друга.

Следует отметить, что в условиях гражданского общества и того дискуссионного поля обмена информацией и мнениями, которое формируется внутри него, механизмы социального сравнения, функционирующие на социально-психологическом, индивидуальном и групповом уровнях, не существуют автономно. Они находятся в непосредственном контакте и взаимодействии с соответствующими механизмами зондажа общественного мнения, роль которых выполняют наука, свободная пресса, радио и телевидение.

Известно, что социальное сравнение — очень гибкий, чуткий и динамичный механизм, в котором заложена возможность адекватного отражения социальной реальности. Социальное сравнение, осуществляемое на индивидуальном, групповом и массовом уровнях, — это не просто оценка, а основание принятия решений, важный ориентир социального поведения и взаимодействия. Следовательно, оно имеет постоянную обратную связь с социальной действительностью и поэтому не может надолго входить с ней в принципиальное противоречие⁶.

По существу, на базе механизмов социального сравнения формируются конкретные “пласты” социальных настроений, индиви-

⁴ См.: Там же. С. 175.

⁵ См.: Там же.

⁶ См.: *Наумова Н.Ф.* Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения. М., 1988. С. 19.

дуальных, групповых и массовых экспектаций. Они выражают те или иные представления о доминирующих нормах и ценностях социальной жизни конкретного общества и отражают меру соответствия этим нормам и ценностям, которые представлены многообразным спектром конкретного жизненного опыта людей.

Речь идет о том, что механизмы социального сравнения стихийно (на социально-психологическом уровне) формируют своеобразную оценочную систему социальной справедливости. В рамках этой системы конкретный социальный опыт представителей различных социальных групп и социальных культур “измеряет” в различных шкалах эквивалентность (справедливость) социальных достижений одних социальных категорий относительно других.

В любом обществе всегда функционирует соответствующая его социальной структуре система социального сравнения, которая является *показателем соответствия* декларируемых ценностей социальной жизни реальным условиям их воплощения в конкретной социальной практике. Эта система социального сравнения, во-первых, стихийно “измеряет” реальный доступ различных социальных групп к различным уровням благосостояния. Во-вторых, определяет пределы их социальных достижений. В-третьих, соотносит ценностные шкалы и предпочтения одних социальных категорий и ценностные шкалы и предпочтения других. В-четвертых, дает позитивную или негативную оценку возможностям и пределам их социального воспроизводства. В-пятых, стохастически формирует идеальные представления о “должном” и т.п.⁷

Однако несмотря на диффузность социальных настроений и оценок, которые возникают в процессе действия механизмов социального сравнения, их роль весьма значима, поскольку они формируют и отражают динамику общественного мнения, которое, во-первых, имеет неоднородную структуру. Во-вторых, может быть “канализировано” в различных направлениях — деструктивном и конструктивном. В-третьих, является важным “барометром” измерения социальной стабильности и устойчивости социальных систем.

В условиях гражданского общества механизмы социального сравнения и формирующаяся на их основе система общественного мнения встраиваются в легитимную систему информационного и дискуссионного обмена. Все настроения массового общественного сознания, формирующегося в процессе действия механизмов социального сравнения, становятся достоянием гласности и предметом социальных и политических дискуссий. Таким образом, в рамках гражданского общества осуществляется непосредственный

или опосредованный информационный контакт между мнением отдельных граждан, теми, кто аккумулирует и выражает их мнение (социальными лидерами) и теми, кто делает их всеобщим достоянием (средствами массовой информации).

Мы не будем специально рассматривать сложнейший механизм формирования массового мнения и настроений граждан, отражающих мир их повседневности и персонального опыта, которые в той или иной форме становятся основой для принятия тех или иных решений на политическом и государственном уровнях. Главное, что этот механизм отражает *функциональное свойство* гражданского общества постоянно аккумулировать и синтезировать мнение всех его членов и перманентно превращать его в предмет социальных и политических дискуссий.

Эта форма информационного обмена является необходимым условием функционирования информационного порядка гражданского общества, которое тем самым получает в свое распоряжение эффективный механизм обратной связи между основной массой его членов и теми политическими и государственными структурами, которые выражают (должны выражать) их коренные интересы.

В условиях информационного плюрализма, который законодательно декларируется и защищается, каждый гражданин может при необходимости и желании донести свое мнение до любых инстанций в любой легитимной форме. В этих условиях возникают различные формы *информационного партнерства*, которые конституционно базируются на праве граждан высказывать свою точку зрения и иметь доступ к тем средствам информации, в которых эта точка зрения может быть обнародована.

На этой правовой и легитимной основе возникают объективные точки притяжения между двумя основными центрами информационной активности — *теми*, кто желает высказать свое мнение (массой рядовых граждан), и *теми*, кто эту информацию предполагает сделать достоянием гласности. Можно предположить, что это есть **первая форма информационного партнерства (общегражданская)**, возникающая в гражданском обществе. В качестве основных субъектов последнего выступают отдельные граждане и представители тех информационных институтов, которые профессионально удовлетворяют потребность гражданского общества в получении объективной информации о фактах, отражающих различные стороны социальной жизни его членов. При всей противоречивости и неоднозначности информации, транслируемой по каналам массовой информации, основная особенность ее “публичного предъявления” заключается в следующем.

⁷ См.: Там же. С. 21–22.

– Информационный обмен реализуется свободно, т.е. только в том случае, если стороны симметрично в нем заинтересованы.

– Факты, становящиеся достоянием гласности, предполагают равное право на их интерпретацию. Речь идет как о стороне, сообщившей о них, так и о стороне, сделавшей их достоянием гласности.

– Информационный обмен, осуществляемый в рамках гражданского порядка, предполагает ответственность сторон, если он затрагивает конфиденциальность и частные интересы других лиц.

– Всякое обнародование тех или иных фактов государственной, политической и частной жизни и т.п. предполагает наличие доказательной базы, отсутствие которой влечет различные санкции.

Очевидно, что *правовые амортизаторы* социальной защиты являются необходимыми элементами свободного информационного обмена, поскольку они, с одной стороны, препятствуют ограничению и сокрытию сведений, общественная значимость которых объективно выходит за пределы частных интересов, а с другой — защищают те аспекты частной жизни граждан, обнародование которых ущемляет их права. Таким образом, методы социальной коммуникации на этом уровне информационного партнерства предполагают *симметричность свободы* поиска и предоставления информации и *равную ответственность* за ее достоверность.

Вторую форму информационного партнерства, которая также играет существенную роль в системе социальных коммуникаций гражданского общества, можно гипотетически отнести к **экспертной**. Здесь речь идет об информационном и дискуссионном обмене между теми или иными *представителями* различных социальных слоев и социальных групп, которые прямо или косвенно (будучи независимыми экспертами) выражают и представляют их мнения и интересы.

Статус их может быть самым разным; это могут быть представители научного корпуса, политические лидеры, члены журналистского сообщества, бизнесмены, различного рода формальные и неформальные лидеры, деятели искусства и литературы и т.п. Очевидно, что самая существенная особенность, позволяющая относить тех или иных граждан к категории информационных экспертов, заключается в том, что они должны обладать соответствующим социальным авторитетом, который делает их мнение значимым как для тех, точку зрения которых они представляют и выражают, так и для тех, с кем они вступают в дискуссию.

Специфика информационного обмена между различными экспертами, представляющими мнение тех или иных социальных порядков, социальных слоев и групп заключается в следующем.

– В условиях гражданского общества все эксперты свободно взаимодействуют в едином “дискуссионном пространстве”.

– В рамках последнего их мнение и авторитет легально и легитимно признается всеми сторонами, невзирая на конфликты и противоречия их интересов и ценностных программ.

– *Конкуренция* между экспертами, представляющими различные взгляды и точки зрения, является общепризнанным и защищаемым условием свободной дискуссии между ними.

Самое важное условие информационного и дискуссионного порядка, в рамках которого становится возможным существование различных форм *экспертного партнерства*, заключается в *толерантности* к гражданской позиции оппонентов. Это основной принцип их информационного и дискуссионного обмена, который предполагает следующие важные предпосылки социального взаимодействия.

Каждый эксперт, отражающий и аккумулирующий те или иные массовые и групповые настроения и мнения, наделяется соответствующим социальным статусом, который он приобретает в конкурентной борьбе за его обладание. Таким образом, речь идет о том, что право выражать те или иные социальные интересы он приобретает не путем “социальных назначений” как некоторую привилегию, а в процессе реальной борьбы за права тех, кого он хочет представлять.

Одна из важнейших особенностей экспертного партнерства в информационном обмене мнениями заключается в особом демократическом формате социального взаимодействия оппонентов. Его можно назвать “социально эквивалентным”, поскольку:

– оппоненты не признают монополию на истину со стороны друг друга;

– оппоненты признают права тех социальных категорий и групп, интересы и мнения которых они выражают;

– каждый из оппонентов обладает системой необходимых гражданских прав, обеспечивающих свободу выражения их позиции;

– логика подобных дискуссий базируется на поиске компромисса между ними, т.е. носит неконфронтационный характер.

Таким образом, в условиях гражданского общества информационный обмен на экспертном уровне превращается в легитимную систему социальных коммуникаций, в рамках которой в дискуссионном порядке устанавливается относительное равновесие в структуре общественного мнения на основе поиска компромисса и паритета различных его составляющих.

Следует отметить, что в информационных сетях, возникающих в процессе коммуникации экспертных сообществ, возникает мно-

жество полярных точек “соприкосновения”, что, с одной стороны, позволяет аккумулировать мнения и концепции различных экспертных групп, с другой стороны — делать их предметом специализированных социальных дискуссий, касающихся различных проблем социальной жизни.

В этой связи рассматриваемую нами выше экспертную форму информационного партнерства можно дифференцировать в соответствии со следующими критериями: содержанием и предметом социальных дискуссий, способами и уровнями их реализации. Это позволяет выделить следующие относительно самостоятельные разновидности информационного партнерства данного вида.

Конституционные формы информационного партнерства. Они возникают в процессе оценки деятельности исполнительной власти, т.е. правительства и его отдельных органов. В этом случае субъектами партнерских отношений выступают *представители исполнительной власти*, предоставляющие и защищающие достоверность информации о результатах своей деятельности, и *представители независимых экспертных групп*, дающие ей ту или иную социальную оценку. Формы информационного партнерства этого вида могут быть самыми разными. В том числе: *непосредственными*, когда дискуссионный обмен мнениями и оценками осуществляется в процессе, например, парламентских слушаний; *опосредованными*, когда дискуссионный обмен осуществляется через средства массовой информации; *переговорными*, когда та или иная социальная дискуссия переходит в плоскость прямого согласования позиций между оппонентами и поиска совместных компромиссных решений.

Дискуссионно-политические формы информационного партнерства. В этих рамках обеспечивается обмен различными экспертными мнениями относительно оптимальных методов распределения и делегирования власти между представителями различных социальных групп, естественно, в границах легальных и легитимных возможностей конституционного поля. Речь идет, во-первых, о рассмотрении различных вариантов и механизмов действия политического цикла, включении в его структуру различных партий, социальных движений и политических лидеров. Во-вторых — об установлении между ними определенного паритета (равновесия) их политического участия в системе разделения властей в соответствии со складывающейся в обществе социально-экономической ситуацией.

Правовые формы информационного партнерства. Они предполагают дискуссионный обмен информацией между экспертными группами, представляющими различные спектры общественного мнения, относительно развития конституционных основ граждан-

ского общества. Очевидно, что социальной причиной этих форм информационного партнерства являются факторы, объективно динамизирующие и изменяющие структуру гражданского общества. Это требует постоянной коррекции базовых основ законодательства, оптимальное формулирование и кодификация которых требует широкого спектра гражданского участия с целью учета коренных интересов всех социальных групп.

Арбитражно-правовые формы информационного партнерства. Эти формы обмена информацией и мнениями перманентно возникают в случаях, когда в процессе прямых или опосредованных дискуссий и переговоров между экспертами различной специализации, представляющими официальные и неофициальные точки зрения, возникают конфликты интересов и мнений, что предполагает участие третьей (арбитражной) стороны. В качестве последней в зависимости от сложности и актуальности возникающих конфликтов могут выступать исполнительные, законодательные и судебные органы различных инстанций вплоть до высшего органа власти или конституционного суда.

Зондажно-экспертные формы информационного партнерства. Здесь речь идет о сознательном, рациональном участии рядовых членов общества и экспертов, представляющих различные специализированные организации, в перманентных опросах общественного мнения. Потребителями подобного рода информации являются различные правительственные и неправительственные организации и структуры, пресса и т.п., нуждающиеся в получении достоверной информации относительно конкретизации или решения тех или иных проблем социальной жизни гражданского общества на различных его уровнях.

Информационный и дискуссионный обмен подобного рода является важным средством установления коммуникаций обратной связи между теми инстанциями, которые принимают ответственные государственные, политические, законодательные и другие решения и теми, кто “верифицирует” и оценивает их в процессе повседневной социальной практики. Разумеется, зондажно-экспертные формы информационного партнерства отражают в той или иной мере традиционные механизмы “бытовых коммуникаций” в виде “народного фольклора”, слухов и тому подобных социально-психологических форм массового сознания. Последние, как правило, функционируют в качестве антипода, оппозиции официальному мнению. Однако параллельно им действуют другие, более рациональные механизмы зондажа общественного мнения, которые базируются на научных методах его фиксации и основаны на “демократической составляющей” его изучения.

Речь идет о том, что все процедуры рационального зондажа (мониторинга) общественного мнения, с одной стороны, базируются на *свободном* участии в них тех или иных слоев населения при сохранении анонимности их взглядов и предпочтений. С другой стороны — предполагают конкуренцию тех экспертных групп, которые осуществляют процедуры опроса общественного мнения.

Разумеется, “*манипулятивный*” элемент мониторингов общественного мнения всегда имеет место и является “главной опасностью” использования подобных методов. Однако по сути своей они в разных своих видах демонстрируют *новое качество* информационного обмена внутри гражданского общества: постепенный вывод из стихийного оборота сферы массового сознания и превращение его в предмет научного (рационального) изучения и средство обратной связи в системе государственного и социального управления.

Специализированные и проблемно-дискуссионные формы информационного партнерства. Эти формы информационного партнерства являются следствием дискуссионного обмена между представителями различных специализированных точек зрения. Они, прежде всего, возникают в процессе решения наиболее актуальных социальных проблем, касающихся выработки важнейших приоритетов социального развития гражданского общества. Речь идет о минимизации тех последствий, которые, во-первых, затрагивают социальные интересы тех или иных социальных групп, во-вторых, связаны с социальным риском, который сопровождает любые политические, экономические и т.п. решения.

Следует отметить, что потребность в специализированных и проблемно-дискуссионных формах информационного партнерства вытекает из сущности открытого гражданского общества, которое не имеет однозначных “рецептов” решения социальных проблем. Оно эволюционирует в процессе постоянного поиска и выработки новых альтернатив своего развития. Этим требованиям должна соответствовать функционирующая внутри него система обмена информацией и знанием, поскольку основные центры выработки и принятия решений (в рамках официальной исполнительной и законодательной власти и т.п.) не обладают монополией на абсолютную истину.

Эти инстанции, осуществляя координацию социальной жизни, объективно нуждаются не только в демократических методах контроля их деятельности, но и в соответствующей системе “информационного мониторинга”, в рамках которого только и возможно осуществление этих методов. Нам представляется, что информа-

ционный мониторинг действий всех “ветвей” власти выполняет две основные функции.

Первая функция предполагает “просвечивание” “конфиденциальных” сфер принятия политических и иных решений, осуществляемых официальными органами власти.

Вторая функция обеспечивает верификацию информации, предоставляемой официальными органами власти, и выработку альтернативных решений и методов, в случае если не обеспечивается консенсус и компромисс доминирующих официальных и неофициальных (оппозиционных) мнений и точек зрения.

В свою очередь открытость гражданского общества предполагает два способа функционирования специализированных и проблемно-дискуссионных форм информационного партнерства.

Первый способ основан на прямом сотрудничестве официальных властей различного ранга с различными категориями заинтересованных граждан и экспертов, выражающих их точку зрения, с целью подготовки или оптимизации тех или иных социально-политических, экономических и иных решений, затрагивающих коренные интересы большинства членов гражданского общества. Здесь речь идет о *непосредственном информационном партнерстве*, в рамках которого возникают различные формы обмена мнениями и выработки на этой основе совместных консолидированных решений.

Второй способ функционирования специализированных и проблемно-дискуссионных форм информационного партнерства предполагает наличие параллельных, конфликтующих позиций и точек зрения относительно тех или иных проблем социальной политики. Эти позиции легитимно и легально выражаются и защищаются на официальном и неофициальном (оппозиционном) уровнях. В условиях политического плюрализма и многопартийности оппозиционные стороны имеют все конституционно закрепленные информационные возможности полемизировать со своими политическими оппонентами, находящимися у власти, предлагая обществу иные альтернативы и варианты общественного развития, не выходя в то же время за рамки “конституционного поля”.

Следует отметить, что конфликт социальных и политических интересов, на основе которого строится вся система взаимодействия официальной и неофициальной (оппозиционной) социальных позиций (в рамках информационного противостояния различных точек зрения), осуществляется не в конфронтационной, деструктивной форме, а в рационально-нормативной форме общественного согласия. Это объясняется тем фактом, что информационная система гражданского общества “открыта во все стороны”.

Она, во-первых, позволяет информации, отражающей различные мнения и точки зрения, циркулировать внутри этой системы в открытом режиме, во-вторых — свободно концентрировать и интерпретировать эту информацию различными экспертными и социальными группами, делая ее достоянием всех, кто хочет ею обладать.

При всей противоречивости и проблематичности социальной жизни открытая система социальных коммуникаций, построенная в рамках гражданского общества, имеет объективную тенденцию расширяться, включая в свою структуру все большее число членов общества и тех экспертов, которые выражают их точку зрения.

Однако в рамках институциональной среды гражданского информационного партнерства, общие формулы которой мы изложили выше, встречается целый ряд проблем, которые существенно снижают ее социальную эффективность. Главная из них, по мнению Ю. Хабермаса, заключается в том, что в условиях рыночных отношений всякая информация все более превращается в товар⁸. В этой связи перенос открытых социальных дискуссий, протекающих в рамках свободного коммуникативного формата, в систему рыночного порядка, способствует коммерциализации сферы информационного обмена. Это в свою очередь способствует тому, что формы рациональных дискуссий относительно общественных проблем переходят в форму направляемого рекламой, управляемого рынком развлекательного и, добавим, политического бизнеса средств массовой информации⁹. В результате этого критическая гласность все чаще сменяется чисто манипулятивной гласностью, с помощью которой средства массовой информации создают и формируют общественное мнение¹⁰.

Очевидно, что это одна из сложных проблем функционирования и существования современного информационного порядка, который все более и более подчиняется влиянию со стороны рыночных механизмов, в которых те или иные социальные ценности и социальные предпочтения являются предметом “маркетинга” социальных лидеров.

В этом случае основная масса членов гражданского общества превращается в потребителей и покупателей тех ценностей, которые им предлагают на рынке. Основным же элементом формирования спроса этой массы потребителей является специально дозируемая информация, возбуждающая их “любопытство” к тем или

иным явлениям, проблемам и фактам социальной жизни общества, которые преподносятся в качестве сенсаций, скандальных фактов, слухов, конфиденциальных сведений или модных клише.

Таким образом, в интерпретации Хабермаса рыночный способ распространения информации, особенно в сфере *массового* ее спроса и предложения, базируется на известных манипулятивных механизмах, избирательно и целенаправленно формирующих наиболее иррациональные компоненты общественного восприятия, которые обуславливают различные “ритуалы” массового информационного потребления.

В систему последних “втянуто” множество людей, потребительские интересы которых “вращаются” вокруг определенных тем экономической, политической и иной “публичности” и определенных методов ее предложения и интерпретации. Возникает своеобразный замкнутый круг информационного обмена, продуценты и потребители которого находятся в тесной и длительной информационно-коммуникативной взаимосвязи друг с другом.

При этом *продуценты* информации формируют наиболее значимые символы и информационные “среды” массового восприятия, в рамки которых “упаковывается” множество фактов социальной жизни¹¹. В свою очередь, *потребители* покупают эту информацию в соответствии, во-первых, со своими предпочтениями и сформированным стилем информационного восприятия и, во-вторых — с конъюнктурой спроса и предложения той массы сведений, которые являются предметом их внимания.

Создается впечатление, что продуценты информационной продукции, особенно в странах развитого рынка и политической демократии, преимущественно используют методы манипулятивных технологий. Это позволяет им применять механизмы массового внушения с целью формирования “послушных” аудиторий путем “внедрения” в массовое сознание заранее запрограммированных систем ценностей и социальных установок.

Однако и в рыночных условиях в рамках открытого гражданского общества существует целый ряд амортизационных механизмов, которые существенно снижают роль тех или иных манипуляторов общественным сознанием.

Важнейший из этих механизмов — конкурентный рынок информационных услуг. В рамках этого механизма система распределения информации базируется на факторах, которые постоянно разрушают сложившиеся методы ее подачи, распыляют информационное поле, делают его “дисперсным”, предоставляя потребителям значительный простор для выбора.

⁸ См.: *Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft.* Neuwied; Berlin, 1962 (цит. по: *Монсон П.* Современная западная социология. Теории. Традиции. Перспективы. СПб., 1992. С. 316).

⁹ Там же. С. 316–317.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: *Бурдые П.* Социология политики. М., 1993. С. 131–141.

Первый фактор — это диверсификация сферы публичного восприятия внутри гражданского общества, отражающая глубокую *дифференциацию* общественного сознания. Она, с одной стороны, детерминируется многоуровневой структурой социальной стратификации и социальной мобильности общества. С другой — отражает, по мнению У. Бека, плюрализацию и индивидуализацию жизненных стилей, основанных на свободе личного выбора¹².

Второй фактор — существование *конкуренции* между продуцентами информации. В этих условиях они не обладают монополией на ее производство и распределение, что, во-первых, ставит их в зависимость от настроений, вкусов и мнений тех, для кого предназначена их информационная продукция. Во-вторых, объективно способствует расширению с их стороны вариативности и альтернативности предоставляемых ими информационных услуг, рассчитанных на различные потребительские вкусы.

Третий фактор — существование множества информационных рынков, рассчитанных на разных потребителей. В связи с широкой дифференциацией социальной структуры гражданского общества в его рамках сосуществует множество секторов рыночного предложения и спроса информации и информационных услуг. Они отражают потребность поляризованного и сегментированного общества в предоставлении всех возможных “спектров” информации, способов ее подачи и интерпретации. В соответствии с этим “общий рынок” информационного продукта предстает в диверсифицированной форме, внутри общего функционирует множество иных рынков. Эти рынки рассчитаны на различные группы потребителей с различными информационными предпочтениями.

Таким образом, в рамках конкуренции манипулятивный элемент воздействия на аудиторию, связанный с пропагандой определенных ценностей, *находится в противоречии* с рыночными условиями их воспроизводства, заставляя продуцентов предлагать информацию не по критериям идеологических предпочтений, а в соответствии с критериями рыночной конъюнктуры. Подобного рода ситуация объективно способствует вариативности социального выбора со стороны всех членов общества.

Следует отметить, что конкуренция существует не только среди производителей информации, но и среди ее потребителей. В последнем случае речь не идет о прямой конкуренции потребителей за товар, а о *социальной конкуренции* мнений, точек зрения, взглядов, ценностных предпочтений. На их основе формируются те или

иные социальные позиции различных социальных групп и их членов, свободно осуществляющих селекцию нужной им информации, подтверждающих или изменяющих параметры своей социальной идентичности. На этой основе возникает устойчивая идентификация их социальных интересов, которая позволяет им при возникновении актуальных политических или социальных дискуссий свободно интегрироваться вокруг лидеров и социальных движений, отражающих их социальные предпочтения.

Плюрализм ценностных и информационных программ, представленных в системе информационного рынка, способствует возрастанию “дисперсии” массового сознания. Оно все более интегрируется в различных социальных “средах” и распределяется по различным каналам социальной мобильности, “отдавая приоритет” не “системным трещинам”, разделяющим общество по социально-классовым признакам, а конкуренции личных достижений множества людей. Последние преодолевают или стараются преодолеть в рамках “достижительного комплекса” (Т. Парсонс) те объективные социальные ограничения, которые они встречают в начале своего жизненного пути, ориентируясь на те, или иные жизненные стили, образцы которых у них перед глазами, прежде всего, с помощью средств массовой информации.

Следует отметить, что речь идет лишь о некоторой важной тенденции структуризации современного гражданского общества, а именно о “не завершенном” его социальном качестве. Это объясняется тем обстоятельством, что наиболее устойчивые и стационарные формы социальной дифференциации, определяемые, например, уровнем доходов, экономической и социальной власти, являются объективным тормозом социальной мобильности, основанной на массовом “стремлении к стилизации”. Данная тенденция начинает доминировать только в определенных условиях, когда благосостояние рыночного общества достигает такого уровня, на основе которого конституируется самый мощный *амортизатор* и *стабилизатор* его социальной структуры — средний класс.

Именно представители среднего класса, во-первых, предъявляют повышенный спрос к вариативности и альтернативности источников информации. Во-вторых, они заинтересованы в получении адекватных сведений о тех многообразных “стилевых парадигмах” социальной самореализации, которые имеют место в обществе. В-третьих, они стремятся самостоятельно принимать решения, верифицируя и выбирая те многочисленные образцы социальных достижений, которые им предлагаются, в том числе, средствами массовой информации.

¹² Beck U. Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne. Frankfurt/am Main. 1986. S. 15.

Это в частности объясняется тем фактом, что именно представители средних социальных слоев обладают наибольшим стремлением к стилизации, т.е. ориентацией на такие формы своего образа жизни, в рамках которых, во-первых, в наибольшей степени проявляется их уникальность и самобытность. Во-вторых, формируются множество способов персональной самореализации, находящихся в относительном равновесии друг с другом. Данная тенденция социальной индивидуализации и плюрализации жизненных стилей, основанных на свободе личного выбора, проявляется, по мнению некоторых исследователей, в рамках развитых обществ именно у представителей среднего класса¹³.

В условиях развитой демократии, разделения властей, расширяющегося рынка, а также постепенного увеличения “объема” среднего класса коммуникативная система обмена информации становится все более и более ориентированной не на потребности “полярных классов”, а того класса, который занимает между ними промежуточную, амортизирующую и стабилизирующую позицию.

Таким образом, чем шире становится прослойка среднего класса, тем “нейтральнее” по своей социальной природе становится система распространения информации, тем менее она ангажирована социальными интересами и выражающими их идеологиями. Тем более альтернативным становится метод предложения информации, тем более широкий круг общественного и частного мнения и внимания она обслуживает.

Примером этому является *интернет*, в рамках которого любой индивидуальный пользователь, не зависимо от его социального положения, может самостоятельно осуществлять поиск информационных продуктов любого порядка. Он не подвергается тем или иным формам манипулятивного давления со стороны тех, кто ее предлагает и распространяет, свободно варьирует интересами, вступая при необходимости в прямой диалог только с теми, кого он предпочитает. В рамках этого информационного поля, которое рассчитано на самые разнообразные вкусы, стили информационного восприятия и информационные потребности, принципиально невозможны различные формы информационной дискриминации и монополизма.

В этом контексте можно говорить о возникновении, прежде всего в рамках гражданских обществ, *универсального поля информационного партнерства*, которое:

- выходит за рамки государственных и национальных границ;
- базируется, прежде всего, на свободе индивидуального выбора;

- исключает манипулятивное воздействие на потребителя информации тех структур, которые в этом заинтересованы;
- разрушает асимметрию и неэквивалентность информационного обмена между теми, кто предлагает информацию, и теми, кто ее потребляет;
- способствует установлению прямого диалога между различными пользователями и интерпретаторами информации;
- позволяет любому, кто заинтересован в этом, заявлять о себе и представлять свою точку зрения;
- обеспечивает формирование многочисленных локальных информационных сообществ, объединяющихся по различным критериям и социальным интересам не зависимо от того, где пространственно и географически они находятся.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бурдые П.* Социология политики. М., 1993 (*Burd'e P. Sociologija politiki.* М., 1993).
- Монсон П.* Современная западная социология. Теории. Традиции. Перспективы. СПб., 1992 (*Monson P. Sovremennaja zapadnaja sociologija. Teorii. Tradicii. Perspektivy.* SPb., 1992).
- Ионин Л.* Социология культуры. М., 1996 (*Ionin L. Sociologija kul'tury.* М., 1996).
- Наумова Н.Ф.* Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения. М., 1988 (*Naumova N.F. Sociologicheskie i psihologicheskie aspekty celenapravlenного povedenija.* М., 1988).
- Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1991 (*Jaspers K. Smysl i naznachenie istorii.* М., 1991).
- Beck U.* Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne. Frankfurt am Main, 1986.
- Habermas J.* Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der burgerlichen Gesellschaft. Neuwied; Berlin, 1962.

¹³ См.: *Ионин Л.* Социология культуры. М., 1996. С. 254.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

В.П. Васильев, канд. эконом. наук, доц., зав. кафедрой государственного и муниципального управления социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

ЦЕЛЕВЫЕ ОРИЕНТИРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

V.P. Vasiliev

TARGET REFERENCE POINTS OF SOCIAL POLICY

В статье исследуются проблемы разработки комплексного подхода к формированию взаимосвязанных факторов социальной политики. Определена необходимость интегрирования экономических и социальных факторов. В качестве системных направлений социально-экономической политики рассмотрены феномены человеческого и социального капитала. Дан анализ международных рейтингов экономического и социального развития с точки зрения ключевых проблем социальной динамики. Представлены направления социальной политики России на долгосрочный и краткосрочный период. Названы социальные риски девальвации национальной валюты.

Ключевые слова: международные рейтинги социально-экономического развития, человеческий капитал, социальный капитал общества, бюджетное финансирование социальной политики, Прогноз социально-экономического развития России на период до 2030 г., девальвация национальной валюты.

This article examines the problems of developing an integrated approach to the formation of interconnected factors of social policy. Identified the need to integrate economic and social factors. As a system of socio-economic, policy includes the phenomena of human and social capital. The analysis of the international rankings of economic and social development from the perspective of the key problems of social dynamics. Presents directions of social policy of Russia in the long term and short term. Named social risks of devaluation of the national currency.

Key words: international ratings of socio-economic development, the human capital, social capital of society, budgetary financing of social policies, The forecast of socio-economic development of Russia for the period up to 2030, the devaluation of the national currency.

Эффекты социальной политики можно объективно оценить, лишь определив ее цели, к достижению которых стремятся не только власти, но и население в целом. Однако различные слои населения

имеют различные приоритеты, а, следовательно, и различные предпочтения и мотивы. Задача состоит в определении целей и индикаторов социального развития, соответствующих обществу в целом. При этом социальные цели должны базироваться на анализе релевантных фактов и их научной интерпретации.

Как показывают репрезентативные социологические исследования, российское общество с очевидностью волнуют два вида параметров: экономические и социальные. К первым относятся инфляция, темпы экономического роста, доходы. Ко вторым — бедность, расслоение, продолжительность жизни.

Результаты опросов Левада-Центра, затрагивающие данную тему, можно видеть в табл. 1.

Таблица 1

Какие из следующих проблем нашего общества тревожат вас больше всего, какие из них вы считаете самыми острыми?¹

	Июль 2006	Июль 2007	Июль 2008	Август 2009	Август 2010	Август 2011	Август 2012	Август 2013	Август 2014
Рост цен	70	64	82	76	72	73	67	69	71
Бедность, обнищание большинства населения	51	52	45	56	51	52	48	55	40
Резкое расслоение на богатых и бедных, несправедливое распределение доходов	30	32	35	30	29	27	29	33	30
Кризис в экономике, плохое состояние промышленности и сельского хозяйства	27	28	29	38	36	32	32	29	28
Рост безработицы	34	30	25	51	38	41	33	36	26
Коррупция, взяточничество	25	27	27	28	33	27	35	39	26

Как видно из приведенных в табл. 1 данных, рост цен, бедность, расслоение по доходам являются главными проблемами, требующими если не устранения, то серьезного снижения их остроты.

Итак, тревоги и ожидания людей на протяжении ряда лет стабильны, что подтверждается и другими исследованиями, поэтому именно эти факторы необходимо принять в качестве показателей успеха общества. Следует отметить, что указанные проблемы ха-

* Васильев Владимир Петрович, e-mail: gos.ypravlenie@mail.ru

¹ Проблемы, более всего тревожащие россиян. Пресс-выпуск от 12.09.2014.

Социальные расходы в структуре консолидированного бюджета (в%)

Страны	Год	Здравоохранение	Образование	Социальная защита	Всего
Германия	2009	14,5	9,2	45,6	69,3
Швеция	2008	13,5	13,1	40,8	67,4
Франция	2008	14,8	11,1	41,3	67,2
Великобритания	2008	15,7	13,4	33,5	62,6
США	2009	20,5	15,8	21,1	57,4
Россия	2009	10,7	10,1	25,0	45,8

Источник. Рассчитано по: Россия и страны мира. М., 2012.

Как видно из представленных в табл. 2 данных, из 60–70% доли социальных расходов в консолидированных бюджетах примерно 25–30% направляются на развитие человеческого капитала. Российский социальный бюджет отстает от развитых стран и по доле в целом и по финансированию человеческого капитала.

Предпосылкой и результатом социальных изменений и развития является социальный капитал общества⁴. В структуру социального капитала включены такие общественные ценности, как доверие, социальная сплоченность, гражданская идентичность, этническая толерантность. При этом социальный капитал не сводится к проблеме доверия общества к власти и к ее отдельным структурам. Имеется в виду широкая палитра и вертикальных, и горизонтальных социальных взаимосвязей в больших и малых группах населения и между ними. Подобные отношения не всегда легко формализовать в какие-то статистические формы, но комплексные социологические исследования могут дать представление (в том числе интегральные) о динамике социального капитала.

Ряд международных рейтингов в определенной степени включают в свои интегральные показатели параметры социального капитала. Одним из таких рейтингов является рейтинг стран мира по уровню счастья, разрабатываемый Институтом Земли при Колумбийском университете⁵. Этот рейтинг строится на следующих параметрах:

⁴ Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74.

⁵ World Happiness Report. 2013.

рактарны не только для российского общества, эти проблемы характерны и для всего глобального сообщества, на уровне которого добавляются также проблемы войны и мира, международного терроризма. Глобальный опрос 2013 г., проведенного фондом Гэллуп, показал, что главными проблемами, которые тревожат жителей планеты, являются коррупция, экономика, бедность, безработица, терроризм². Вместе с тем экономическая и социальная сферы общества связаны между собой не только взаимным влиянием друг на друга определенных параметров, но и более глубокими, как правило, нелинейными воздействиями.

Одним из новых индикаторов результативности социально-экономической политики становится уровень развития человеческого капитала³. В современных трактовках уровень образования, здоровья и культуры человека является не только его личным достоянием, но и реальным фактором развития экономики, а значит и в целом развития страны, определяя ее место в глобальном табеле о рангах.

Общепризнанный индекс человеческого развития, разрабатываемый под эгидой ООН, ранжирует страны по показателям средней продолжительности предстоящей жизни, уровню образования и валового внутреннего продукта на душу населения. В определенной степени названный показатель интегрирует экономические и социальные факторы социально-экономической динамики. Однако индекс человеческого развития не учитывает целый ряд значимых факторов развития: уровень бедности, расслоение общества по уровню дохода, доступность социальных благ. Показатель ВВП на душу населения нейтрален к функции распределения и определяет лишь потенциал экономики по отношению к решению социальных задач.

Введение в государственную социальную политику такого критерия как человеческий капитал создает четкий ориентир для осуществления государственного финансирования затрат на образование и медицину, их рассмотрения как долгосрочных инвестиций, приносящих, как и всякая инвестиция, прибыль.

Обобщения и некоторые расчеты статистических данных показывают, что в настоящее время большинство развитых стран в своих консолидированных бюджетах предусматривают значительные средства на инвестиции в образование и здравоохранение.

² Исследование Gallup: рейтинг основных глобальных проблем в 2014 году // Центр гуманитарных технологий. 2014.04.03. URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/04/03/6681>

³ Человеческий капитал (Human Capital, 1964).

- уровень ВВП на душу населения;
- ожидаемая продолжительность жизни;
- наличие гражданских свобод;
- чувство безопасности и уверенности в завтрашнем дне;
- стабильность семей;
- гарантии занятости;
- уровень коррупции;
- уровень доверия в обществе;
- великодушие и щедрость.

Россия находится почти в середине указанного рейтинга, занимая 68-е место между Маврикием и Турецкой республикой Северного Кипра. Показатель уровня счастья населения России — 5,464 балла. Из стран, республик бывшего СССР, ее обогнали Молдавия (53-е место), Казахстан (57-е), Туркменистан (59-е), Узбекистан (60-е) и Белоруссия (66-е). На уровне здравого смысла понятно, что место России в данном рейтинге определено неверно. Однако это особенности многих зарубежных рейтингов, строящихся на субъективных оценках респондентов других стран. Если в той или иной стране сформировалась некая однозначная позиция относительно прав человека или гражданских свобод в России, то стандарт ответов респондентов этих стран тоже заведомо однозначен.

Вместе с тем, сама архитектура рейтинга может использоваться как один из вариантов оценки результативности развития страны. Но линейку параметров можно дополнить, например, проблемами экологии или количеством путешествующих пенсионеров и т.д.

Важно определить ядро интегрального показателя результативности социальной политики, от которого зависят другие переменные и которое характеризует исследуемый объект с разных сторон. От незначительных по удельному весу показателей можно отказаться, не следует стремиться делать линейку переменных очень длинной. Операционально важно не только определить интегральный параметр, но и проводить мониторинг его основных целевых показателей и, исходя из этого, корректировать состояние текущей социально-экономической политики.

Существующие рейтинговые оценки стран только по экономическим параметрам не дают представления в целом о результативности развития. Так, известное ранжирование стран по уровню конкурентоспособности отражает, в основном, деятельность бизнес-структур. Встроенные показатели эффективности государства и государственного управления базируются на оценке экономической роли государства и эффективности администрирования. Особо

необходимо отметить оценочную деятельность трех глобальных рейтинговых агентств — “Fitch”, “Moody’s”, “Standard & Poor’s”, занимающихся оценкой платежеспособности эмитентов, долговых обязательств, качеством корпоративного управления и управления активами. Наиболее известный продукт рейтинговых агентств — оценка платежеспособности или кредитный рейтинг. Он отражает риск невыплаты по долговому обязательству и влияет на величину процентной ставки, стоимость и доходность долговых обязательств. От рейтингов этих агентств во многом зависят процентные ставки, по которым западные финансовые рынки выдают кредиты, публичное оглашение рейтингов серьезно влияет на устойчивость финансовых структур.

Соединение в единую модель результативности социально-экономической политики можно представить в виде рис. 1.

Рис. 1

В данной модели не более 15 целевых индикаторов, каждый из которых ассоциируется с результативностью социально-экономической политики. Главным в данном случае является не расчет интегрального показателя, а мониторинг каждого из параметров на предмет их долгосрочной и краткосрочной динамики. Здесь возникает еще одна важная практическая проблема: все проекты экономических решений должны анализироваться не только с точки зрения их экономической эффективности, но и с точки зрения их воздействия на социальную сферу общества, влияния на человека, его социальное самочувствие.

Начиная с 2008 г. исполнительная власть РФ занялась разработкой концептуальных основ долгосрочного социально-экономиче-

ского развития страны. В ноябре 2008 г. Правительство утвердило Концепцию долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г., а в марте 2013 г. — Прогноз долгосрочного социально-экономического развития на период до 2030 г., представляющий, по сути, идеологию власти в области развития экономики и социальной сферы, структурированной по трем вариантам траектории (консервативный, инновационный, форсированный) и прогнозам итогов.

Концепция социально-экономического развития до 2020 г., принятая в ноябре 2008 г., с самого момента своего утверждения была обречена на провал, так как почти все ее экономические индикаторы оказались невыполнимыми вследствие уже пришедшего в Россию мирового экономического кризиса. Пожалуй, главным достоинством этого документа стало то, что впервые в новейшей российской действительности были сформулированы основные долгосрочные параметры социальной динамики. Такими параметрами стали сокращение к 2020 г. бедности до 6–6,5%, коэффициента дифференциации — до 12%, увеличения средней продолжительности жизни — до 52–75 лет, формирования среднего класса в размере 52–55% населения⁶.

Прогноз развития до 2030 г. в определенной мере стал ориентиром не только долгосрочной динамики, но и среднесрочных трехлетних прогнозов. В Прогнозе включены задачи и расчеты по реализации Указов Президента, принятых в мае 2012 г.; разработан новый “форсированный” вариант социально-экономического развития, основанный на формировании человеческого капитала с его функцией воздействия на экономический рост.

В Прогнозе в процессе развития и уточнения ряда положений Концепции заданы следующие основные социальные целевые ориентиры:

- рост реальной заработной платы, особенно в отраслях здравоохранения и образования;
- увеличение ожидаемой продолжительности жизни до 74 лет (2018 г.);
- социальная адаптация мигрантов;
- создание новых рабочих мест для инвалидов;
- создание 25 млн высокопроизводительных рабочих мест (в 2011 г. функционировало 18 млн);

⁶ Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года. Минэкономразвития. М., 2008.

Целевые показатели по уровню бедности, расслоению и формированию среднего класса несколько скорректированы, но остались среди целевых ориентиров⁷.

Понятно, что достижение названных целевых показателей будет означать положительный эффект долгосрочного развития. Однако оставаясь на почве реальности, следует исходить из того, что все названные ориентиры, а также модернизация отраслей здравоохранения и образования возможны на основе соответствующего роста бюджетных расходов, непосредственно связанных в России с мировыми ценами на энергоносители, валютным курсом, инфляцией, ростом ВВП.

По экспертным оценкам для реализации Указов Президента РФ 2012 г. необходим ежегодный прирост ВВП в 5%. В то же время в Прогнозе предполагается прирост ВВП примерно на те же 5% на основе форсированного варианта развития.

Итоги 2012–2014 гг. и прогнозы до 2017 г. показывают отклонение от необходимой траектории развития. Темпы роста ВВП составили в 2012 г. 3,4%, в 2013 г. — 1,3%, в 2014 г. — примерно 0,5%⁸. Оптимистический прогноз Минэкономразвития на 2017 г. относительно ВВП составляет 3,3%.

Доминантой посткризисного (2008–2009 гг.) развития стал дефицит инвестиций, некоторое сокращение экспорта энергоносителей и ряд других факторов. Новые, особенные обстоятельства социально-экономической реальности проявились в 2014 г. Ключевые факторы — западные санкции, ответные санкции России, рост инфляции, сокращение потребительского спроса и инвестиций. Особый феномен — масштабная девальвация национальной валюты, которая не только генерирует рост цен в стране, но и, в целом, меняет сложившиеся пропорции относительных цен. Своими действиями Центральный банк РФ подорвал доверие к национальной валюте: население в значительной мере перевело свои сбережения с рублевых депозитов на валютные. Это недоверие не только к денежным инструментам, но и к финансовым властям, а также в целом сокращение социального капитала общества. Более того возникает недоверие к реализации базовых положений Конституции страны, так как в ст. 75, ч. 2 содержится следующая норма: “Защита и обеспечение устойчивости рубля — основная функция Центрального банка Российской Федерации, которую он осуществляет независимо от других органов государственной власти”⁹.

⁷ Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. Минэкономразвития. М., 2013.

⁸ По данным Росстата.

⁹ Конституция Российской Федерации. М., 2013.

Спасение национальной валюты требует ряда экстренных мер, прежде всего, увеличения ставки рефинансирования, что бумерангом ударяет по инвестициям, темпу роста ВВП, инфляции и расшатывает экономическое равновесие, а это и прямо и косвенно сказывается на социальной сфере.

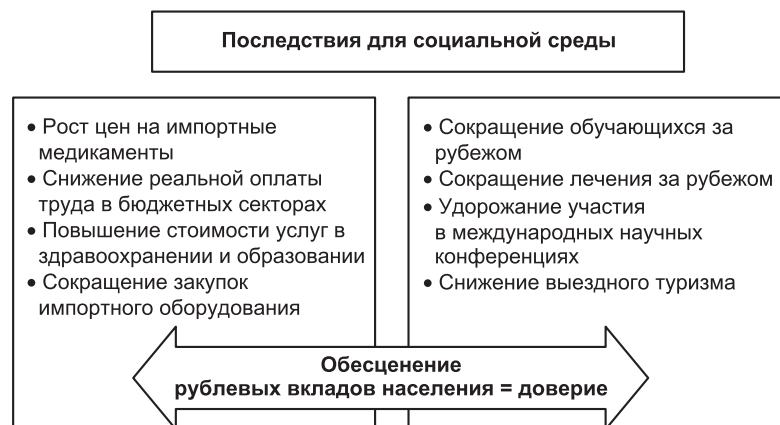

Рис. 2

Государству придется корректировать показатель уровня бедности, увеличивать стоимость программ по защите социально уязвимых слоев населения, повышению оплаты труда в бюджетных отраслях, пенсий. Однако это дополнительное финансирование вряд ли компенсирует потери. В том числе ухудшится показатель благополучия обеспеченных граждан. Российские крупные собственники, задолжав западным кредитным организациям более 700 млрд долл., вынуждены тратить на выплаты процентов на 30–40% больше рублевой массы, а неожиданные доходы от девальвации получили только экспортеры.

Весьма спорные теоретические основания проведенных изменений привели к значительным социальным потерям во всех слоях общества, ухудшили социальный климат в непростых геополитических обстоятельствах.

Экономический спад и риски финансовой системы страны подрывают основы форсированного типа развития экономики, базирующегося на динамике человеческого капитала. Социально-экономическое развитие в ближайшие три–четыре года будет направлено на преодоление накопившихся негативных явлений. Выход на эффективную траекторию, интегрирующую социальные и экономические компоненты, будет сочетаться с решением гео-

политических проблем, включая “восточный поворот” не только политической, но и экономической ориентации. Драйвером позитивных изменений станет социально-экономическое развитие территорий Сибири и Дальнего Востока.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бурдые П.* Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5 (*Burd'jo P.* Formy kapitala // Jekonomicheskaja sociologija. 2002. T. 3. N 5.
- Исследование Gallup: Рейтинг основных глобальных проблем в 2014 году // Центр гуманитарных технологий. 2014.04.03. URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/04/03/6681> (Issledovanie Gallup: Rejting osnovnyh global'nyh problem v 2014 godu // Centr gumanitarnyh tehnologij. 2014.04.03. URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/04/03/6681>).
- Конституция Российской Федерации. М., 2013 (Konstitucija Rossijskoj Federacii. M., 2013).
- Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года. Минэкономразвития. М., 2008 (Konceptcija dolgo-srochnogo social'no-jekonomicheskogo razvitija RF na period do 20020 goda. Minjekonomrazvitija. M., 2008).
- Проблемы, более всего тревожащие россиян. Пресс выпуск от 12.09.2014 (Problemy, bolee vsego trevozhashhie rossijan. Press vypusk ot 12.09.2014).
- Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. Минэкономразвития. М., 2013 (Prognoz dolgo-srochnogo social'no-jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda. Minjekonomrazvitija. M., 2013).
- Человеческий капитал (Human Capital, 1964) (Chelovecheskij kapital (Human Capital, 1964). World Happiness Report. 2013.

А.А. Осеев, докт. социол. наук, проф. кафедры экономической социологии и маркетинга социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

А.А. Осеев, окончил аспирантуру кафедры социологии управления и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова**

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ РУКОВОДИТЕЛЕЙ И ОТБОРА КАДРОВ НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ СЛУЖБУ, ПЕРСОНАЛА В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ, РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

A.A. Oseev,
A.A. Oseev

METHODOLOGICAL BASES OF PERSONAL QUALITIES RESEARCH OF MANAGERS AND PERSONNEL SELECTION FOR THE PUBLIC SERVICE, SECURITY PERSONNEL, MANAGERS OF INDUSTRIAL ENTERPRISES

Статья посвящена методологическим основам исследования личностных качеств руководителей, включая государственных служащих в работах Платона, Аристотеля и М. Вебера. Представлены эмпирические модели структуры личностных качеств руководителей целерационального, ценностно-рационального и аффективного типов социального действия М. Вебера, благодаря чему концепция М. Вебера о социальном действии получает еще один подход к верификации на практике. Показаны отличительные черты эффективных руководителей промышленных предприятий.

Ключевые слова: личностные качества эффективных руководителей государственной службы, сферы безопасности, промышленных предприятий, верификация типов социального действия М. Вебера в эмпирических моделях эффективных руководителей.

The article is devoted to methodological foundations of the study of personal qualities of leaders, including civil servants in the works of Plato, Aristotle and M. Weber. The empirical model of the structure of personal qualities of leaders of goal-rational, value-rational and affectional Weber's types of social action is presented, so Weber's concept about social action gets another approach to verification in practice. The differential features of effective managers of industrial enterprises are shown.

Key words: personal qualities of effective leaders of the civil service, the security sector, industrial enterprises, verification of Weber's types of social action in empirical models of effective leaders.

* Осеев Александр Александрович, e-mail: oseev.a@mail.ru

** Осеев Александр Александрович, e-mail: oseev.a.a@gmail.com

Методологические основы исследования личностных качеств руководителей (государственных служащих) в работах Платона и Аристотеля

Методологические основы исследования личностных качеств руководителей — понятие “личностные качества”, концепции, подходы к исследованию — мы находим еще в работах Платона и Аристотеля.

И здесь важно отметить, что обращение к идеям Аристотеля в нашем исследовании не дань исследовательской традиции, а необходимость теоретического обоснования эмпирической части нашего исследования, исследования не просто важных личностных качеств руководителей, включая госслужащих, а *решения проблемы меры и границ выраженности этих качеств, необходимых для эффективности деятельности. О важности “применения современных кадровых технологий при поступлении на гражданскую службу и ее прохождении”* прямо говорится в тексте Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации” — в ст. 60 “Принципы и приоритетные направления формирования кадрового состава гражданской службы”¹. И в этом плане мы хотели бы показать, что современные технологии оценки личностных качеств руководителей при опоре на методологические основания классических научных школ в исследовании природы и роли личностных качеств руководителей дают весьма значимые практические результаты.

Этика Аристотеля непосредственно посвящена объяснению природы и роли личностных качеств в жизни человека и общества. В отличие от Платона, который считал что качества руководителя, государственного служащего (“правителя”, коими могут стать лишь философы) — “редкая природная одаренность”, которая “приносит плоды лишь в правильно организованном государстве”², Аристотель полагал, что огромная роль в том, каким быть человеку, принадлежит самому человеку!

Итак, какими личностными качествами должны обладать военнослужащие и люди, управляющие государством (госслужащие)?

Преобладающей в европейской этике стала платоново-аристотелевская традиция, согласно которой общее определение понятия добродетели получает продолжение и дополнение в анализе отдельных добродетелей. От Сократа и Платона идет традиция вы-

¹ Федеральный закон “О государственной гражданской службе Российской Федерации”: Текст с изм. и доп. на 2014 г. М., 2014. С. 75.

² Чанышев А.Н. Курс лекций по древней философии: Учеб. пособие. М., 1981. С. 275.

деления четырех кардинальных добродетелей: *мудрости (рассудительности), справедливости, мужества, умеренности*.

В структуре личностных качеств особую роль играют этические, “нравственные — похвальные приобретенные качества души”³, — добродетели. “От того, как мы поступаем, — говорит Аристотель, — зависит, какими быть складам (души, или устоям)”⁴.

При этом, “добродетели по своей природе таковы, что недостаток (*endeia*) и избыток (*hyperbole*) их губят”⁵.

«Этические добродетели, — отмечает А.Н. Чанышев, — определяются философом как “середина двух пороков”. Например, недостаток мужества — это трусость, избыток же мужества — тоже порок, ибо это безумная отважность. Но так как она встречается редко, то люди привыкли противопоставлять мужеству лишь трусость. Справедливость есть нравственная мера в распределении преимуществ и недостатков совместной жизни людей. Мужество — воинская добродетель, способ поведения, позволяющий преодолеть физическую боль и страх смерти, когда этого требует мораль. (О структуре личностных качеств военных, морально-волевых составляющих командного состава подразделений “спецназ” более подробно мы будем говорить чуть позже. — *Прим. А.О., А.О.*) Умеренность представляет собой нравственный способ поведения применительно к чувственным удовольствиям. Итак, этические добродетели — это мудрая середина между крайностями. Так, щедрость — середина между скупостью и мотовством»⁶. “Нравственные устои, (или склад души), — это то, в силу чего мы хорошо или дурно владеем (своими) страстями, например гневом”⁷.

Применительно к теме нашей статьи хотелось бы особо обратить внимание на последнее утверждение Аристотеля. Речь идет уже не просто о личностных качествах, а об определении меры их выраженности и роли в профессиональной деятельности человека, профессиональной деятельности военнослужащего и госслужащего! Необходимо отметить, что если во времена Аристотеля и вплоть до начала XX в. определить на практике границу выраженности личностных качеств и практическое — в аксиологическом плане — значение меры выраженности было весьма затруднительно, то сегодня — с достигнутым уровнем научного знания в области социологии — это стало вполне возможно (см., например, практико-ситуационный

³ Там же. С. 351.

⁴ Аристотель. Сочинения: В 4 т. / Общ. ред. А.И. Доватура. Т. 4. М., 1983. С. 80.

⁵ Там же.

⁶ Чанышев А.Н. Указ. соч. С. 352.

⁷ Аристотель. Указ. соч. С. 84.

подход в определении должного состояния социальных объектов В.В. Щербины).

О личностных качествах людей, управляющих государством (госслужащих), Аристотель говорит в рассуждениях о практической части души. При этом он отмечает важный момент, согласно которому правители должны обладать нравственными качествами, наличие у правителей черт практицизма без нравственных качеств опасно для общества.

“Практичность. Собственная добродетель практической части разумной души — практичность и как ее оборотная сторона — рассудительность: практичность приказывает, а рассудительность критикует”⁸. Именно рассудительность стала в европейской этике рассматриваться как первая среди кардинальных добродетелей. Она совпадает с умением человека находить конкретные пути и средства достижения нравственно прекрасных целей; она не тождественна изобретательности ума: последняя становится рассудительностью только в соединении с добром; изобретательность, направленная на зло, оборачивается изворотливостью.

«Аристотель, — подчеркивает А.Н. Чанышев, — определяет практичность как “разумно приобретенное душевное свойство, осуществляющее людское благо”. Практичен тот, кто способен хорошо взвешивать обстоятельства и верно рассчитывать средства для достижения ведущих к благополучию целей. Для практичности необходим опыт. Для практичности необходима изобретательность в подыскании средств осуществления целей. Но изобретательность, предостерегает философ, похвальна лишь при хороших целях. *В противном случае практический человек опасен для общества.*

Практичные люди годны для управления домом и государством, а потому практичность тесно связана и с экономикой, и с политикой. Отсюда такие виды практичности, как экономическая, законодательная, политическая»⁹.

Итак, руководители, управляющие государством, согласно Аристотелю, должны обладать нравственными, этическими качествами. Отсутствие этих качеств у людей, управляющих обществом, т.е. практицизм (практичность) без благих целей, — опасно для самого общества. Таким образом, “ценностно-рациональные” модели поведения, о которых будет говорить М. Вебер в концепции “социального действия”, согласно Аристотелю, более значимы для общества, чем “целерациональные”.

⁸ Чанышев А.Н. Указ. соч. С. 353.

⁹ Там же.

Теоретические основы исследования структуры личностных качеств руководителя в концепции социального действия М. Вебера

Особую роль в развитии теоретических оснований и формировании социологического подхода к изучению личностных качеств руководителя сыграли труды М. Вебера, его идеи о природе лидерства и теория социального действия.

Понимая под лидерством способность «отдавать приказы» и вызывать повиновение», М. Вебер выделил три классических, идеальных, «чистых», типа¹⁰: традиционное лидерство, основанное на вере и следовании обычаям и традициям (власть племенных вождей, монархическая власть и т.д.); харизматическое лидерство, основанное на убеждении в выдающихся, близких к сверхъестественным способностям вождя, руководителя, пророка; рационально-легальное лидерство, основанное на вере в законность существующей политической системы, государственного устройства¹¹.

Большое внимание М. Вебер уделял изучению и определению состава наиболее важных личностных качеств руководителя (выражаясь современным языком — определению социально-психологического портрета).

Размышляя о значимых профессиональных личностных качествах политика, он, отмечал, «что в основном три качества являются для политика решающими: страсть, чувство ответственности, глазомер»¹².

М. Вебер, подчеркивая, что «политик ежедневно и ежечасно должен одолевать в себе совершенно тривиального, слишком «человеческого» врага: обыкновеннейшее тщеславие, смертного врага всякой самоотдачи делу»¹³, говорит о необходимости разработки проблемы определения профессионально значимых качеств характера руководителя. Далее он подробно описывает эти качества. Однако оставался нерешенным (гносеологический) вопрос: как выявить и измерить эти качества у реальных руководителей или претендентов на эту должность?

Концепция социального действия М. Вебера в нашем исследовании играет особую роль:

¹⁰ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения / Общ. ред. Ю.Н. Давыдова. М., 1990. С. 647.

¹¹ Там же. С. 646–647.

¹² Там же. С. 690.

¹³ Там же. С. 691.

1. Не только потому, что она выявляет разные мотивы поведения людей — целерациональное, ценностно-рациональное, традиционное и аффективное¹⁴.

2. Показывает, что «социология — наука о социальном действии» должна изучать «действие, ориентированное на поведение, мотивы других людей»¹⁵ (т.е. целерациональное и ценностно-рациональное).

3. Рассматривает природу лидерства, ориентирует на исследование состава-структуры наиболее важных личностных качеств руководителя¹⁶.

4. Концепция социального действия, как нам представляется, и мы попытаемся это теоретически и эмпирически обосновать, хорошо согласуется с выбранным нами подходом к исследованию личностных качеств руководителей.

Что же, согласно М. Веберу, представляют типы социального действия?

Как отмечает М. Вебер, «социально только то действие, которое по своему смыслу ориентировано на поведение других. Столкновение двух велосипедистов, например, не больше чем происшествие, подобное явлению природы. Однако попытка кого-нибудь из них избежать этого столкновения — последовавшая за столкновением брань, потасовка или мирное урегулирование конфликта — является уже «социальным действием»¹⁷.

Он выделял четыре типа социального действия. Первый тип — традиционное, «...есть основанное на длительной привычке. Часто традиционное действие подобно чисто реактивному подражанию»¹⁸. Традиционное поведение нельзя назвать сознательным, ибо в его основе лежит притупленная реакция на привычные раздражители. Она протекает по однажды принятой схеме. Раздражителями выступают различные табу и запреты, нормы и правила, обычаи и традиции. Они передаются из поколения в поколение, таков, например, обычай гостеприимства, существующий у всех народов, которому следуют автоматически, в силу привычки вести себя так, а не иначе¹⁹.

Второй тип — аффективное, или реактивное, поведение. «Аффективное действие... находится на границе и часто за пределом того, что «осмысленно», осознанно ориентировано; оно может

¹⁴ Вебер М. Мотивы социального действия // Вебер М. Избранные произведения. С. 628–636.

¹⁵ Добренко В.И., Кравченко А.И. Социология: В 3 т. Т. 3: Социальные институты и процессы. М., 2000. С. 383.

¹⁶ Вебер М. Политика как призвание и профессия. С. 646–647, 690–691.

¹⁷ Вебер М. Мотивы социального действия. С. 628.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Добренко В.И., Кравченко А.И. Указ. соч. С. 381.

быть не знающим препятствий реагированием на совершенно необычные раздражения»²⁰. Аффект — это душевное волнение, которое перерастает в страсть, сильный душевный порыв. Аффект идет изнутри, под его влиянием человек поступает бессознательно. Будучи кратковременным эмоциональным состоянием, аффективное поведение не ориентировано на оценку других или сознательный выбор цели²¹.

Третий тип — ценностно-рациональное поведение, которое базируется на сознательной ориентации на нравственные или религиозные идеалы или вере в них. Идеалы стоят выше сиюминутных целей, расчетов, соображений выгоды. Деловой успех отходит на второй план. Человек может даже не интересоваться мнением окружающих: осуждают они его или нет. Он думает только о высших ценностях, например, о спасении души или об исполнении долга. С ними он соизмеряет свои поступки. М. Вебер подчеркивает: «Чисто ценностно-рационально действует тот, кто, невзирая на возможные последствия, следует своим убеждениям в долге, достоинстве, красоте, религиозных представлениях, благочестии или важности “предмета” любого рода. Ценностно-рациональное действие (в рамках нашей терминологии) всегда подчинено “заповедям” или “требованиям”, в повиновении которым видит свой долг данный индивид»²².

Четвертый тип — целерациональное, или инструментально-рациональное поведение, которое предполагает свободный и осознанный выбор цели. “Целерационально действует тот индивид, чье поведение ориентировано на цель, средства и побочные результаты его действий, кто рационально рассматривает отношение средств к цели и побочным результатам и, наконец, отношение различных возможных целей друг к другу, то есть действует, во всяком случае, не аффективно (прежде всего не эмоционально) и не традиционно”²³. “С целерациональной точки зрения, — продолжает М. Вебер, — ценностная рациональность всегда иррациональна, и тем иррациональнее, чем больше она абсолютизирует ценность, на которую ориентируется поведение... (...абсолютное добро, абсолютное выполнение своего долга)”²⁴.

Концепция социального действия хорошо согласуется с выбранным нами подходом к исследованию личностных качеств руководителей.

Мы хотели бы представить следующий метод исследования склонности личности к целерациональному и ценностно-рациональному, аффективному поведению. Как нам представляется, благодаря этому методу концепция М. Вебера о социальном действии получает еще одну возможность верификации на практике. Целерациональные и ценностно-рациональные, аффективные склонности индивида вообще и руководителя в частности можно изучать, опираясь на классические социологические и психологические теории личности (в том числе на диспозиционную теорию) и методику Р. Кэттелла — многофакторное исследование личностных качеств.

Одним из образцов целерациональной формы поведения служит, по мнению М. Вебера, поведение предпринимателя. (Более подробно о психологическом портрете предпринимателя и мотивах предпринимательского поведения можно прочесть у В.В. Радаева в его работе “Человек в роли предпринимателя”²⁵.)

Изучив характеристики предпринимателя одной организации, полученные с помощью методики Р. Кэттелла (16-ти факторного личностного опросника), и учитывая результаты социологических исследований, проведенных ВЦИОМ²⁶, мы выделили составные мотивационные структуры личности предпринимателя — “*средства построения собственных действий*”, которые будут описаны ниже.

Целерациональный тип социального действия М. Вебера в эмпирической модели структуры личностных качеств руководителя-предпринимателя

Итак, оценивается/измеряется высокий интеллект (фактор В, здесь и далее по Р. Кэттеллу), доминирование (фактор Е), смелость (фактор Н), высокая эмоциональная устойчивость, т.е. неподверженность аффективному поведению и низкий уровень нормативности поведения — нравственности, моральных норм (фактор G).

К сожалению, как показали исследования, отдельные руководители, занимающие высокие должности, имеют низкие моральные нормы, т.е. совестливость (фактор G). Персонограмма одного из таких предпринимателей приведена в табл. 1 (балльные значения персонограммы выделены курсивом, нежирным шрифтом).

²⁰ Вебер М. Мотивы социального действия. С. 628.

²¹ Добренков В.И., Кравченко А.И. Указ. соч. С. 381.

²² Вебер М. Мотивы социального действия. С. 629.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 630.

²⁵ Радаев В.В. Человек в роли предпринимателя // Экономическая социология: Курс лекций. М., 1997. С. 96–111.

²⁶ Галов А.А. Западный бизнесмен и отечественный предприниматель. (Опрос ВЦИОМ 29–23 июля 2001 г.). URL: levada.ru...biznesmen...otchestvennyi-predprinimatel (дата обращения: 25.12.12).

Таблица 1

Персонограмма руководителя с низкими моральными нормами

Баллы																		
10																		
9				9	9		9											
8	8	8		8		8			88		8						8	
7												7						
6			6							6			6					
5		5																5
4											4							
3									3			3		33				3
2						2												
1																	1	
	A	B	C	E	F	G	H	I	L	M	N	O	Q1	Q2	Q3	Q4		

Итак, руководителя, чья персонограмма дана в табл. 1, отличают лидерство, доминантность (фактор E — 9 баллов), высокое упорство, склонность к самоутверждению, соревновательность (фактор L — 8 баллов), практичность (фактор I — 3 балла), реалистичность, стремление полагаться на себя, скептическое отношение к субъективным и культурным аспектам жизни. Этот руководитель не терпит бессмысленности, обладает смелостью (фактор H — 9 баллов), причем смелостью, граничащей с авантюризмом, он не замечает опасности, в силу чего небрежно относится к деталям. Описываемый руководитель охотно испытывает новые эмоции, работает без организации и утомления. Его деятельность характеризуется “выразительностью” (фактор F — 9 баллов): ему свойственны импульсивность, живость, энтузиазм, он легко переключается с одного вида деятельности на другой, склонен к частой перемене мест. В своей деятельности он оперативен, высокопроизводителен, имеет хорошие организаторские способности. Его импульсивность может приводить к ошибкам в работе и снижению эффективности в деятельности. Кроме того, он общителен (фактор A — 8 баллов), готов к сотрудничеству, доброжелателен, легко включается в групповую деятельность. Ему также присущи конвенциональность (фактор Q2 — 3 балла), умение принимать решение вместе с людьми.

Именно набор вышеуказанных характеристик создает о таком субъекте впечатление прекрасного, энергичного руководителя, умеющего общаться с людьми и прислушивающегося к их мнению.

Однако низкий уровень моральных норм (фактор G — 2 балла) и воли (фактор Q3 — 1 балл), а это то, что невозможно заметить сразу по внешнему поведению, выдают в нем руководителя, не связанного ответственностью, думающего лишь о личной выгоде²⁷.

Другое дело, как отмечают исследователи, что рано или поздно организация, возглавляемая руководителем с пониженными моральными нормами, либо избавляется от подобного “лидера”, либо сама прекращает свое существование. В данном случае возникают уже другие вопросы: сколько пройдет времени и каковы экономические и социальные потери от деятельности такой личности — срыв заданий, неэффективное использование ресурсов, дискредитация проектов, уход ответственного персонала и т.п.

Хотелось бы обратить внимание на следующий важный момент, который не был отмечен исследователями. Указанные мотивы в структуре личностных качеств позволяют, как мы полагаем, отнести данный тип личности к веберовской модели “целерационального” типа поведения индивида (социального действия). А это значит, что модель целерационального типа социального действия на примере исследования характеристик конкретного руководителя-предпринимателя с использованием указанного метода и обозначенных критериев оценки получает свою эмпирическую верификацию. Сам же портрет, персонограмма с обозначенными границами выраженности качеств, может быть взят за модель оценки целерационального типа социального действия для оценки предпринимательских способностей подобного типа руководителей.

Ценностно-рациональные характеристики личности можно также измерить, используя вышеуказанную методику оценки моральных норм (фактор G), воли (фактор Q3) и др. Следует отметить, что аффективные склонности означают эмоциональную неустойчивость испытуемого.

Наглядный пример ценностно-рациональной ориентации действия, как мы полагаем, можно наблюдать не только по идеальной модели руководителя, но и по модели современного российского военного. Мы будем рассматривать ее на примере руководителя подразделения “Спецназ NNN” Героя России, подполковника Саманкова Андрея Васильевича. Модели личностных качеств эф-

²⁷ Более подробно об идеальной модели руководителя и способах ее измерения см.: *Осеев А.А.* Социально-психологический портрет руководителя: идеальная модель и способы ее измерения // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология.* 2011. № 1. С. 126–144.

фективных руководителей высшего и среднего звена руководства промышленных предприятий, а также описание личностных качеств подполковника А.В. Саманкова уже были представлены авторами в публикациях²⁸. В данной же статье посмотрим на эти качества с позиции типов социального действия М. Вебера и нашей цели — исследования личностных качеств руководителей и принципов отбора кадров на государственную службу, а также персонала в сфере безопасности.

**Ценностно-рациональный тип социального действия
М. Вебера в эмпирической модели структуры
личностных качеств руководителя**

Полученные результаты показали, что российские военнослужащие, которые участвуют в боевых действиях и которые заслуженно получают высокие награды, обладают рядом уникальных качеств (см. табл. 2).

Таблица 2

**Персонограмма руководителя подразделения “Спецназ NNN” Героя России,
подполковника А.В. Саманкова в сравнении с идеальной моделью руководителя**

Баллы																		
10																		10
9				9														
8		88	8	8		8	8		8		8							8
7							7					7						
6	6																	
5													5					
4										4							4	
3									3					3		3		3
2																		
1														1				
	A	B	C	E	F	G	H	I	L	M	N	O	Q1	Q2	Q3	Q4		

²⁸ Осеев А.А., Осеев А.А. Личностные качества командного состава “спецназ” (20 лет спустя) // Социология. Журнал Российской социологической ассоциации. 2013. № 1. С. 134–143.

Первое. Видно, что личностные качества А.В. Саманкова в значительной степени соответствуют идеальной модели руководителя.

Второе. Если говорить кратко, то А.В. Саманкова отличают прежде всего следующие черты: высокий уровень интеллекта, лидерство, смелость, высокие моральные нормы, очень высокие волевые качества, высокая эмоциональная устойчивость. При этом уровень радикализма невысок. В сравнении же с характеристиками заместителя руководителя другого подразделения “спецназ”, уровень радикализма которого оценивается в 10 баллов, радикализм А.В. Саманкова вообще очень низок. Это свидетельствует о том, что для решения радикальных задач разного рода нужны профессионалы с разными профессиональными профилями. При этом, чтобы выполнить профессиональный долг “геройски”, военному руководителю (руководителю боевого подразделения) нужны не только смелость и высокие морально-волевые качества, но и высокий уровень интеллекта.

Итак, подполковника А.В. Саманкова отличают следующие черты:

1. Высокий уровень интеллекта (способность к нестандартному мышлению) — фактор В — 8 баллов. 2. Упрямство, настойчивость, т.е. высокие лидерские качества (в психологическом значении этого понятия) фактор Е, доминирование — 9 баллов. 3. Смелость, фактор Н — 8 баллов. При этом, уровень смелости (нечувствительности к опасности) не превышает порога, за которым уже авантюризм и безрассудная смелость. 4. Ответственность, моральные нормы, совесть, фактор G — 7 баллов. Моральные нормы, чувство ответственности организуют совместное взаимодействие подчиненных в соответствии с принципами уважительности, следования выработанным правилам, чувством долга. Кроме того, моральные нормы как форма контроля поведения личности выступают в качестве одного из факторов — регуляторов психической уравновешенности личности. 5. Высокие волевые качества, воля, фактор Q3 — 10 баллов (!). Сочетание ответственности с высокими волевыми качествами говорит о том, что структура личностных качеств данного руководителя явно отличается от целерационального типа и соответствует ценностно-рациональному типу в модели социального действия М. Вебера. 6. Способность прислушиваться к людям, конвенциональность, фактор Q2 — 3 балла. Конвенциональность — это то, что обеспечивает на психологическом уровне способность личности к совместному, групповому принятию решений, позволяет ей учитывать коллективный опыт подчиненных при разработке “нестандартных решений”, формирует умение слушать подчиненных (“толерантность”). 7. Эмоциональная, “психическая уравновешенность” определяется: 1) низким уровнем тре-

**Личностные качества руководителей (средние значения — х.ср.)
в сравнении с идеальной моделью**

	A	B	C	E	F	G	H	I	L	M	N	O	Q1	Q2	Q3	Q4
Х ср.	8	7	7	7	5	8	6	5	5	6	7	6	5	4	9	4
Ид. мод.		8		8		8			8		8	3		3	8	3

Итак, в табл. 3 представлены персонограммы (характеристики личностных качеств) руководителей производственных подразделений завода, а в табл. 4 — персонограммы руководителей (средние значения — х.ср.) в сравнении с идеальной моделью.

Общими характерными чертами эффективных руководителей являются общительность (фактор А), высокие лидерские качества (фактор Е), моральные (фактор G) и волевые качества (фактор Q3), высокий уровень интеллекта (фактор В), социальная опытность (дипломатичность, фактор N), эмоциональная устойчивость.

Согласно проведенным нами исследованиям, эти качества резко отличаются от личностных качеств бухгалтеров и рекламных агентов²⁹ (как руководителей, так и рядовых работников). Последние отличают сдержанность в общении (фактор А — 4,5 баллов), более низкий уровень морально-волевых качеств (фактор G и Q3 — 5 и 6 баллов соответственно, против 8 и 9 баллов у руководителей промышленных подразделений завода).

Возникают очень важные вопросы: “Какова модель будущего военного? какова модель личностных качеств госслужащего гражданской службы? что в структуре моделей их личностных качеств военного служащего помогает осуществлять эффективную профессиональную деятельность при смене (совмещении) сфер деятельности, при выполнении обязанностей уже государственного (гражданского) служащего?”

Мы полагаем, что представленные характеристики эффективных руководителей подразделений промышленного предприятия, характеристики социально-психологического портрета Героя России А.В. Саманкова помогут в разработке моделей отбора кадров на государственную и военную службу. Все это, как мы надеемся, улучшит отбор офицеров на высокие командные должности, а в ко-

²⁹ Модели личностных качеств бухгалтеров и других категорий руководителей хотелось бы рассмотреть в отдельной статье. Обратим внимание читателей на следующий момент. Как показали новые исследования, личностные качества священнослужителей также соответствуют модели ценностно-рационального типа социального действия М. Вебера.

возности, фактор О, спокойствие — 1 балл, что “во многом обеспечивает успешное лидерство в сложных ситуациях, успех в принятии решений при внезапных аварийных ситуациях” (большие баллы по фактору О характерны для людей, часто попадающих в автомобильные катастрофы); 2) низким показателем по фактору Q4, низкая напряженность, возбудимость — 3 балла (это то, что называется “ровный характер”); 3) эмоциональной зрелостью, способностью отсрочить свои потребности, фактор С — 8 баллов.

Полагаем, что эмоционально-неустойчивая личность (аффективная, эмоциональная модель поведения по М. Веберу, неврастеники, психопаты) характеризуется прямо противоположными чертами: низкий уровень С, высокий — О, высокий — Q4, а также низкий — Q3.

Так, исследование личностных качеств эффективных руководителей высшего и среднего звена руководства промышленных предприятий (на примере зам. генерального директора предприятия, главного инженера завода и начальников цехов завода в г. Чебоксары) показало, что их качества также соответствуют модели ценностно-рационального, а не целерационального типа социального действия (см. табл. 3, 4).

Таблица 3

**Персонограммы — личностные качества руководителей
производственных подразделений завода г. Чебоксары**

	A	B	C	E	F	G	H	I	L	M	N	O	Q1	Q2	Q3	Q4
Главный инженер	7	6	6	7	8	6	7	5	8	7	7	7	5	7	10	5
Руководитель 1	10	7	8	8	6	9	7	5	9	7	9	6	6	4	10	4
Руководитель 2	7	9	8	9	4	10	6	1	3	2	8	5	3	3	10	3
Руководитель 3	10	4	10	9	8	9	10	8	3	6	5	5	5	4	8	4
Руководитель 4	4	10	4	4	1	7	2	4	2	7	5	6	5	3	7	5
Х ср.	7,6	7,2	7,2	7,4	5,4	8,2	6,4	4,6	5	5,8	6,8	5,6	4,8	4,2	9	4,2
Х ср. окр.	8	7	7	7	5	8	6	5	5	6	7	6	5	4	9	4
Идеальная модель		8		8		8			8		8	3		3	8	3

нечном счете повысит эффективность работы государственных структур управления и боевых подразделений Российской армии. А идеи Аристотеля о значимости нравственных качеств личности в государственном управлении, ценностно-рациональные модели поведения М. Вебера станут важной методологической и теоретической основой для проведения новых эмпирических исследований.

Итак, все вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Методологические подходы к исследованию личностных качеств в работах Аристотеля и концепция социального действия М. Вебера являются важной методологической основой в практическом, прикладном исследовании личностных качеств руководителя (включая госслужащих) с использованием современных социологических методов исследования.

2. Целерациональные и ценностно-рациональные, аффективные черты в структуре личностных качеств индивида вообще и руководителя в частности можно изучать, опираясь на классические социологические и психологические теории личности (в том числе на диспозиционную теорию) и методику Р. Кэттелла — многофакторного исследования личностных качеств. Благодаря чему концепция М. Вебера о социальном действии получает еще один подход к ее верификации на практике.

3. Проведение исследований структуры личностных качеств руководителя на основе концепции социального действия М. Вебера с использованием выделенных целерациональной и ценностно-рациональной эмпирической моделей расширяет возможности прикладного применения разрабатываемого нами подхода к решению задач выявления профессионально важных личностных качеств (моделей) руководителей различных сфер деятельности, отбора кандидатов на вакантные должности, включая государственную службу.

В будущих публикациях хотелось бы акцентировать внимание на методических особенностях исследования личностных качеств руководителей и отбора кандидатов на вакантные должности на государственную гражданскую службу и другие сферы деятельности. Как представляется, речь необходимо вести об этапах и способах разработки критериев отбора кадров с использованием тестовых методик (личностного опросника Р. Кэттелла) и их практическом применении на основе ситуационных теорий управления Ж. Блондель³⁰, М.П. Фолет, “ситуационного подхода к определению нормы”, должного состояния социальных объектов³¹.

³⁰ Социологическая энциклопедия: В 2 т. / Глав. ред. В.Н. Иванов. Т. 1. М., 2003. С. 562.

³¹ Шербина В.В. Средства социологической диагностики в системе управления. М., 1993. С. 54; *Он же*. Социология организаций: Словарь-справочник. М., 1995. С. 82–85.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аристотель. Сочинения: В 4 т. / Общ. ред. А.И. Доватура. Т. 4. М., 1983 (*Aristotel'.* Sochineniya: V 4 t. / Obsch. red. A.I. Dovatura. T. 4. M., 1983).

Вебер М. Мотивы социального действия // Вебер М. Избранные произведения / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова. М., 1990 (*Veber M.* Motivы sotsial'nogo deystviya // Veber M. Izbrannye proizvedeniya / Obsch. red. i poslesl. Yu.N. Davydova. M., 1990).

Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова. М., 1990 (*Veber M.* Motivы sotsial'nogo deystviya // Veber M. Izbrannye proizvedeniya / Obsch. red. i poslesl. Yu.N. Davydova. M., 1990).

Галов А.А. Западный бизнесмен и отечественный предприниматель. (Опрос ВЦИОМ 23–29 июля 2001 г.). URL: levada.ru...biznesmen...otechestvennyi-predprinimatel (дата обращения: 25.12.12) (*Galov A.A.* Zapadnyy biznesmen i otechestvennyj predprinimatel'. (Opros VTsIOM 23–29 iyulya 2001 g.). URL: levada.ru..biznesmen.otechestvennyj-predprinimatel (data obrascheniya: 25.12.12)).

Добренков В.И., Кравченко А.И. Социология: В 3 т. Т. 3: Социальные институты и процессы. М., 2000 (*Dobren'kov V.I., Kravchenko A.I.* Sotsiologiya: V 3 t. T. 3: Sotsial'nye instituty i protsessy. M., 2000).

Осеев А.А. Социально-психологический портрет руководителя: идеальная модель и способы ее измерения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2011. № 1. С. 126–144 (*Oseev A.A.* Sotsial'no-psihologicheskii portret rukovoditelya: ideal'naya model' i sposoby ee izmereniya // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya. 2011. N 1. S. 126–144).

Осеев А.А., Осеев А.А. Личностные качества командного состава “спецназ” (20 лет спустя) // Социология. Журнал Российской социологической ассоциации. 2013. № 1. С. 134–143 (*Oseev A.A., Oseev A.A.* Lichnostnye kachestva komandnogo sostava spetsnaz (20 let spustya) // Sotsiologiya. Zhurnal Rossiyskoy sotsiologicheskoy assotsiatsii. 2013. N 1. S. 134–143).

Радаев В.В. Человек в роли предпринимателя // Экономическая социология: Курс лекций. М., 1997 (*Radaev V.V.* Chelovek v roli predprinimatelya // Ekonomicheskaya sotsiologiya. Kurs lektsiy. M., 1997).

Федеральный закон “О государственной гражданской службе Российской Федерации”: Текст с изм. и доп. на 2014 г. М., 2014 (*Federal'nyj zakon “O gosudarstvennoy grazhdanskoy sluzhbe Rossiyskoy Federatsii”*: Tekst s izm. i dop. na 2014 g. M., 2014).

Чанышев А.Н. Курс лекций по древней философии: Учеб. пособие. М., 1981 (*Chanyshev A.N.* Kurs lektsiy po drevney filosofii: Ucheb. posobie. M., 1981).

И.К. Масалков, канд. филос. наук, доц. кафедры методологии социологических исследований МГУ имени М.В. Ломоносова*

РОССИЙСКО-ФРАНЦУЗСКИЙ ДИАЛОГ В СФЕРЕ БИЗНЕСА: МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ (1990-е годы)

I.K. Masalkov

RUSSIAN-FRENCH DIALOGUE IN BUSINESS: CROSS-CULTURAL COMPETENCE (1990–1999)

Французские компании задействованы в командировании своих специалистов и менеджеров в различные уголки мира, включая Россию, чтобы осуществлять на производственных площадках управление местной рабочей силой. Основной мотивацией направляющихся в Россию менеджеров являются высокие потенциальные возможности для значительного продвижения по карьерной лестнице и повышения уровня жизни. Компании в своем международном развитии, сталкиваясь с проблемой сложностей в управлении человеческим фактором, прибегают к межкультурному коучингу. Это исследование высвечивает специфику французских и российских деловых культур. Сделанные заключения позволяют наметить относящиеся к межкультурной коммуникации практические рекомендации для работающих вместе российских и французских менеджеров.

Ключевые слова: национальная культура, деловая культура, закат исключительно национальных бизнеструктур, межкультурная коммуникация, властная дистанция.

French companies are involved in the management of expatriates to other areas of the world including Russia to supervise production sites with the local workforce. The main motivation for executives to move to Russia is the potential for significant promotion in career and increase their standard of living. Companies in their international development face the challenge of managing the complexity of the human factor use intercultural coaching. This study points to specific character of French and Russian business cultures. This finding allows discussing practical implications for cross-cultural communication for Russian and French managers working together.

Key words: national culture, business culture, decline of purely national structures, cross-cultural communication, power distance.

* Масалков Игорь Константинович, e-mail: home@home.soc.msu.ru

Для выстраивания органичного пространства сотрудничества между Западной Европой и Россией экономические мосты оказались более удобными и более эффективными, чем политические альянсы и культурные обмены. Франция была традиционным партнером России во многих областях. Экономические связи с этой страной особенно динамично развиваются последние 25 лет. Сегодня на территории Российской Федерации функционируют совместные предприятия, в которых участвуют российские и французские партнеры. В ходе своей трудовой деятельности их сотрудники вступают во взаимодействие, которое является неотъемлемым атрибутом любого производственного процесса. Четко проработанные формализованные схемы управления, внедренные и давшие положительный эффект во Франции, в России могут давать совсем иной, порой даже противоположный результат. Рассмотрим это явление с позиций современной теории и практики.

Контакты представителей разных стран сопровождаются, как правило, множеством препятствий, которые обусловлены несопадением особенностей мировоззрения, ценностей и норм, уходящих своими корнями в далекую историю. Они не являются исключением и в процессе взаимодействия в сфере деловых отношений, в которых эффективность сотрудничества зависит от понимания культурных кодов и достижения консенсуса по поводу правил коммуникации, не ущемляющих интересов принадлежащих к разным культурам партнеров. Таким образом, обозначен интересующий нас феномен, а изучать его будем путем анализа ситуаций делового взаимодействия на совместных предприятиях. Социологический анализ данного процесса предполагает, таким образом, обращение к сложным категориям — ценностям, стереотипам, мотивам, установкам и предрассудкам.

В рамках данной статьи представлены результаты длительного исследования реального взаимодействия россиян и французов в рамках организационной культуры совместных предприятий на территории России. Для изучения особенностей процесса межкультурной коммуникации в русско-французской деловой культуре использовались следующие методы исследования: метод включенного наблюдения с использованием плотного этнографического описания, метод глубинного интервью, а также проективные тесты. Таким образом, получившие распространение на Западе мягкие методики исследования организационной культуры были использованы и в постсоветском пространстве России.

Чтобы лучше понять эту сложную реальность, каковой являются совместные предприятия, мы постарались сопоставить свидетель-

ства предпринимателей и менеджеров, а также консультантов по управлению и коучей из России и Франции, участвующих в развитии их экономической деятельности иногда в течение многих лет. Анализ получаемых транскриптов проводился французскими и российскими университетскими социологами и консультантами по управлению на условиях взаимоуважения и сотрудничества¹.

Становлению кросс-культурного менеджмента как дисциплины. В Западной Европе интерес к проблематике межкультурной коммуникации возник после Второй мировой войны в восстановительный период, когда происходило резкое увеличение международных экономических связей. Первым толчком к становлению кросс-культурного менеджмента как дисциплины стали трудности в реализации американского плана Маршалла, заключавшегося в оказании помощи Западной Европе по восстановлению экономики в послевоенный период. Вторым был вызван пристальным вниманием к “японскому чуду” — головокружительному успеху японской экономики в области производительности, качества, внедрения инноваций. Третий толчок был дан в 1970-е гг. в связи с маркетинговыми поисками путей адаптации продуктов, ориентированных на потребительскую культуру целевого рынка другой страны. Вне всякого сомнения, на становление теории межкультурного менеджмента повлияли и разгоревшиеся сначала в США в 1980-х, а чуть позже и в Западной Европе, дискуссии о менеджменте и (психо)терапии женских коллективов. В самом деле, работа с гендерной проблематикой не может обойти стороной размышления о культуре, поскольку последняя ее и определяет. Таким образом, осмысление механизмов взаимодействия деловых культур привело к выделению и развитию отдельной научной дисциплины — межкультурного менеджмента.

Итак, на рубеже 1970–1980-х гг. в теориях управления прочно утверждается термин “организационная культура”. Сегодня в теории и на практике приняты следующие постулаты:

1. Национальная культура в отдельно взятой стране накладывает серьезный отпечаток на любую совместную деятельность. Поэтому вполне естественно возникают вопросы о ее природе, формах, способах и результатах их взаимодействия в мировом экономическом пространстве².

2. В рамках отдельной компании формируется своя культура, которая адаптируется к обществу данного типа, определяет свои

¹ Активное участие в проведении и анализе интервью принимали Эдуард Стак (Франция) и Дарья Румянцева (Россия).

² Лебедева Н. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1999.

границы, проводит различия между данной организацией и всеми другими³.

Знаменитый исследователь Г. Хофстед (G.H. Hofstede) провел в 1960–1970-х гг. крупномасштабное изучение национальных особенностей организационных культур на примере филиалов корпорации ИВМ более чем в 50 странах, включая Россию. Результаты были опубликованы в 1983 г. в работе “Измерения национальных культур в пятидесяти странах и трех регионах”⁴. Это был прорыв в теории, благодаря которому социологи смогли обогатить свой исследовательский инструментарий и расширить список работающих показателей, позволяющих измерять организационную культуру. Подход Г. Хофстеда, который через призму теории отождествил всех россиян, всех американцев, всех французов и т.д. на уровне всей национальной культуры отдельной страны под единый для данной страны стандарт, мало применим в консалтинге отдельной организации и в наши дни теряет актуальность. Более того, его выводы часто противоречат результатам исследований, проведенных позже другими авторами.

В наше время возник другой полярный подход, выводящий нас на микроуровень, на котором мы обращаемся к конкретному предприятию, к конкретному человеку, задействовав наши способности понять его представления и увидеть его взаимодействия с другими во всей спонтанности и динамизме. В ходе более поздних размышлений о диалоге культур стали считать, что и отдельный человек является носителем уникальной культуры. Межкультурная компетенция в таком случае — это, скорее, возможность взаимодействовать друг с другом, чтобы быть личностью более полной и, следовательно, более свободной. Отсюда внимание к уровню отдельного сотрудника.

Французский автор С. Ленэ выделяет в процессе межкультурного взаимодействия следующие возможные варианты поведения⁵:

- 1) *самоутверждение* — выражение гордости за свою культуру;
- 2) *имитация* — стремление быть похожим любой ценой на представителей других культур;
- 3) *смушение* — сокрытие того, кто ты есть с целью отвести от себя агрессию;
- 4) *избегание* — отказ общаться с людьми, использующими незнакомые культурные коды.

³ Mercier S. L'éthique dans les entreprises. P., 2014.

⁴ Hofstede G.H. Culture's consequences: comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations. L., 2001. (Русскоязычное название в тексте дано в переводе автора. — Прим. ред.)

⁵ Laine S. Management de la difference — Apprivoiser l'interculturel. P., 2004.

В России начала 1990-х гг. социологические исследования взаимодействия, а точнее столкновения двух культур, проводились, главным образом, в сфере межэтнических конфликтов. Практика говорила о том, что последние решались, скорее, с позиции силы, или, как выразился один из чинов МВД, мероприятиями по их “купированию”. Тема межкультурной коммуникации на совместных предприятиях появилась несколько позже. Она начала привлекать российских ученых ближе к середине 1990-х гг., когда основы организационной культуры, доставшейся в наследство от прежней эпохи, были затронуты изменениями. В эти годы новая культура стала формироваться под влиянием советского наследия и перенесения западных моделей управления. Осознание недостаточности имеющегося знания особенностей межкультурного взаимодействия на совместных предприятиях первыми почувствовали консультанты по управлению. В этой связи интересна тонко подмеченная особенность коммуникации, принадлежащая В.Г. Буниной: “Коммуникация в кросс-культурном менеджменте — акт передачи информации, завершившийся ее восприятием и сопровождающийся искажением смысла послания, вызванным различиями в культурах источника и получателя информации”⁶. Поэтому неудивительно, что российские социологи ставят вопросы о лежащих в основе коммуникаций социокультурных ценностях, способах эффективного взаимодействия.

Большинство проведенных и проводимых в наше время отечественных исследований внутрикорпоративной культуры носит закрытый характер и используется только для внутренних нужд компаний. Отсюда возникают вопросы: как межкультурная коммуникация развивалась в России с начала 1990-х гг. и что она собой представляет сегодня? Каково ее влияние на эффективность труда на совместных предприятиях? Какие факторы определяют ее сегодня?

Межкультурные отношения на совместных российско-французских предприятиях в период начала перестройки. В ходе перестройки процесс изменений охватил большинство отечественных организаций. Гонка, в которую вовлекались российские компании, включала конкуренцию по качеству, срокам поставки, разнообразию продуктов, масштабам инновационной деятельности. В начале 1990-х гг. у отечественных предприятий и организаций появилась реальная возможность сотрудничества с иностранными партнерами. Дочерние структуры и совместные предприятия стали быстро появляться

⁶ Бунина В.Г. Кросс-культурный менеджмент и межкультурная коммуникация. М., 2008. С. 34.

на российском рынке, интегрируя Россию в современную мировую экономику. Массовый приток иностранных специалистов в нашу страну напоминал 30-е гг. XX в. Связано это, прежде всего, с тем что у российского бизнеса возникла потребность в приспособлении к новым условиям рыночной экономики, а также необходимость заимствования новых западных технических и управленческих технологий, ведения совместных проектов, восприятия успешного опыта других стран.

Французский инвестор, придя в начале 1990-х гг. на российский рынок, пытался максимально пользоваться уже отработанной организационной моделью на новой для него территории, но не всегда эта стратегия давала ожидаемый результат. Различия в представлениях, ценностях и нормах поведения, свойственных российскому персоналу и привносимых французскими менеджерами, приводили к возникновению конфликтов. Сразу же на одно из первых мест вышла проблема межкультурных компетенций, связанная с несовпадением организационных культур французских менеджеров и российских исполнителей. Бытовавшие в России нормы делового поведения, по свидетельству зарубежных партнеров, расходились с общепринятыми в западном мире. Получалось так, что входящие теперь в единое целое структурные части не находили общего языка: сказывались различные традиции, принципы работы, ценности, т.е. разные культуры⁷.

Для делового мира России бурные 1990-е гг. были периодом дикого первоначального накопления капитала с его рэкетом, убийствами, рейдерством, поджогом строений, что воспринималось как массовый и эффективный метод ведения бизнеса. Государственный протекционизм уходил в прошлое. Клановые и мафиозные структуры составили основу дикой экономики. Новая экономическая ситуация вызвала “помутнение сознания” россиян, которые понятия не имели, как делается бизнес на западных фирмах. Одновременно подрывалась и уверенность Запада в надежности и перспективности сотрудничества с российскими партнерами.

Главные трудности, с которыми столкнулись сами менеджеры и профильные специалисты из Франции при длительном пребывании в инокультурной российской среде, были следующие⁸:

- 1) языковой барьер, трудности в общении и понимании местных сотрудников и менеджеров;
- 2) обстановка конфликтности и отчужденности при выполнении своих обязанностей и, как следствие, снижение эффективности по сравнению с работой на фирме в родной стране;

⁷ Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 2004.

⁸ Бунина В.Г. Указ. соч.

3) сложности адаптации самого работника и сопровождавших его членов семьи к жизни в чужой стране;

4) неудачная адаптация и досрочное прерывание командировки сотрудниками;

5) страх возвращения на родину (репатриации): у многих по возвращении возникали серьезные проблемы на прежнем месте работы;

6) французские сетевые компании, у которых были филиалы в десятках стран мира, старались выстраивать бизнес-процессы по единой схеме, что резко ослабляло гибкость бизнеса.

Образно выражаясь, для француза приехать работать в Россию было сродни прыжку в неизвестность.

Имидж России и россиян в глазах французов. В сознании потенциальных зарубежных партнеров Россия отличалась и продолжает отличаться двойственностью. *С одной стороны*, европейских инвесторов очень привлекали явные преимущества создания дочерних структур и совместных предприятий на российской территории. Преимущества были следующие:

1) высокая техническая и научная квалификация персонала из числа россиян. Утечка мозгов за рубеж, которая происходила в области науки и высоких технологий, демонстрировала их высокий интеллектуальный потенциал;

2) гибкость рабочей силы и ее способность к адаптации к тяжелым условиям труда;

3) низкие притязания в плане заработной платы при высоком общеобразовательном уровне;

4) потенциал России как страны-импортера: до дефолта 1998 г. страна импортировала до половины товаров широкого потребления;

5) технологическая, экономическая и частично политическая модернизация внедрялись в российскую культуру на протяжении трех веков по европейской модели;

6) в сознании французов продолжает сохраняться тот исторический факт, что их язык был языком русской аристократии;

7) убежденность иностранцев в красоте и привлекательности русских женщин. Французы относятся к числу тех мужчин, которые, открывая бизнес в России, надеются найти здесь себе супругу/любовницу.

С другой стороны, иностранных инвесторов отпугивало наличие неопределенностей и угроз различного характера:

1) отсутствие устойчивого образа представителя российского бизнеса: во Франции был известен облик руководителя советского образца как жесткого, авторитарного, уважающего силу, что характерно для управленцев более пожилого возраста, получивших образование и опыт деятельности в прежней социалистической системе;

2) “отформатированность” сознания россиян еще советской политической системой, в которой свобода действий индивида была ограничена;

3) унаследование экономикой советской системы крупных предприятий с неразберихой в управленческих связях и отсутствием этикета, на которых процессы постперестроечной модернизации шли очень медленно;

4) семейная и региональная клановость предприятий ведущего сырьевого сектора;

5) ситуация неопределенности даже в видении ближайшего будущего в менталитете российских предпринимателей со сформированным доминирующим принципом “хапнул — убежал”;

6) поверхностное знание российскими менеджерами основ маркетинга и практическая его не востребованность;

7) оперативное решение возникавших в бизнесе проблем не через арбитражные суды, а с помощью физической силы.

Объяснение такой ситуации является простым: в России ориентированная на современный мировой рынок деловая культура не могла масштабно сформироваться в прежней социалистической системе хозяйствования, а складывалась стихийно в процессе перестройки экономики. Определенную негативную лепту в создание отталкивающего имиджа России вносили и французские СМИ и туристические путеводители, которые, наследуя традицию времен холодной войны, часто отражали специфику российского общества, оперируя широкими обобщениями и унижительными стереотипами, делающими из нашей страны чудовище.

Имидж Франции и французов в России. Исторически образ французов и Франции в сознании россиян позитивен и наделен определенной долей экзальтации. В представлении россиян Франция является воплощением культуры, элегантности и демократии, жизнь во Франции прекрасна. Там проживают самые галантные мужчины и красивые женщины. Символами Франции являются духи, хорошее вино, косметика, белье, кинофильмы. Слова “француз” или “Париж” для русского имеют магический смысл. Пределом мечтаний россиян было “увидеть Париж и умереть”. У россиян, созерцавших полотна великих художников Франции, создавалось впечатление, что страна живет по принципам “свободы, равенства и братства”. Даже из забастовок и манифестаций французы устраивают праздник: по улицам идет развеселая толпа, кто-то выкрикивает в микрофон песни — пародии на правительство.

Первые контакты французских предпринимателей с российской действительностью. В начале 1990-х гг. первые прибывающие в нашу страну иностранные инвесторы оказались в ситуации высокой не-

определенности. Сразу же бросалась в глаза кричащая асимметрия между уровнями развития регионов, жизни социальных слоев, заработной платы рядовых работников и собственников-менеджеров. Следует особо отметить Москву, которая резко выделялась на фоне всей остальной России. Французы, которые попадали в нее в первый раз, обнаруживали богатый и вполне европейский город с безумной жизнью ночных клубов. Москва была городом с очень быстрым темпом жизни, который требовал много энергии.

Иностранцу, приехавшему в Москву, прежде всего бросалось в глаза внешнее “сходство” русских с европейцами: люди имели европейские черты лица, стиль одежды был европейский, что “расслабляло”. Французы начинали думать, что здесь все так же, как дома. Однако они быстро поняли, что россияне — это другая нация со своими устоями и менталитетом, что приводило их в замешательство. Даже владение единым языком общения (английским, французским или русским) оказалось недостаточным для эффективной совместной работы. Для сравнения укажем, что французы, готовясь поехать на работу в Нигерию или Японию, не будут испытывать трудностей в этих странах, потому что они заранее осведомлены, что будут иметь дело с людьми, совершенно непохожими на них самих. Констатация очевидных внешних различий делает экспатрианта более терпимыми, смягчает “культурный шок”.

В свою очередь в глазах россиян “французский шарм” тоже порой быстро улетучивался, когда его обладатель попадал в нашу действительность. Россияне быстро поняли, что у французов иной менталитет, и что сами французы признают неоднозначность стереотипных представлений о своей нации и своей организационной культуре. Необходимо отметить следующие особенности французской организационной структуры⁹:

1) взаимоотношения на работе иерархичны, с высокой дистанцией власти;

2) коммуникация подчиняется сложному для россиянина своду социокультурных кодов. Их освоение возможно только через понимание традиций и связанных с ними правил, прав и обязанностей, соответствующих статусу каждого участника отношений;

3) выполнение функций начальника требует максимальной осторожности и такта по отношению к подчиненному, а также соблюдения принятых форм взаимодействия. Начальник должен обращаться с просьбой об услуге к своему подчиненному, соблюдая такт и дипломатию. Подчиненный по своему собственному желанию и разумению работает на общую цель или оказывает великодушно услугу своему начальнику;

⁹ Gruere J.-P., Morel P. Cadres français et communications interculturelles. P., 1991.

4) личный контакт очень важен в иерархических отношениях. Если у начальника и подчиненного хорошие отношения, то и рабочее взаимодействие налаживается с опорой на доверие и субординацию. Если личный контакт не налажен, то недоверие возьмет верх, и рабочие отношения превратятся в злоупотребление властью с одной стороны и защитой своей территории — с другой;

5) имеет место демонстративное недоверие по отношению к иностранным сотрудникам;

6) склонность к теоретизированию, что чересчур все усложняет;

7) индивидуализм преобладает над коллективизмом;

8) высокий уровень избегания неопределенности.

Более того, на фоне жесткого и сугубо мужского делового мира в России французские партнеры казались слишком утонченными, а французский подход — слишком “мягким”, неторопливым.

Что же больше всего вызывало вопросы у французских предпринимателей в впервые годы пребывания в России? В начале 1990-х гг. начинать бизнес приходилось в городах, которых порой не было на картах, потому что там находились предприятия ВПК (например, Ступино). В то время в этих городах не было ни гостиниц, ни каких-либо других мест для проживания иностранных гостей. Иностранным фирмам приходилось приобретать земельные участки и строить коттеджи для размещения своих сотрудников.

Когда корпорация “Марс” начала набирать сотрудников, то местные жители проявили настороженность: они не представляли себе, что за новыми высокими стенами могло быть серьезное предприятие, они сомневались в его реальности. Руководству пришла идея провести “дни открытых дверей”, во время которых можно было руками потрогать оборудование, посетить столовую, офисы. Только тогда местные жители начали понимать, что после размещения многотонного дорогостоящего оборудования просто так это производство никто уже не бросит. Директор по управлению персоналом корпорации Доринг Дагмар де Рива (Doring Dagmar de Riva) вспоминает один из курьезов: «Мы набирали новых торговых агентов. Претенденты на вопрос “Имеют ли они водительские права?” отвечали “Нет”, но интересовались, полезно ли было их иметь. Мы говорили: “Да”. Через пару дней они возвращались с правами. Мы оказались в шоковой ситуации, когда все было “размыто”»¹⁰.

Французскую деловую культуру отличает, например, гражданская позиция социальной ответственности ее носителей. Это проявляется во внимании к жизни людей и поддержанию тесных

¹⁰ Fischer M., Dagmar de Riva D. Mars à la conquête de la Russie. Construire les mondes de coopération durable avec la Russie // Les Cahiers de 100 Ways Institut. P., 2008. P. 59–66.

связей с представителями власти. Корпорация “Марс” подарила муниципалитету две пожарные машины, отремонтировала ворота городского парка, которые были в плачевном состоянии. Компания построила супермаркет, который был открыт не только для работников завода и иностранцев, но и для местного населения.

Мелкое воровство в подразделениях. Например, на подмосковной фабрике по производству кексов рабочие не могли удержаться от того, чтобы не унести сладости домой несмотря на регулярные увольнения за воровство. На другой фирме открытый для всех шкаф канцелярских товаров пустел уже в конце дня. Французские топ-менеджеры были готовы на жесткие меры по отношению к виновным, поскольку в их сознании уже сформировался негативный образ россиян, которых называли лентяями и ворами. Однако со стороны россиян это было лишь стремлением выжить в трудные 1990-е гг., когда не хватало даже элементарных бытовых мелочей. Российские рабочие 1990-х гг. были воспитанниками советской системы, в которой труд, по всеобщему признанию экономистов, был сильно недооценен, а в условиях тотального дефицита воровство государственного имущества приняло широкие масштабы. Кроме того, после распада СССР на многих российских предприятиях в нелегкий период становления рынка зарплата выдавалась готовой продукцией: постельным бельем, посудой, игрушками и т.д. Дружная семья, друзья, а также такие нелегальные “способности” как ловкачество и мелкое воровство были условиями выживания. Администрация французских предприятий, разобравшись в ситуации, стала разрабатывать программы развития лояльности. Россияне быстро выучили новые правила игры и изменили свое поведение на рабочих местах.

Отношения с криминальным миром у иностранных предприятий также складывались непросто. Объемы производства корпорации “Марс” в России очень быстро росли, что не могло не вызывать внимания российских криминальных структур. Платой за возможность спокойно делать бизнес в России было “исчезновение” одного грузовика с готовой продукцией в месяц¹¹.

Значимость подписанного контракта. Директору московского филиала автопроизводителя Renault Гию Бара (Guy Bara) надолго запомнилось подписание контракта с мэрией Москвы, в котором шла речь о начале производства легковых автомобилей. Обязательства обеих сторон были четко прописаны. Вывод, который сделал из этого случая Гий Бара, состоял в том, что подписание договора в России — только малообязывающее начало. Выполнение

обязательств было не столь неукоснительным, как на то надеялись французские партнеры. При том что российская сторона была настроена по отношению к французам очень доброжелательно. Тем не менее территория обанкротившегося завода “Москвич” оставалась закрытой для них. Более того, имело место ожесточенное сопротивление со стороны оставшихся членов администрации завода, которые не хотели покидать здания. Подключение к воде, газу, электричеству проходило с большим трудом. Для французов это стало настоящей полосой препятствий. Кроме того, мэрия Москвы слишком быстро пообещала освободить Renault от части налогов, хотя такое решение могло принимать только федеральное правительство¹².

Среди других сложностей на пути выстраивания эффективного сотрудничества с россиянами французские предприниматели называли:

1) российскую традицию “обмывать” контракт до или после его подписания с ужином и экстремальной русской баней, к которой французы не были привычны;

2) то, что принимаемые на работу молодые люди даже при наличии хороших технических знаний и владении иностранным языком нуждались в основательном обучении западным методам управления и маркетинга;

3) тот факт, что молодые россияне в большинстве своем были очень амбициозны. Будучи более заинтересованными в собственном успехе, чем в успехе компании, они крайне легко меняли место работы. Нередко, проработав на одном месте в течение нескольких лет, они покидали одну компанию и устраивались в ту, в которой зарплата была на 10–20% выше. Чтобы противостоять этому исходу, французские компании в дополнение к обучению стремились прививать российским сотрудникам свою корпоративную культуру, отправляя на стажировки во Францию, а также частично финансируя там их отпуск. Для удобства сотрудников организованные для них компанией занятия французским языком проводились, как правило, непосредственно в офисе:

4) иное восприятие времени. Как правило, российские партнеры рассуждали в краткосрочной перспективе. Первое желание российского инвестора — иметь быстрый возврат инвестиций (от нескольких месяцев до двух лет для крупных проектов), потому что французы для них казались очень медлительными. В России для

¹¹ Ibid. P. 62.

¹² Bara G. Renault contribue au renouveau de l'industrie automobile. Construire les mondes de coopération durable avec la Russie // Les Cahiers de 100 Ways Institut. P. 67–70.

такого подхода были вполне понятные основания: если вы не знаете, чего можно ожидать от региональных властей и федерального правительства, то трудно планировать свою жизнь, свой бизнес;

5) то, что российские сотрудники на распоряжения французских менеджеров, как правило, находят возражения, что воспринимается как проявление лени. Объяснение было найдено довольно быстро: просто русские склонны искать смысл в своей деятельности, постоянно улучшать начатое дело;

б) необходимость информационной поддержки принятия управленческих решений, в том числе методами, привнесенными в бизнес из арсенала спецслужб. С большой осторожностью они начали привлекать бывших сотрудников КГБ. У последних оказалась еще одна неочевидная компетенция: они легко устанавливали контакты с местными властями и налаживали в их среде неформальные связи. Можно привести яркий пример: один из привлеченных таким образом сотрудников попросил отдельный кабинет с огромной во всю стену картой Российской Федерации, где он помечал флажками партнеров, конкурентов, центры влияния и т.д.

Остановимся подробнее на одном нововведении, которое в России, где культура управления проектом была развита слабо, приживалось с большим трудом. Речь идет о системе репортинга (reporting) — особом виде профессиональной коммуникации между рядовыми сотрудниками и руководством. На французских предприятиях несколько раз в неделю рабочий день начинается с часового группового обсуждения хода выполнения заданий. Все знают, кто над чем работает в данный момент. Руководство располагает всей необходимой информацией о состоянии рабочего процесса.

Репортинг работает, помимо всего, на высоко ценимый французами принцип “капитализации опыта”: сотрудник, в случае столкновения с проблемной ситуацией впервые, разрешает эту проблемную ситуацию, после чего создает документ, описывающий проблему и проверенный на опыте алгоритм ее решения, документ помещается в электронную базу данных компании. Таким образом, другой сотрудник, столкнувшийся с подобной проблемой, не должен тратить много времени на “изобретение колеса”, он просто читает соответствующий документ из электронной базы данных и оперативно решает проблему. Данная практика “капитализации опыта” во много раз повышает эффективность работы, так как не бывает компаний без специфичных проблем и взаимодействия культур — без разного восприятия одной конкретной ситуации.

Итак, подведем краткие итоги десятилетнего развития новых форм ведения бизнеса в России:

1. В 1990-е гг. число компаний с французским капиталом в России постоянно росло.

2. Освоение российским персоналом западных методов происходило, в первую очередь, в сфере промышленных технологий и офисного администрирования, а именно: в ведении личных дел, в управлении персоналом. В таких же областях, как выстраивание властной вертикали, принятие решений, подбор и оценка персонала, в большей степени проявлялись старые традиции советского управленческого опыта.

3. Иностранцы работали по правилам на российском рынке труда. В транснациональных корпорациях подбор персонала на руководящие должности, в том числе, должности директора или топ-менеджеров, был ориентирован на иностранцев, что вызывало у российских менеджеров боязнь блокирования карьеры.

4. Нанимаемые россияне становились все грамотнее и увереннее в себе, а ставить их на должности среднего звена менеджмента и специалистов западным компаниям было намного дешевле, чем привозить своих из Европы, поэтому компании, желающие не только привлечь талантливых сотрудников, но и удержать их у себя, начали корректировать свою политику в области занятости. В то время было достаточно пересмотреть заработную плату в сторону повышения, чтобы добиться большей лояльности сотрудника к компании. Такие компании, как Ашан начали предлагать “пожизненную карьеру”¹³.

5. Дефолт 1998 г. сильно осложнил ведение бизнеса, но большинство французских инвесторов сохранило свое присутствие на российском рынке, серьезно сократив при этом численность персонала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алябьева Е. Иностранцы о России: “Здесь много свинства”. 2014.20.05 // Official site TatCenter.ru. URL: <http://info.tatcenter.ru/print/136095> (Дата обращения: 17.02.2015) (*Alyab'yeva E.* Inostrantsy o Rossii: “Zdes' mnogo svinstva”. 20.05.2014 // Official site TatCenter.ru. URL: <http://info.tatcenter.ru/print/136095> (data obrashcheniya: 17.02.2015)).

Бунина В.Г. Кросс-культурный менеджмент и межкультурная коммуникация. М., 2008 (*Bunina V.G.* Kross-kul'turnyy menedzhment i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. M., 2008).

Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 2004 (*Ionin L.G.* Sotsiologiya kul'tury. M., 2004).

¹³ Из интервью с генеральным директором управления человеческими ресурсами сети “Ашан — Россия” Валери Маршадо (Valérie Marchadaud).

Лебедева Н. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1999 (*Lebedeva N. Vvedenie v etnicheskuyu i kross-kul'turnuyu psikhologiyu.* М., 1999).

Сумленный С., Денисова Д. Дорогой наш персонал. 2007.10.09 // Официальный сайт портала “ЭКСПЕРТ ONLINE”. URL: http://expert.ru/expert/2007/33/dorogoy_personal/ (дата обращения: 17.02.2015) (*Sumlenny S., Denisova D. Dorogoy nash personal. 10.09.2007 // Ofitsialniy sayt portala “EKSPERT ONLINE”. URL: http://expert.ru/expert/2007/33/dorogoy_personal/ (data obrashcheniya: 17.02.2015).*)

Bara G. Renault contribue au renouveau de l'industrie automobile. Construire les mondes de cooperation durable avec la Russie // Les Cahiers de 100 Ways Institut. P., 2008.

Fischer M., Dagmar de Riva D. Mars à la conquête de la Russie. Construire les mondes de cooperation durable avec la Russie // Les Cahiers de 100 Ways Institut. P., 2008.

Gruere J-P., Morel P. Cadres francais et communications interculturelles. P., 1991.

Hofstede G.H. Culture's consequences: comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations. L., 2001.

Laine S. Management de la difference — apprivoiser l'interculturel. P., 2004.

Mercier S. L'éthique dans les entreprises. P., 2014.

СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

С.В. Богданов, докт. ист. наук, проф. кафедры истории Белгородского государственного национального исследовательского университета*

Ю.С. Богданова, ассистент кафедры иностранного языка и межкультурной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета**

САМОУБИЙСТВА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ (1981–2011 гг.): ДИНАМИКА, ТЕНДЕНЦИИ, ОСОБЕННОСТИ

**S.V. Bogdanov,
J.S. Bogdanova**

SUICIDES IN THE UNITED KINGDOM (1981–2011): DYNAMICS, TRENDS, ESPECIALLY

Рассматривается динамика законченных самоубийств в Великобритании на протяжении 1981–2011 гг. Анализируется распределение самоубийств по полу, возрасту. Представлено географическое распределение суицидальной смертности населения Великобритании по регионам.

Ключевые слова: самоубийство, Великобритания, мужчины, женщины, возрастные группы.

The dynamics completed suicides in the UK over the years 1981–2011. Discusses the distribution of suicides by sex, age. The geographical distribution of suicide mortality of the UK population by region.

Key words: suicide, UK, men, women, age groups.

Изучение динамики, основных тенденций и особенностей смертности населения от самоубийств в различных странах мира — направление для российской суицидологии не новое. В то же время необходимо признать, что современных сравнительно-социологических исследований стало появляться значительно меньше, нежели это было в России конца XIX в. Достаточно вспомнить работы Н.В. Пономарева “Самоубийство в Западной Европе и в России в связи с развитием умопомешательства: статистическое исследование”¹, А.В. Лихачева “Самоубийство в Западной Европе и

* **Богданов Сергей Викторович**, e-mail: dr.bogdanov_sv@mail.ru

** **Богданова Юлия Сергеевна**, e-mail: jusolnechnaya@mail.ru

¹ *Пономарев Н.В.* Самоубийство в Западной Европе и в России в связи с развитием умопомешательства. СПб., 1880.

Европейской России: опыт сравнительно-исторического исследования”².

Между тем, необходимость в данных исследованиях существует и приносит ощутимую пользу при выявлении причин всплесков суицидальной активности среди различных возрастных, социальных групп населения не только на материалах страны с фактически “эталонной” статистикой насильственной смертности — Великобритании, но и в сравнении с российскими реалиями.

Данные обстоятельства и обусловили выбор предмета настоящего исследования.

Научная литература последних лет, посвященная различным аспектам смертности населения Великобритании от самоубийств, достаточно обширна и многообразна. Естественно, в рамках журнальной статьи осветить все многообразие научных направлений, дискуссионных проблем, вряд ли возможно. Поэтому, предваряя основную часть работы, попытаемся представить наиболее общие направления исследований британских специалистов по проблемам самоубийств в стране.

Наиболее массовую группу работ составляют исследования общего характера, в которых представлены основные сведения, тенденции, географическое распределение, причины колебаний уровня самоубийств в Великобритании³.

Суицидальная активность среди различных возрастных групп населения Великобритании на протяжении последних десятилетий также привлекает к себе внимание исследователей. Так, К. Виндфах, К. Кон рассматривают самоубийства среди несовершеннолетних и влияние социальной среды, обуславливающей их⁴. А. Шах,

² Лихачев А.В. Самоубийство в Западной Европе и Европейской России. СПб., 1882.

³ Pritchard C. New patterns of suicide by age and gender in the United Kingdom and the Western World 1974–1992: an indicator of social change? // *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*. 1996. Vol. 31. N 3/4. P. 227–234; Mellin C., Patel F. Suicide: a statistical analysis by age, sex and method // *Journal of Clinical Forensic Medicine*. 2005. Vol. 12. N 6. P. 305–309; Lester D., Cantor C.H., Leenaars A.A. Suicide in the United Kingdom and Ireland // *European psychiatry: the Journal of the Association of European Psychiatrists*. 1997. Vol. 12. N 6. P. 300–304; Kelly S., Bunting J. Trends in suicide in England and Wales 1982–1996 // *Describes Trends in Suicides by Gender, Age, Occupation and Method of Suicide Population Trends* // Office of Population Censuses and Surveys. 1998. Is. 92. P. 29–41; Krug E.G. et al. Suicide after natural disasters // *The New England Journal of Medicine*. 1998. Vol. 338. N 6. P. 373–378.

⁴ Windfuhr K. et al. Suicide in juveniles and adolescents in the United Kingdom // *Journal of Child Psychology and Psychiatry and Allied Disciplines: Official Organ of the Association of Child Psychology and Psychiatry*. 2008. Vol. 49. N 11. P. 1155–1165; Conn K. Allegations of school district liability for bullying, cyberbullying, and teen suicides after sexting: are new legal standards emerging in the courts? // *New England Journal on Criminal and Civil Confinement*. 2011. Vol. 37. N 2. P. 227–246.

М. Дэннис анализируют распространение данного вида насильственной смертности среди пожилых людей в Великобритании⁵.

Еще одна проблема, которая вызывает неизменный интерес британских специалистов, — особенности суицидальной активности среди городского и сельского населения, проживающего в различных частях Великобритании.

В статье К. Левина и А. Лейланда анализируется проблема территориальных диспропорций в распределении самоубийств среди населения, проживающего в городах и сельской местности Шотландии, на протяжении практически двух десятилетий (с начала 1980-х до конца 1990-х гг.)⁶.

С данной статьей в концептуальном плане смыкается исследование Т. Сендерсона, Р. Хэйнса, А. Лангфорда, в котором рассматривается распределение городских и сельских самоубийств, а также смертей населения от неточно обозначенных состояний⁷.

Самоубийства среди фермеров Англии и Уэльса получили освещение в работе К. Хоутона⁸.

Определенный интерес представляют исследования, выполненные в контексте социально-исторического анализа. Они, как правило, базируются на основательном статистическом материале, научной литературе, ставшей к настоящему времени уже библиографической редкостью⁹.

Например, А. Миллер реконструирует динамику смертности от самоубийств среди городского населения Северо-Запада Англии в 1870–1910 гг. В работе прослеживается взаимосвязь между различными социальными, морально-психологическими и религиозными факторами и суицидом¹⁰.

⁵ Shah A. Elderly suicide rates in the United Kingdom: trends from 1979 to 2002 // *Medicine, Science and the Law*. 2007. Vol. 47. N 1. P. 56–60; Dennis M.S. et al. Suicide in the elderly: the United Kingdom perspective // *International Psychogeriatrics*. IPA. 1995. Vol. 7. N 2. P. 263–274.

⁶ Levin K.A., Leyland A.H. Urban/rural inequalities in suicide in Scotland, 1981–1999 // *Social Science & Medicine*. 2005. Vol. 60. N 12. P. 2877–2890.

⁷ Saunderson T., Haynes R., Langford I.H. Urban-rural variations in suicides and undetermined deaths in England and Wales // *Journal of Public Health Medicine*. 1998. Vol. 20. N 3. P. 261–267.

⁸ Hawton K. et al. The geographical distribution of suicides in farmers in England and Wales // *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*. 1999. Vol. 34. N 3. P. 122–127.

⁹ Thomas K., Gunnell D. Suicide in England and Wales 1861–2007: a time-trends analysis // *International Journal of Epidemiology*. 2010. Vol. 39. N 6. P. 1464–1475.

¹⁰ Miller I. Representations of suicide in urban North-West England 1870–1910: the formative role of respectability, class, gender and morality // *Mortality*. 2010. Vol. 15. N 3. P. 191–204.

Определенный интерес представляет исследование К. Томаса, Е. Бича и Д. Ганнела, в котором они предпринимая попытку сравнить способы сведения счетов с жизнью, которые были использованы суицидентами в 1901–1907 и 2001–2007 гг.¹¹

Исследованию уровня имущественной дифференциации и влияния данного фактора на уровень смертности от самоубийств в США и Великобритании на протяжении 1956–1991 гг. посвящена статья Д. Макинтоша¹².

Анализ смертности от самоубийств среди различных маргинальных групп населения в последнее время привлекает внимание современных британских специалистов. Так, Х. Бикли рассматривает самоубийства среди бездомных, которые на протяжении последних двенадцати месяцев, предшествовавших факту самоубийства, находились под наблюдением психиатрических служб¹³.

В статье А. Шаха, Д. Линдсея, М. Дэнниса выявляются особенности самоубийств среди пожилых мигрантов, прибывших в Англию и Уэльс, в сравнении с особенностями самоубийств среди данных возрастных групп в странах их прежнего проживания¹⁴.

Тюремный контингент традиционно относился специалистами к наиболее суицидально уязвимым группам населения. Неслучайно интерес к данной проблеме продолжает сохранять свою актуальность. В качестве примера можно сослаться на работу С. Фейзела, в которой проанализировано более 800 случаев самоубийств среди заключенных 12 стран¹⁵.

Перейдем к рассмотрению ситуации со смертностью населения Великобритании от самоубийств за три последних десятилетия (1981–2011 гг.). Это позволит нам увидеть основные тенденции, динамику, половозрастное и географическое распределение законченных самоубийств по девяти регионам страны.

¹¹ Thomas K.H., Beech E., Gunnell D. Changes in commonly used methods of suicide in England and Wales from 1901–1907 to 2001–2007 // Journal of Affective Disorders. 2013. Vol. 144. N 3. P. 235–239.

¹² McIntosh J.L. Income inequality and suicide in the United States and the United Kingdom, 1956–1991 // Back to the Future, Refocusing the Image of Suicide, 2000 // American Association of Suicidology. Los Angeles, 2000.

¹³ Bickley H. et al. Suicide in the homeless within 12 months of contact with mental health services // Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology. 2006. Vol. 41. N 9. P. 686–691.

¹⁴ Shah A., Lindsay J., Dennis M. Comparison of elderly suicide rates among migrants in England and Wales with their country of origin // International Journal of Geriatric Psychiatry. 2009. Vol. 24. N 3. P. 292–299.

¹⁵ Fazel S. et al. Prison suicide in 12 countries: an ecological study of 861 suicides during 2003–2007 // Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology. 2011. Vol. 46. N 3. P. 191–195.

Основным источником информации стали сведения Департамента национальной статистики Великобритании, опубликованные в 2013 г.¹⁶

Необходимое замечание: в Великобритании в общее количество самоубийств включаются только самоубийства, совершенные гражданами в возрасте от 15 лет и старше.

На рис. 1 представлено общее количество погибших от самоубийств Великобритании в 1981–2011 гг.

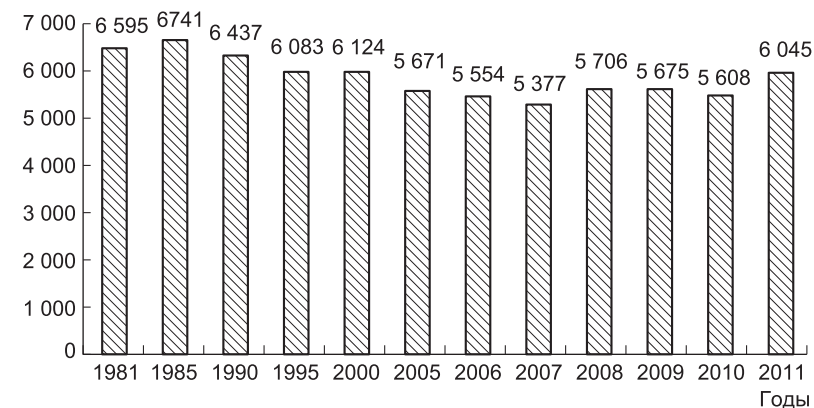

Рис. 1. Общее количество погибших от самоубийств обоюбого пола в Великобритании (1981–2011 гг.)

Итак, динамика смертности населения Великобритании от самоубийств позволяет обратить внимание на следующие особенности:

1) за период 1981–2011 гг. Великобритания по причине самоубийств потеряла 189 377 человек;

2) наибольшее количество погибших от данной причины было зафиксировано в 1988 г. — 6867 человек, наименьшее — в 2007 г. — 5377 человек;

3) на протяжении анализируемых трех десятилетий не наблюдалось плавной годовой динамики повышения или снижения числа самоубийств; динамика самоубийств скорее характеризуется “скачкообразностью”.

Остановимся подробнее на особенностях суицидальной активности среди мужчин и женщин в Великобритании в 1981–2011 гг. На рис. 2 представлена динамика уровня самоубийств в расчете на 100 000 человек населения среди мужчин и женщин.

¹⁶ Suicides in the United Kingdom, 2011. Statistical Bulletin // Office for National Statistics. L., 2013.

Рис. 2. Уровень самоубийств среди мужчин и женщин в Великобритании в расчете на 100 000 человек населения (1981–2011 гг.)

В 1981 г. 4129 мужчин в Великобритании закончили жизнь самоубийством. Стандартизированный по возрасту коэффициент смертности среди мужчин составил 19,8 смертей на 100 000 человек населения. Спустя три десятилетия, в 2011 г. количество самоубийств несколько увеличилось в сравнении с 1981 г. — 4552 случая. Однако в пересчете на 100 000 человек населения этот показатель снизился до 18,2 смертей.

Анализ общей динамики развития суицидальной смертности среди населения Великобритании не позволяет говорить о последовательном снижении в течение этого периода. Скорее наблюдались колебания как в сторону снижения, так и увеличения уровня суицидальной смертности среди мужской половины британского общества.

На протяжении 1980-х гг. уровень самоубийств среди мужчин-британцев постепенно рос и достиг своего максимума в 1988 г. — 21,9 смертей на 100 000 населения. В последующие годы, между 1988 и 2010 гг., уровень самоубийств среди мужчин имел тенденцию к снижению. Хотя в отдельные годы внутри данного временного отрезка (в 1998 и 1999 гг.) отмечались более высокие показатели.

Однако после десяти лет, когда британская статистика фиксировала неуклонное снижение уровня самоубийств среди мужчин (исключение составил только 2008 г.), темпы роста суицидальной смертности увеличились с 17,0 человек на 100 000 человек населения в 2010 г. до 18,2 в 2011 г. Это оказался самый высокий уровень смертности среди мужчин от самоубийств в Великобритании с 2002 г.

В 1981 г. общее количество женщин, покончивших жизнь самоубийством в Великобритании, составило 2466 человек. Таким образом, стандартизированный коэффициент смертности от суицида

среди британок достиг отметки 10,4 смертей на 100 000 человек населения. Это оказался самый высокий показатель за три рассматриваемых десятилетия. В 2011 г. количество женщин, покончивших жизнь самоубийством, снизилось до 1493 человек, что составило 5,6 смертей на 100 000 человек населения. Однако как и среди мужчин, среди женщин также не наблюдалось последовательного, год от года, снижения уровня самоубийств.

Итак, уровень самоубийств среди британок был подвержен следующим колебаниям. В период с 1981 по 1994 гг. уровень самоубийств неуклонно снижался — с 10,4 до 6,1 смертей на 100 000 человек населения. С 1994 по 2004 гг. данный коэффициент оставался относительно стабильным. После этого суицидальная активность среди женщин продолжала снижаться и достигла своей нижней отметки за весь анализируемый период — 5,0 самоубийств на 100 000 человек населения. Это произошло в 2007 г. После этого начался постепенный рост уровня женских самоубийств в Великобритании. Правда, из наметившейся тенденции выпал 2009 г., когда уровень женских самоубийств составил 5,6 смертей на 100 000 человек. Но уже в 2011 г. этот показатель оказался значительно выше показателя 2007 г.

Детализировать ситуацию с самоубийствами в Великобритании необходимо при помощи анализа распространенности данного вида насильственной смерти среди различных возрастных групп населения страны.

В табл. 1 содержатся сведения о возрастных коэффициентах самоубийств в Великобритании за период 1981–2011 гг.

В 2010–2011 гг. уровень самоубийств среди мужской части населения Великобритании увеличился в каждой возрастной группе. Исключение составили только мужчины в возрасте 75 лет и старше. Однако если обратиться к периоду 2001–2011 гг., то можно обнаружить очень противоречивые тенденции в различных возрастных группах британцев.

Единственной возрастной группой среди мужчин, которая на протяжении данного десятилетия демонстрировала постоянно сохраняющийся более высокий уровень суицидальной активности в сравнении с другими возрастными группами, оказались мужчины в возрасте от 30 до 44 лет. Так, в 2001 г. коэффициент смертности от самоубийств в этой группе был зафиксирован на уровне 23,4 погибших в расчете на 100 000 человек населения. За истекшие 11 лет уровень самоубийств среди этой возрастной группы существенно не изменился. В 2011 г. этот показатель составил 23,5 смертей на 100 000 человек населения.

**Возрастные коэффициенты самоубийств по пятилетним возрастным группам
в Великобритании (1981–2011 гг.)**

Год \ Возраст	15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	50–54	55–59	60–64	65–69	70–74	75–79	80–84	85 и старше
1981	4,8	9,6	12,4	12,5	13,7	16,5	17,5	19,4	19,8	18,7	18,4	19,4	19,4	19,4	16,9
1982	3,9	9,3	12,4	12,8	13,3	15,4	18,1	18,0	19,9	17,5	18,5	19,3	18,8	18,8	16,6
1983	4,1	8,8	11,3	12,1	14,0	15,9	17,1	17,5	18,2	18,3	18,2	18,2	19,3	19,3	16,0
1984	4,3	8,7	11,5	12,6	14,0	15,9	17,4	18,1	18,6	17,7	16,5	18,4	19,1	19,1	13,3
1985	4,7	10,2	11,7	13,9	13,8	16,3	18,3	18,2	18,8	19,0	19,4	18,3	19,9	19,9	14,1
1986	5,2	11,0	12,0	13,6	13,5	14,8	16,0	18,2	16,4	18,2	17,7	18,7	20,5	20,5	14,4
1987	6,1	11,9	11,9	14,0	13,6	14,5	16,2	15,2	16,0	16,8	15,9	15,6	15,3	15,3	16,2
1988	6,9	13,9	12,9	15,5	16,5	15,7	15,4	15,9	15,8	15,5	15,5	17,3	20,0	20,0	16,9
1989	6,3	12,7	13,5	13,9	14,0	13,8	14,5	15,0	15,6	12,8	12,9	12,4	16,5	16,5	15,4
1990	5,8	14,3	15,5	14,0	15,5	15,1	16,3	14,5	14,1	12,6	14,1	13,6	14,0	14,0	15,4
1991	6,5	13,4	14,5	15,4	15,7	15,8	16,8	14,8	12,9	11,9	11,3	11,5	13,2	13,2	14,9
1992	6,0	14,4	15,5	14,3	15,4	16,0	16,0	14,6	13,4	12,9	11,4	13,1	12,5	12,5	12,4

Продолжение табл. 1

Год \ Возраст	15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	50–54	55–59	60–64	65–69	70–74	75–79	80–84	85 и старше
1993	6,0	15,3	15,0	14,0	14,6	16,3	15,3	13,9	13,8	10,3	11,8	10,2	12,4	12,4	14,7
1994	5,6	14,4	15,8	15,5	13,5	14,8	12,9	13,5	11,5	11,5	10,9	10,5	12,5	12,5	16,4
1995	5,7	13,8	15,6	14,7	15,1	17,3	13,3	13,9	12,4	10,7	10,0	9,3	12,2	12,2	13,1
1996	6,0	13,1	15,1	16,2	13,6	15,0	14,0	12,0	11,6	8,8	9,4	11,2	10,6	10,6	13,7
1997	6,3	14,7	15,3	14,8	14,1	13,8	14,6	12,4	11,3	9,7	9,2	9,5	9,8	9,8	12,6
1998	7,0	15,7	18,0	18,2	15,4	15,2	15,1	12,7	12,1	9,8	10,7	8,9	10,4	10,4	11,4
1999	6,6	13,7	16,4	16,9	16,2	15,1	14,3	12,8	11,9	10,4	10,4	10,0	11,2	11,2	13,5
2000	6,7	14,2	16,5	15,3	16,0	14,6	15,0	12,9	11,9	9,2	9,3	9,7	9,7	9,7	13,4
2001	6,3	12,1	13,9	15,4	15,0	14,5	14,9	13,2	12,2	10,0	8,6	9,6	10,2	10,2	12,1
2002	5,7	11,3	15,6	15,4	15,2	14,5	14,1	12,8	11,4	9,1	9,3	8,4	8,1	8,1	12,2
2003	4,7	11,7	12,9	15,3	15,3	14,8	13,9	12,9	11,1	9,5	8,1	8,6	10,0	10,0	11,3
2004	5,3	10,3	12,3	14,2	16,0	14,9	14,6	13,8	11,3	9,3	9,6	8,4	9,9	9,9	13,8

Год	Возраст	Возраст														
		15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	50–54	55–59	60–64	65–69	70–74	75–79	80–84	85 и старше
2005		4,8	9,9	11,2	14,2	14,9	14,7	14,9	13,6	11,3	10,2	8,3	7,7	7,1	7,1	12,2
2006		4,5	9,1	11,0	13,0	14,6	14,3	14,3	14,0	12,3	10,7	8,3	7,2	7,8	7,8	9,4
2007		4,6	8,8	10,3	13,8	14,2	13,7	13,3	12,7	11,5	9,5	8,4	6,9	8,1	8,5	8,5
2008		4,8	9,4	12,0	14,0	14,6	15,7	13,9	13,8	11,9	9,4	8,0	7,5	7,4	7,4	7,6
2009		4,5	9,1	12,5	11,5	15,4	15,7	14,3	13,7	12,6	9,1	7,5	6,9	7,7	8,4	8,4
2010		4,2	9,9	9,6	12,2	13,9	15,0	14,4	14,0	12,6	10,1	7,1	7,5	7,7	8,6	8,6
2011		4,9	9,9	11,1	12,5	15,4	16,7	15,4	15,7	12,4	9,7	7,6	7,9	7,7	9,1	9,1

Еще одна возрастная группа среди мужчин Великобритании, которая в последнее время все чаще вызывает озабоченность среди медицинской, научной общественности, государственных управленцев, это мужчины в возрасте от 45 до 59 лет. В обоснованности данной тревоги убеждает и национальная статистика смертности в Великобритании последних десятилетий. С 2007 г. уровень самоубийств среди мужчин в возрасте от 45 до 59 лет значительно увеличился и к 2011 г. темпы его роста оказались столь же высокими, как темпы роста числа самоубийств среди британцев 30–44-летнего возраста. Ретроспективный анализ показывает, что в возрастной категории от 45 до 59 лет уровень самоубийств, зафиксированный в 2011 г., оказался самым высоким с 1986 г.

Неслучайно в последней стратегии профилактики самоубийств в Англии, разработанной Департаментом здравоохранения в 2012 г., мужчины среднего возраста отнесены к категории повышенного суицидального риска.

Анализ социального и экономического положения мужчин среднего возраста, совершивших самоубийство в Великобритании, свидетельствует об их принадлежности к гражданам с невысоким уровнем доходов. К этому добавляется еще целая комбинация факторов — от социально-культурных изменений последних десятилетий до большей самостоятельности женщин.

Уровень самоубийств у пожилых мужчин (лиц в возрасте 75 лет и старше) продемонстрировал противоположную тенденцию в сравнении с уровнем суицидальной смертности среди мужчин среднего возраста. Темпы роста смертности от самоубийств среди мужчин от 75 лет и старше в период 2004–2011 гг. неуклонно снижались. Более того, данная возрастная группа оказалась единственной группой среди мужчин Великобритании, в которой в 2010–2011 гг. произошло заметное сокращение уровня самоубийств: с 14,8 самоубийств на 100 000 человек населения в 2010 г. до 13,8 в 2011 г.

Согласно исследованию британского специалиста А. Шаха, доля пожилых людей в составе населения в 1979–2002 гг. росла из-за снижения рождаемости и увеличения продолжительности жизни, а уровень самоубийств увеличивается с возрастом. Показатели самоубийств были выше у мужчин, чем у женщин обеих возрастных групп (65–74 лет, от 75 лет и старше). У мужчин уровень самоубийств был выше в возрастной группе 75 лет и старше, чем в возрастной группе от 65 до 74 лет¹⁷.

Уровень самоубийств в самой молодой возрастной группе британских мужчин (от 15 до 29 лет) значительно сократился в 2001–2006 гг.

¹⁷ Shah A. Op. cit. P. 56–60.

и не смотря на некоторые колебания в отдельные годы существенных изменений не претерпел — 13,3 смертей на 100 000 человек населения в 2011 г. Кроме того, уровень суицидальной активности среди мужчин младшей возрастной группы по-прежнему является относительно низким в сравнении с аналогичным показателем среди мужчин среднего возраста.

Рассмотрим, как развивалась ситуация с самоубийствами среди женщин Великобритании.

Статистика свидетельствует, что самый высокий уровень самоубийств среди женщин был отмечен в возрастной группе от 45 до 59 лет, а самый низкий — среди британских женщин в возрасте от 15 до 29 лет. За 2010–2011 гг. темпы роста уровня смертности от самоубийств среди жительниц Британских островов увеличились во всех возрастных группах, за исключением 60–74-летних. Среди представительниц данной возрастной группы, напротив, наблюдалось небольшое снижение этого показателя.

Исторически сложилось так, что уровень самоубийств среди женщин среднего возраста и пожилых (лиц в возрасте 45 лет и старше) был немного выше, нежели у молодых британок. Статистика показывает, что уровень суицидальной активности британских женщин среднего и пожилого возрастов резко сократился в 1980 — начале 1990-х гг. Число самоубийств женщин в возрасте 60–74 года продолжало сокращаться, а в других возрастных группах с конца 1990-х гг. — постепенно увеличивалось.

С 2001 по 2004 г. уровень самоубийств среди женщин в возрасте 75 лет и старше оставался относительно стабильным, хотя и отмечались его отдельные годовые колебания. В 2004–2007 гг. динамика прироста числа самоубийств значительно снизилась и осталась относительно стабильной (4,8 самоубийств в расчете на 100 000 человек населения в 2011 г.).

С 2003 г. среди женщин в возрасте от 45 до 59 лет фиксировался самый высокий уровень самоубийств в сравнении с другими возрастными группами. Уровень самоубийств в данной возрастной группе имел тенденцию к незначительному росту в период между 2001 и 2005 гг., а в последующем, в 2005–2009 гг., — немного снизился. Однако в 2010–2011 гг. вновь наблюдался некоторый рост. В 2011 г. уровень самоубийств среди женщин этой возрастной группы достигли 7,3 смерти на 100 000 человек населения. Этот показатель оказался самым высоким с 2006 г.

В 2011 г. второй по величине уровень самоубийств был зарегистрирован среди женщин в возрасте от 30 до 44 лет. За период с 2006 г. по 2011 г. уровень самоубийств совершил своеобразный скачок: от рекордно низкого показателя в 5,3 самоубийства в расчете

на 100 000 человек населения в 2006 г. до 6,4 смертей на 100 000 человек населения в 2011 г.

Несмотря на то что в самой молодой возрастной группе британских женщин — от 15 до 29 лет — были зафиксированы самые низкие показатели смертности от самоубийств, тем не менее, в ней наблюдалась одна довольно тревожная тенденция. Речь идет о темпах увеличения коэффициента самоубийств в расчете на 100 000 человек населения. Если 2007 г. он составил 2,9 смертей, то в 2011 г. — 4,2 случая.

Уже с конца XIX столетия национальная статистика Великобритании активно собирает сведения о географическом распределении самоубийств по регионам и городам страны. Это чрезвычайно ценная и подробная информация.

Ниже представлены сведения о распределении самоубийств по регионам Великобритании среди мужчин и женщин в 1981 и 2011 гг. (табл. 2)

Анализ территориального распределения самоубийств в Великобритании позволяет обратить внимание на следующее.

В 2011 г. в Англии было зафиксировано 4509 случаев самоубийств среди населения в возрасте от 15 лет и старше. Между 2010–2011 гг. стандартизированный по возрасту коэффициент смертности от самоубийств увеличился на 6% — с 9,8 до 10,4 случаев на 100 000 человек населения.

В Уэльсе было зарегистрировано 341 самоубийство среди жителей региона в возрасте от 15 лет и старше. Среди суицидентов оказалось 270 мужчин и 71 женщина. В 2010–2011 гг. уровень самоубийств в данном регионе имел тенденцию к увеличению — на 30%: от минимального значения 10,7 смертей на 100 000 человек населения в 2009 г. до 13,9 летальных исходов в расчете на 100 000 человек населения. Это оказался самый высокий уровень самоубийств, который наблюдался в Уэльсе с 2004 г.

Рост суицидальной активности отмечался как среди мужчин, так и среди женщин. Так, в период с 1981 по 1990 гг. уровни самоубийств среди мужчин в Англии и Уэльсе были практически одинаковыми, но с 1991 г. Уэльс стал опережать Англию по темпам роста данного показателя. В 2011 г. уровень самоубийств среди мужчин в Уэльсе оказался на 28% выше, нежели в Англии.

Среди женщин наблюдалась противоположная картина. В период 1981–1996 гг. уровень женских самоубийств в Уэльсе был постоянно ниже, чем в Англии.

Что касается остальных регионов Великобритании, то там в последние годы наблюдалась следующая ситуация.

Самоубийства среди мужчин и женщин в регионах Великобритании в 1981 и 2011 гг.

Регион	1981 г.				2011 г.			
	Мужчины		Женщины		Мужчины		Женщины	
	Всего	На 100 000	Всего	На 100 000	Всего	На 100 000	Всего	На 100 000
Северо-Восточная Англия	204	20,9	116	10,7	218	21,5	55	4,7
Северо-Западная Англия	510	20,0	345	11,4	525	18,9	148	5,0
Йоркшир и Хамбер	324	17,9	202	9,7	359	17,0	104	4,7
Восточный Мидленд	223	15,3	136	8,5	281	15,6	84	4,4
Западный Мидленд	329	17,3	174	8,0	324	14,4	106	4,6
Восточная Англия	328	18,1	189	9,2	364	15,9	119	4,8
Большой Лондон	607	23,3	378	12,8	427	13,2	156	4,7
Юго-Восточная Англия	494	18,2	323	10,5	525	15,1	198	5,4
Юго-Западная Англия	357	21,3	201	10,2	392	18,6	124	5,5

В 2011 г. Национальной службой статистики Великобритании самый высокий уровень самоубийств был зафиксирован в Северо-Восточной Англии (12,9 смертей на 100 000 человек населения), а самый низкий — в Большом Лондоне (8,9 смертей на 100 000 человек населения).

В целом, в 2010–2011 гг. уровень самоубийств имел тенденцию к понижению в двух регионах — Западный Мидленд и Большой Лондон и увеличению в семи регионах — Юго-Западная Англия, Юго-Восточная Англия, Северо-Западная Англия, Восточная Англия, Восточный Мидленд, Северо-Восточная Англия, Йоркшир и Хамбер. При этом наибольший рост наблюдался в Йоркшире и Хамбере, где уровень самоубийств среди населения увеличился в 2011 г. на 21%.

С 2002 по 2011 гг. самый высокий уровень самоубийств среди мужчин, как правило, оказывался в Северо-Восточной и Северо-Западной Англии и самый низкий — в Большом Лондоне и в Восточной Англии. Самый высокий уровень самоубийств среди женщин в этот же период чаще всего фиксировался в Северо-Западной и Юго-Западной Англии, а самый низкий — в Йоркшире и Хамбере, в Западном Мидленде.

Итак, подытоживая сказанное выше, необходимо акцентировать внимание на следующем.

На протяжении последних лет в Великобритании наблюдается рост смертности населения от самоубийств. Увеличение происходит как в абсолютных, так и в относительных показателях. В 2011 г. в стране лицами в возрасте от 15 лет и старше было совершено 6045 самоубийств. Это на 437 смертей больше, чем в предыдущем году. В 2010–2011 гг. увеличился также и уровень законченных самоубийств. При выявлении причин наблюдаемого роста суицидальной активности в стране многие специалисты приходят к выводу, что это стало следствием серьезного экономического и социального кризиса в стране. Социальный фон экономического кризиса — это неуверенность в своем будущем, рост безработицы, снижение доходов, злоупотребление алкоголем, психоактивными препаратами.

Анализ распределения самоубийств среди мужчин и женщин показывает, что традиционно мужской суицид преобладает над женским в общей структуре законченных самоубийств.

В целом, исследованные проблемы дают нам еще одно неоспоримое подтверждение социальной природы самоубийств, которые имеют тенденцию к увеличению в периоды рецессий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Лихачев А.В. Самоубийство в Западной Европе и Европейской России: опыт сравнит.-стат. исслед. А.В. Лихачева. СПб., 1882 (*Lihachev A.V.* Samoubijstvo v Zapadnoj Evrope i Evropejskoj Rossii: opyt sravnit.-stat. issled. A.V. Lihacheva. SPb., 1882).

Пономарев Н.В. Самоубийство в Западной Европе и в России в связи с развитием умопомешательства: стат. исслед. Н.В. Пономарева. СПб., 1880 (*Ponomarev N.V.* Samoubijstvo v Zapadnoj Evrope i v Rossii v svjazi s razvitiem umopomeshatel'stva: stat. issled. N.V. Ponomareva. SPb., 1880).

Bickley H. et al. Suicide in the homeless within 12 months of contact with mental health services // *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*. 2006. Vol. 41. N 9. P. 686–691.

Conn K. Allegations of school district liability for bullying, cyberbullying, and teen suicides after sexting: are new legal standards emerging in the courts? // *New England Journal on Criminal and Civil Confinement*. 2011. Vol. 37. N 2. P. 227–246.

Dennis M.S. et al. Suicide in the elderly: the United Kingdom perspective // *International Psychogeriatrics*. IPA. 1995. Vol. 7. N 2. P. 263–274.

Fazel S. et al. Prison suicide in 12 countries: an ecological study of 861 suicides during 2003–2007 // *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*. 2011. Vol. 46. N 3. P. 191–195.

Hawton K. et al. The geographical distribution of suicides in farmers in England and Wales // *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*. 1999. Vol. 34. N 3. P. 122–127.

Kelly S., Bunting J. Trends in suicide in England and Wales 1982–1996 // *Describes Trends in Suicides by Gender, Age, Occupation and Method of Suicide Population Trends* // Office of Population Censuses and Surveys. 1998. Is. 92. P. 29–41.

Krug E.G. et al. Suicide after natural disasters // *The New England Journal of Medicine*. 1998. Vol. 338. N 6. P. 373–378.

Lester D., Cantor C.H., Leenaars A.A. Suicide in the United Kingdom and Ireland // *European Psychiatry: the Journal of the Association of European Psychiatrists*. 1997. Vol. 12. N 6. P. 300–304.

Levin K.A., Leyland A.H. Urban/rural inequalities in suicide in Scotland, 1981–1999 // *Social Science & Medicine*. 2005. Vol. 60. N 12. P. 2877–2890.

McIntosh J.L. Income inequality and suicide in the United States and the United Kingdom, 1956–1991 // *Back to the Future, Refocusing the Image of Suicide, 2000* // American Association of Suicidology. Los Angeles, 2000.

Mellin C., Patel F. Suicide: a statistical analysis by age, sex and method // *Journal of Clinical Forensic Medicine*. 2005. Vol. 12. N 6. P. 305–309.

Miller I. Representations of suicide in urban North-West England 1870–1910: the formative role of respectability, class, gender and morality // *Mortality*. 2010. Vol. 15. N 3. P. 191–204.

Pritchard C. New patterns of suicide by age and gender in the United Kingdom and the Western World 1974–1992; an indicator of social change? // *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*. 1996. Vol. 31. N 3/4. P. 227–234.

Saunderson T., Haynes R., Langford I.H. Urban-rural variations in suicides and undetermined deaths in England and Wales // *Journal of Public Health Medicine*. 1998. Vol. 20. N 3. P. 261–267.

Shah A. Elderly suicide rates in the United Kingdom: trends from 1979 to 2002 // *Medicine, Science and the Law*. 2007. Vol. 47. N 1. P. 56–60.

Shah A., Lindesay J., Dennis M. Comparison of elderly suicide rates among migrants in England and Wales with their country of origin // *International Journal of Geriatric Psychiatry*. 2009. Vol. 24. N 3. P. 292–299.

Suicides in the United Kingdom, 2011. Statistical Bulletin // Office for National Statistics. L., 2013.

Thomas K., Gunnell D. Suicide in England and Wales 1861–2007: a time-trends analysis // *International Journal of Epidemiology*. 2010. Vol. 39. N 6. P. 1464–1475.

Thomas K.H., Beech E., Gunnell D. Changes in commonly used methods of suicide in England and Wales from 1901–1907 to 2001–2007 // *Journal of Affective Disorders*. 2013. Vol. 144. N 3. P. 235–239.

Windfuhr K. et al. Suicide in juveniles and adolescents in the United Kingdom // *Journal of Child Psychology and Psychiatry and Allied Disciplines: Official Organ of the Association of Child Psychology and Psychiatry*. 2008. Vol. 49. N 11. P. 1155–1165.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Н. Кривокапич, магистр, помощник преподавателя философского факультета Черногорского университета, г. Никшич (Черногория)*

ДЕМОКРАТИЯ, ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ТРАНЗИЦИЯ

N. Krivokapich

DEMOCRACY, DEMOCRATIZATION AND TRANSITION

В данной работе рассматриваются процессы демократии, демократизации и транзисии как феномены, обозначившие мировую политическую сцену XX и XXI вв. Особое внимание уделяется критике демократии и возможности ее применения в отдельных современных обществах.

Ключевые слова: демократия, демократизация, транзисия, представительная демократия.

This paper explores the processes of democracy, democratization and transition as the phenomena that characterize world's political scene of the XX and XXI century. Special attention is given to criticism of democracy and the possibilities of its implementation in some modern societies.

Key words: democracy, democratization, transition, representative democracy.

Изучение феномена демократии показывает, что демократия это не только состояние, но и постоянный процесс, в ходе развития которого она меняется, и может переживать как прогресс, так и регресс. Процесс, обеспечивающий демократии прогресс, т.е. процесс, которым она вводится в определенное сообщество или осуществляется в нем, в науке обозначен как демократизация. Если мы рассматриваем демократию как народовластие, то ее суть можно реализовать только институционализацией власти этого народа, точнее — его большинства, что подразумевает реализацию прав и свобод каждого гражданина, как в отношении управления общественной и политической жизнью общества, в котором он живет, так и управления своей частной жизнью. Следовательно, демократизация была бы, считает Кристиан Вельцель, “процессом, посредством которого это достигается”¹.

* **Кривокапич Наташа** (Nataša Krivokapić), e-mail: natashak@t-com.me

¹ Welzel C. Theories of democratization // Welzel C. Democratization / Ed. by Haerpfer. Oxford, 2009. P. 74–90.

Разные авторы дают различные определения процессу демократизации. Определение часто зависит от того, как сам автор определяет понятие демократии, точнее, какие характеристики демократии преобладают в его определении. Так и Чарльз Тилли понимает процесс демократизации в соответствии со своим определением демократии: “Демократизация означает взаимосвязанное движение к более всесторонней, более равноправной и в большей мере обязательной консультативности”². Как процесс, который весьма динамичен и длится уже с 1850 г., демократизация, по его мнению, никогда не может быть полной³.

Ей всегда угрожает риск отмены, т.е. дедемократизации, которая означает процесс, полностью противоположный демократизации.

Являясь сообществом демократической направленности, Евро-союз выступает за то, чтобы как теоретически, так и эмпирически с помощью четких показателей изучать и объяснять все элементы, необходимые для установления и поддержания демократии в обществе. К этой цели стремятся и всемирные организации, такие как, например Межпарламентский союз⁴, который в одном из своих исследований, посвященных демократии, рассматривает феномен демократизации как процесс, состоящий из ряда элементов развития, характерных для менее развитых обществ, приоритетом которых является экономическое развитие и демократия. Демократизация благодаря системе необходимых институтов и механизмов ведет такие общества к формированию более открытого, менее авторитарного общества с более широким кругом участников, представляя «“переходную фазу” власти от недемократической к различным новым формам разделения власти, управления и общественной ответственности в новых режимах»⁵.

В результате анализа толкований процесса демократизации можно выделить несколько различных видений данного явления. Вельцель, в частности, указывает на три определения демократизации, которые могут, по сути, рассматриваться и как три ее аспекта.

² Tilly C. Democracy. N.Y.; Cambridge, 2007. P. 14.

³ Ч. Тилли в своей книге “Democracy” 2007 г. дает грубую хронологию демократизации в разных странах мира. И так, по Ч. Тилли, в 1850–1899 гг. демократизация проходила в Западной Европе и Латинской Америке, в 1900–1959 — в Западной Европе, Америке, Австралии, Новой Зеландии и Японии, в 1950–1979 гг. — в Южной Европе, Латинской Америке, при ряде режимов в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также в Египете, Марокко и Замбии, в 1979–2005 — в Латинской Америке, Восточной Европе, Азиатско-Тихоокеанском регионе и десятке африканских стран.

⁴ Interparliamentary Union. Democracy its principles and achievement. Geneva, 1998.

⁵ Bassiouni C. Toward universal declaration on the basic principles of democracy: from principles to realization // Interparliamentary Union... P. 1–21.

В первом определении демократизация понимается как внедрение демократии в недемократические режимы, во втором — как углубление качеств демократии в существующих демократиях, а в третьем — как выживание демократии. Указанные определения могут на самом деле рассматриваться как различные уровни демократии в стране, начиная с ее появления, продолжая упрочением и, наконец, завершая борьбой за сохранение уже установленного демократического строя. Аналогичное мнение разделяет и Сэмюэль Хантингтон, считающий, что в процессе демократизации “заканчивается недемократический режим, провозглашается демократический, а затем закрепляется демократическая система”⁶.

Процесс демократизации вообще понимается как непрерывный переход или переход от одного к другому уровню или аспекту демократии. Когда речь идет о волнах демократизации, Хантингтон понимает их собственно как процессы транзисии, которые переводят недемократические режимы в демократические⁷. Все три волны демократизации были обусловлены различными факторами. Что касается третьей волны демократизации, начавшейся в 1974 г. и продолжающейся до настоящего времени, то оказывается, что в ее создании большую роль играли и внешние, и внутренние факторы. Принимая во внимание предшествующие военные, экономические и другие характеристики новых демократических стран, к наиболее важным факторам, которые с различной интенсивностью влияли на изменение общественной системы, следует отнести уровень экономического развития, внешние факторы, точнее влияние правительств и институтов за пределами страны, эффект домино или эффект демонстрации, с помощью которого успешность демократизации в одной стране способствует демократизации в других странах. В дополнение к этим факторам, внутренние процессы в стране, касающиеся взаимоотношений между правящими или оппозиционными группами, оказываются, как замечает Хантингтон, важным двигателем демократизации в современную эпоху. Вид отношений между правительством и оппозицией, существующий в процессе перехода той или иной недемократической страны к демократическому режиму, обуславливает определенный тип переходного процесса. Хантингтон выделяет три таких про-

⁶ *Hanington S.P.* Treći talas. Podgorica, 2004. С. 15.

⁷ Хантингтон в указанной выше работе говорит о трех волнах демократизации и двух реверсивных волнах. Схема волн и реверсии следующая: первая волна демократизации — 1828–1926 гг., первая реверсивная волна — 1922–1942 гг., вторая волна демократизации — 1943–1962 гг., вторая реверсивная волна — 1958–1975 гг., третья волна демократизации началась в 1974 г. и продолжается до сего дня.

цесса: трансформацию, смену и переговоры. “Трансформация [...] возникает, когда правящие элиты лидируют в создании демократии”⁸. В таком случае элита, т.е. действующая власть, представляет собой более сильную политическую группировку, которая инициирует и реализует изменение авторитарного режима в демократический. В отличие от трансформации смена — это такой вид перехода к демократии, в котором ключевую роль играют силы оппозиции, которые в этом случае в политическом смысле сильнее находящиеся у власти. Оппозиция осуществляет смену режима, свержает действующую власть, которая противится изменению системы, и устанавливает демократию. Транзисия путем переговоров подразумевает демократизацию страны, которая осуществляется благодаря переговорам между правительством и оппозицией.

Опыт показывает, однако, что очень трудно говорить о полной демократической транзисии. Примеры отдельных стран показывают, что транзисия может длиться очень долго, и что несмотря на многие системные изменения эти страны тем не менее не могут считаться полноценными демократиями. Одним из заблуждений таких систем является убеждение, что либерализация в отдельных сферах общественной и политической жизни, например в сфере медиа, политических свобод и т.д., является достаточной для установления демократии. Хотя либерализация необходима в демократическом обществе, ее следует отличать от процесса демократизации как более масштабного. Демократизация предполагает политическую конкуренцию и право на участие, или “открытую конкурентную борьбу за власть, что, в свою очередь, означает свободные и справедливые выборы”⁹, а также консенсус между политическими деятелями относительно демократических институтов для создания демократического режима. Эти требования к демократизации являются неперемными условиями полной транзисии, которая заканчивается “когда достигается достаточный уровень согласия по поводу политических действий с целью избрания определенного правительства, когда правительство приходит к власти непосредственно на основании свободных и честных выборов, когда такое правительство имеет реальную власть, чтобы начать проводить новую политику, и когда исполнительная, законодательная и судебная власть, созданные новой демократией, не должны де-юре делить власть с другими органами”¹⁰.

⁸ *Hanington S.P.* Op. cit. С. 95.

⁹ *Linc H., Stepan A.* Demokratska tranzicija i konsolidacija. Beograd, 1998. С. 16.

¹⁰ *Ibid.* С. 15.

Критика демократии

Политические события XX и XXI вв. выявили превосходство демократических и либеральных идей по сравнению с остальными политическими и организационными решениями. Демократия оказалась системой, не имеющей альтернативы, системой, которая обеспечивает государствам стабильность и упорядоченность, системой с четкими правилами, гарантирующей уважение и безопасность всем гражданам в равной мере. Преобладание этого вида устройства в мировом масштабе подтверждает оправданность многовековой веры в демократию как хорошую модель общества, к которому человечество возвращается в третий раз. Более двух тысячелетий демократия выживает как один из наиболее желательных социальных проектов, реализация которого связана с обществами процветания, порядка, мира, терпимости. Тем не менее, хотя демократия является преобладающей концепцией современного общества, в кругах теоретиков к ней относятся недоверчиво, выражая сомнения в эффективности ее идейных решений, правильности ее принципов. В реальности, если обратиться к истории, демократия постоянно подвергалась критике и отвергалась даже у своих истоков, в Древней Греции и Риме, когда Аристотель оценивал ее как худшую форму правления. Многие критики демократии не были полностью уверены в ее ценности и не верили в устойчивость такой системы, указывая на множество недостатков и проблем концепции демократии.

Недостаток, который чаще всего связывают с самим понятием демократии, и который, несомненно, чаще всего упоминается, заключается в отсутствии четкого определения того, кто есть народ. Не только в греческих полисах, где рабы не считались гражданами, но и в первых демократических странах новой эры демократия вначале не распространялась на определенные группы людей, например на женщин, негров, аборигенов и т.д. Исключение этих групп оправдывалось формулировкой, что “к демосу относится каждый, кто *допущен* к участию в структуре власти”¹¹. В демократических странах XXI в. этот недостаток исправлен, кое-где — не слишком давно, как, например, в Швейцарии, где женщины только в 1971 г. получили право голоса.

Демократия содержит в себе и определенные противоречия, а одно из них вытекает из фундаментальных характеристик демократии. Речь идет о равенстве. В условиях демократии все граждане равны и имеют равные права. Однако практика показывает, что

абсолютное соблюдение этого принципа невозможно и что бывают ситуации, в которых демократия не обеспечивает равноправия. К примеру, в процессе принятия решений большинство и меньшинство не рассматриваются равноправно. Демократия всем обеспечивает право голоса, однако, большинство, обладающее эффективной властью, при голосовании за то или иное решение, всегда одержит победу над меньшинством. Тем самым большинство навязывает свою волю тем, кто является меньшинством. “То, что выглядит как эгалитаризм, на практике, в конце концов, приводит к диктатуре”¹². Равные возможности при голосовании приводят к неравенству результатов и господству одной воли над другой, что считается тиранией большинства. Демократия защищается от тирании большинства правовой системой, но она, как считает Харисон, в то же время ставит под сомнение главный принцип, заложенный в основу демократии, а именно принятие решений большинством, что ограничивает демократию как таковую. По Фрэнку Канингаму, большинство, таким образом, располагает неограниченной властью. “Большинство освобождается от обвинений в тирании только в случаях, когда вытеснение меньшинства является очевидно оправданным”¹³, когда большинство охраняет закон, т.е. когда в качестве меньшинства фигурируют мошенники, правонарушители, убийцы и т.п.

С точки зрения Арэнды Лейпхарта, принятие решений большинством, на котором основана демократия, может в свою очередь привести к диктатуре большинства и раздорам среди граждан. Это особенно касается неоднородных и плюралистических обществ, в которых интересы меньшинств существенно различаются. В таких обществах власть большинства не является демократической, “поскольку меньшинствам постоянно отказывают в доступе к власти; они могут почувствовать себя обойденными и дискриминированными и перестать быть лояльными режиму”¹⁴. Поэтому Лейпхарт выступает за более подходящую и справедливую модель принятия решений, а именно модель консенсуса с участием всех групп, которая максимизирует размер правящей группы путем пропорционального представительства меньшинств.

Невозможность достижения идеальной, истинно всенародной демократии привела в современную эпоху к созданию модели, адаптированной к современным социальным условиям, модели представительной демократии. Эта модель делает возможным ак-

¹¹ Dal R. *Demokratija i njeni krtitičari*. Podgorica, 1999. С. 60.

¹² Harison R. *Demokratija*. Beograd, 2004. С. 225–226.

¹³ Kanningam F. *Teorije demokratije*. Beograd, 2003. С. 28.

¹⁴ Lajphart A. *Modeli demokratije*. Podgorica, 2003. С. 96.

тивное участие всех граждан во власти путем различных механизмов. Благодаря активному участию граждан большую легитимность приобретают власть и ее решения. Тем не менее, на практике снова имеет место расхождение с формальными требованиями демократической системы. На практике граждане недостаточно включены в деятельность местного или национального уровня. Форумы и публичные обсуждения, объединения граждан, неправительственные организации указывают на апатичность большинства граждан, участие которых во власти сводится только к участию в выборах. Таким образом, невозможно установить полный контроль над деятельностью политических партий и законодательных органов.

В то же время, говоря о слабости демократии, теоретики постоянно возвращаются к вопросу о компетентности самих граждан, точнее, их недостаточной осведомленности в общественно-политических событиях, и иррациональности в тех немногих ситуациях, когда они могут повлиять на принятие решений. Предполагается, что более информированный гражданин может внести большой вклад в успех демократии, тогда как неосведомленные граждане препятствуют демократии и обеспечивают благоприятные условия для доминирования правящей элиты. Но что значит — быть информированным гражданином? Защитники демократии считают, что у каждого гражданина есть достаточно возможностей для осуществления политической власти, но трудно утверждать, что в условиях сложности современного общества и сами руководители государств или правительств полностью в курсе всех событий в стране. По их мнению, как указывает Брюс Гилли¹⁵, граждане в значительной мере представляют себе, что происходит в их среде и по соседству, опираются на мнения экспертов и политических лидеров в отдельных областях, получая, тем самым, достаточно информации, чтобы предложить ту или иную идею, решение или делегировать представителя, хотя они в действительности не слишком хорошо знают конституцию и законы своего государства.

Замечания в адрес действующих демократий, тем более представительного вида демократии, часто касаются эффективности, точнее неэффективности работы демократических правительств. Критике подвергаются результаты, которых добилось то или иное правительство в сравнении с намеченными целями, т.е. нередко избранные представители правительства не выполняют обещаний, которые они дали гражданам во время предвыборной кампании, и

¹⁵ Gilley B. Is democracy possible // Journal of Democracy. 2009. Jan. Vol. 20. N 1. P. 113–127.

то, что они мало занимаются проблемами граждан за исключением периода предвыборных кампаний. Утверждение, что правительство “неэффективно, когда оно не принимает или не может предпринять соответствующих мер, чтобы выполнить задачи общества, которым оно управляет”¹⁶, ставит под сомнение саму суть демократии и возможность достижения ее основных целей, а именно ее устойчивость. “Правительство, которое не правит *на благо* народа, не должно быть правительством народа”¹⁷.

Возникает вопрос, кто же тогда правит в условиях демократии? Может быть это большинство, представители которого пришли к власти после выборов или же это правящее меньшинство, которое захватило власть, или же и те, и другие? Для Клода Лефора¹⁸ демократия немногим отличается от тоталитаризма, так как скрывает доминирование одного класса и эксплуатацию другого. Власть находится не в руках народа, а в руках избранных представителей, которые на самом деле демагоги, готовые применить авторитарные меры во имя демократии. По мнению Канингама, теория демократии должна была бы больше заниматься повышением эффективности условий выборов в целях более эффективного правления, так как эмпирические сведения показывают, что во многих демократических странах есть люди, исключенные из политической жизни на основании принадлежности к полу, классу и т.д., что в их правительствах “преобладают мужчины среднего возраста, представители среднего и высшего классов, господствующей расы, защищающие свои собственные интересы, исключая другие группы”¹⁹. Тезис, что демократические правительства все меньше учитывают интересы большинства, поддерживает и Роберт Рейх, который также ссылается на результаты эмпирических исследований, показывающих, что американцы все больше теряют доверие к демократии, потому что понимают, что демократические правительства управляют государством в соответствии со своими собственными интересами. По его мнению, все большая потеря доверия связана с развитием суперкапитализма, который повышает роль денег, особенно поступающих от крупных компаний. Триумф крупного капитала и экономики привел к более интенсивной конкурентной борьбе крупных фирм за потребителей и инвесторов. “Это соперничество перенесено в сферу политики, так как корпорации стремятся завоевать первенство в конкурентной борьбе, используя пуб-

¹⁶ Kaningam F. Teorije demokratije. Beograd, 2003. С. 40.

¹⁷ Gilley B. Op. cit. P. 113–127.

¹⁸ Lefor K. Izumevanje demokratije. Filip Višnjić. Beograd, 2003.

¹⁹ Kaningam F. Teorije demokratije. Filip Višnjić. Beograd, 2003. С. 46.

личную политику”²⁰. Так, крупный капитал проник в политику, чтобы завоевать “симпатии” избранных представителей, конгресса, судов, прессы и т.д. в целях реализации своих экономических интересов. Крупные корпорации поэтому выступают за успех той политики, которая может обеспечить им за это лучшее место на рынке и преимущество над соперниками.

Критика демократии часто относится и к снижению культурного уровня в результате правления большинства, которое невежественно и недостаточно образовано, а также к утрате коллективных ценностей, т.е. потере смысла самого сообщества в результате развития индивидуализма и либералистской глорификации индивида и т.д. Критика демократии может быть сведена по существу к двум группам проблем демократии, считает Гилли, ссылаясь на разделение, выполненное Дэйвидом Спицем²¹, — проблемы желательности и проблемы устойчивости демократии. Снижение желательности основано на личной неудовлетворенности граждан достигнутыми демократическими результатами, при этом правые критикуют упадок нравов и захват имущества, а левые — репрессии в отношении женщин, нищету, т.е. уровень защиты чьего-то частного имущества. Для Гилли этот вид критики основан на реальности, но все же в нынешних демократиях указанные недостатки находятся в рамках “допустимых” границ, в отличие от недостатков, относящихся к устойчивости демократии. Речь идет о том, что критики устойчивости демократии считают, что демократия не может сохранить свой идеал, на основании которого граждане в политическом смысле равноправны и могут общими силами осуществлять контроль над политическим влиянием. Они исходят из того, что демократия основана на большом обмане и обещаниях, которые невыполнимы. Правые критики указывают при этом на неготовность и неспособность граждан взять на себя тяжкое бремя самоуправления и превратить свои личные интересы в публичную политику, тогда как левые сосредоточили свое внимание на различиях в использовании власти и ресурсов, которые идут на пользу элите и ее интересам²².

Критика демократии как явления и политико-экономической концепции ведется для того, чтобы указать на многие слабости демократии как идеи и реализации. Любая форма организации общества, а, следовательно, и демократия имеет определенные отрицательные свойства, сталкивается с проблемами в применении,

стремясь исправить их по ходу дела. Критика демократии, как и другая критика, включает в себя положительное измерение, так как благодаря ей становятся заметны все недостатки, которые необходимо откорректировать, а также проблемы, которые следует решить. Несмотря на свою многовековую концепцию, демократия в современном обществе проявляет исключительную устойчивость и в изменившихся общественных условиях, что является полем, на котором могут проявиться ее отдельные характеристики, до сих пор недостаточно выявленные, и могут стать более заметными ее, быть может, менее различимые сложности, что открывает возможности для более всестороннего изучения и постижения ее сущности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Bassiouni C.* Toward universal declaration on the basic principles of democracy: from principles to realization // Interparliamentary Union. Democracy Its Principles and Achievement. Geneva, 1998. P. 1–21.
- Dal R.* Demokratija i njeni krtičari. Podgorica, 1999.
- Gilley B.* Is democracy possible // Journal of Democracy. 2009. Jan. Vol. 20. N 1. P. 113–127.
- Hantington S.P.* Treći talas. Podgorica, 2004.
- Harison R.* Demokratija. Beograd, 2004.
- Interparliamentary Union. Democracy: its principles and achievement. Geneva, 1998.
- Kaninagam F.* Teorije demokratije. Beograd, 2003.
- Lajphart A.* Modeli demokratije. Podgorica, 2003.
- Lefor K.* Izumevanje demokratije. Beograd, 2003.
- Linc H., Stepan A.* Demokratska tranzicija i konsolidacija. Beograd, 1998.
- Reich R.* Supercapitalism. N.Y.; Toronto, 2007.
- Tilly C.* Democracy. N.Y.; Cambridge, 2007.
- Welzel C.* Theories of democratization // Welzel C. Democratization / Ed. by Haerpfer. Oxford, 2009. P. 74–90.

	Демократия несостоятельна из-за...	Демократия нежелательна , поскольку порождает...	Поэтому ее следует заменить...
Левые критики утверждают	Пропаганды, различий во власти, социальной изоляции, контроля повестки дня	Репрессии, неравенство, вестернизацию	Властью массовых партий, властью рабочих, непосредственной властью граждан
Правые критики утверждают	Ограниченности граждан, незнания гражданами общих проблем	Нестабильность, власть масс, неэффективность	Рынком, экспертами (контролерами), свободными объединениями, пропорциональными выборами

²⁰ Reich R. Supercapitalism. N.Y.; Toronto, 2007. P. 131.

²¹ Гилли использует здесь работу: Spitz D. Patterns of anti-democratic thought. N.Y., 1949.

²² В работе 1949 г. Спиз приводит таблицу, в которой представляет критику демократии:

РЕЦЕНЗИИ

Н.В. Карпова, канд. социол. наук, доц. кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

НЕБОЛЬШИЕ ЗАМЕТКИ О ЗНАЧИМОЙ ПРОБЛЕМЕ. РЕЦЕНЗИЯ НА РАБОТУ “РУКОВОДСТВО ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ: ГОСУДАРСТВА, ГРАЖДАНСКИЕ ОБЩЕСТВА И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ”¹

N.V. Karpova

SUMMARY POINTS OF SIGNIFICANT ISSUE. REVIEW OF THE BOOK “THE HANDBOOK OF POLITICAL SOCIOLOGY: STATES, CIVIL SOCIETIES AND GLOBALISATION”

В материале представлена рецензия на англоязычную работу западных исследователей “Руководство по политической социологии: государство, гражданские общества и глобализация” (под редакцией Т. Яноски, Р. Алфорда, А. Хикса, М.А. Шварца).

Ключевые слова: политическая наука, политическая социология, предмет политической социологии, гражданское общество, государство.

The material presents a review of the book of the western researchers in its original language: “The handbook of political sociology: states, civil societies and globalisation” (ed. by T. Janoski, R. Alford, A. Hicks, M.A. Schwartz).

Key words: political science, political sociology, subject of political sociology, civic society, state.

В 1999 г. вышла в свет широко известная в политологическом сообществе нашей страны фундаментальная работа “Политическая наука: новые направления” под редакцией Р. Гудина и Х.-Д. Клинге-манна, в российском издании — под научной редакцией Е.Б. Шестопал. Авторами данного труда стали звезды первой величины политической науки США и Западной Европы, которые задумали его “как размышление о современном состоянии политологии и направлении ее развития в начале следующего столетия”². По мне-

нию Е.Б. Шестопал, чью позицию мы бесспорно разделяем, работу “Новые направления...” было бы правильнее назвать *энциклопедией*, которая “не только дает представление о современной политической науке, какой она стала за последнюю четверть века, но и намечает пути ее дальнейшего развития”³. На самом деле эта замечательная работа фактически представляет нечто большее: фактически она объясняет вековой путь развития современной политической науки на ее двух основных этапах.

Первый этап — это период научной, “поведенческой революции” (20–70-е гг. XX в.). Как известно, его содержанием стала прежде всего смена исследовательской парадигмы политического знания, поиск “всеобъемлющей” *научной* политической теории, объективных законов развития политического знания, качественная переориентация в методологии исследования, а также формирование профессионально ориентированного научного сообщества. Между тем жестких “всеобъемлющих законов” политической науки в границах данного периода найдено не было, поскольку истины политической науки по своей природе все-таки остаются неизбежно “в высшей степени вероятностными”. На этом этапе развития политической науки была поставлена под сомнение идея о существовании единой, непрерывно развивающейся научной дисциплины, предмет которой трактовался бы учеными схожим образом. Однако в это же время возникли новые направления знания (субдисциплины) с приставкой политическая — психология, антропология, культурология, социология, а также, например, сравнительная политология, качественно изменился методологический и методический инструментарий исследования политической науки.

Второй этап развития современной политической науки — постповеденческий, постбихевиористский (иногда его называют еще и постэмпирическим), с известными изменениями продолжающийся до наших дней. Он возникает в контексте полемики его представителей с проявлением “максимализма” поведенческой революции и ее конкретными результатами. Основным его смыслом стал плюрализм во всем: в понимании предмета политической науки, ее структуры, методов исследования, в концепциях политической компаративистики и т.д. Этот этап был отмечен относительно быстрой сменой и одновременно параллельным существованием в подходах к исследованию политической науки теорий рационального выбора, нового институционализма. В это время в политической компаративистике также происходит переход от концепций “глобалистского духа сравнительной политологии”, ставящих задачу

* Карпова Наталья Владимировна, e-mail: karpova-nat@yandex.ru

¹ The handbook of political sociology: states, civil societies and globalisation / Ed. by T. Janoski, R. Alford, A. Hicks, M.A. Schwartz. Cambridge, 2005 (Перевод работы на русский, данный в заголовке, наш. — Н.К.).

² Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клинге-манна, Е.Б. Шестопал. М., 1999. С. 19.

³ Там же. С. 9.

“охватывать и сравнивать политические системы любого типа”, к теориям среднего или низкого уровня абстракций, при которых “решающим фактором становились особенности контекста”, случая.

В обобщенном виде эту мысль хорошо выразил один из авторов “Новых направлений...” М. Доган. Политическая наука, подчеркивал он, останется «творческой отраслью знания лишь в том случае, если сохранит такую же открытость в будущем. На самом деле эта наука не имеет иного выбора, поскольку она генетически запрограммирована на то, чтобы представители отпочковавшихся от нее отраслей второго поколения говорили между собой на разных языках и, по выражению Алмонда, сидели “за разными столиками, стоящими далеко друг от друга”. Эти столики далеки потому, что расположены в пограничных (выделено нами. — Н.К.) с другими дисциплинами зонах огромного пространства, которое еще не освоено политической наукой»⁴.

Политическая социология как раз и занимает одну из таких “пограничных зон” — между политологией (политической наукой) и социологией. Хотя она существует сравнительно давно, но ее институализация в качестве учебной и научной дисциплины, как отмечает тот же М. Доган, происходит только в 50-е гг. прошлого столетия, вызвав вполне объективные сложности в определении ее объекта, предмета, структуры и границ со смежными областями знания. Именно с этой точки зрения вызывает интерес рецензируемая нами работа “Руководство по политической социологии: государства, гражданские общества и глобализация”, которая по сути созвучна “Новым направлениям...”, но только в преломлении к проблемам становления политической социологии.

Хотя данный труд был опубликован в 2005 г., но по своему содержанию он вполне может рассматриваться не только как учебник, но и как справочное пособие по проблемам становления современной политической социологии, расширения ее объектного поля, новым тенденциям в ее развитии. В этом, главным образом, и сохраняется его актуальность. В основу подготовки “Руководства...” легли идеи двух важных научных конференций по проблемам развития политической социологии, проведенных в США на рубеже веков при поддержке Американской социологической ассоциации. Это конференции “Видения политической социологии” (1998) и “Вызовы теориям политической социологии” (2001).

Авторы издания поставили перед собой задачу интеграции и обобщения комплекса теорий и направлений, существующих в системе

современного политико-социологического знания, что, по их мнению, предполагало решение ряда конкретных задач. Во-первых, это подведение по сути разрозненных теорий и исследований, разработанных в области политической социологии, под некую общую, “четкую и всеохватывающую концептуальную основу”. Во-вторых, обобщение и систематизация новых направлений в политической социологии, при определении ее в то же время как “фрагментированной системы знания”. В-третьих, консолидация предметной области политической социологии в духе интерпретации этой проблемы С. Липсетом и признание гражданского общества в качестве одного из ключевых аспектов социальной основы современного государства. И, в-четвертых, инкорпорирование в предметное поле политической социологии теории глобализации, получающей все большее распространение⁵.

В значительной степени исследовательские установки определили структуру рецензируемой работы. В первом разделе — “Теории политической социологии” — анализируются конкретные научные направления, сложившиеся в политической социологии к началу XXI в. Авторы включают сюда как уже устоявшиеся и соперничающие между собой теории неоплюрализма, неофункционализма, неоинституционализма, теорию конфликта, так и набирающие, по их мнению, все большую силу новые направления — теорию рационального выбора, постмодернистские концепции, феминистические и расовые теории. Авторы приходят к выводу, что в начале нынешнего столетия у политической социологии существует два основных вызова: 1) сдвиг в сторону “культурного аспекта” в политико-социологических исследованиях и 2) широкое применение (адаптация) теории рационального выбора⁶.

Во втором разделе учебника — “Гражданское общество: основания и процесс политического действия” — рассматриваются вопросы, которые мы бы отнесли к проявлению социальных механизмов власти и влияния, политическим взаимодействиям между гражданским обществом и властью, что собственно и составляет “ядро” политической социологии. Главы этой части работы по своим названиям и содержанию отражают следующую проблематику: политическое участие и электоральное поведение; общественное мнение, политические установки и идеология; социальные основы и организация политических партий; организованные группы интересов и политические сети; корпоративизм, власть корпораций,

⁴ Там же. С. 141.

⁵ The handbook of political sociology: states, civil societies and globalisation. P. 3–4.

⁶ Ibid. P. 7–11.

корпоративный контроль; социальные движения и социальные изменения; политическая социология новостных СМИ⁷. Причем, в обосновании рассматриваемых проблем авторы используют наработки по схожей проблематике, имеющиеся как непосредственно в системе социологического знания, так и в политической науке.

Третий раздел — “Государство и его проявления” — посвящен описанию института государства как субъекта реализации политической власти. Включение этой большой темы в структуру политической социологии создатели учебника обосновывают тем, что “хотя власть и рассеяна по всему обществу и может проявляться в различных социальных отношениях”, государство остается центральным институтом “консолидации и осуществления власти”. На государство оказывают влияние “структуры гражданского общества, но в то же время оно сохраняет определенный уровень автономии, выступая самостоятельным актором” во взаимодействии со своим взаимообусловленным оппонентом — гражданским обществом⁸. В структуру этого раздела “Руководства...” авторы включают следующие главы: “Формирование государства и государственное строительство в Европе”, “Демократические транзиты; революции и революционные движения”; “Теории и практики неокорпоративизма”, “Недемократическая политика в XX веке и за его пределами” (посвящена авторитарным политическим системам. — *Прим. Н.К.*), “Бюрократия как субъект политических отношений и государственного управления”.

Четвертый раздел рецензируемой работы — “Государственная политика и инновации” — ориентирован на исследование результатов политики с точки зрения социальных изменений, справедливости, перераспределения ресурсов и ограничения свобод. Отсюда установка на решение проблем двух уровней: во-первых, анализ проблем изменений политических курсов в сторону государства благоденствия, защиты прав меньшинств, величины вмешательства в экономику и т.д. и, во-вторых, исследование трансформаций политических режимов — транзитные процессы, революции, войны. Главы этой части носят названия: “Сравнительно-исторический анализ публичной политики и общества всеобщего благоденствия”, “Женщины и гендер в политике государства”, «Политика “расовой политики”», “Война, милитаризм и государства: прозрения и слепые пятна политической социологии”.

⁷ Ibid. P. 201–364.

⁸ Ibid. P. 29.

В последней, пятой части учебника — “Глобализация и политическая социология” — наряду с самим процессом глобализации исследуются международные системы (империализм, неокOLONИализм, транснациональные корпорации, глобальный капитализм, процессы миграции и др.).

Общее представление о структуре рецензируемого пособия по политической социологии позволяет высказать несколько дискуссионных соображений, касающихся как самого труда, так и тех проблем, которые стоят и перед отечественной политической социологией, находящейся в поисках своего места в системе дисциплин политологического цикла. Даже по структуре работы видно, что авторам трудно удастся решение задачи подведения различных теорий, существующих в системе современного политико-социологического знания “под четкую и всеохватывающую концептуальную основу”. И, по сути, представление о политической социологии как о некоей предельно “фрагментированной системе знаний” только усиливается. Это, например, особо проявляется при внимательном осмыслении структуры отдельных разделов. Так, в разделе “Гражданское общество: основания и процесс политического действия” в качестве субъектов политического взаимодействия между институтами гражданского общества и государства авторами выделяются группы интересов, политические партии, социальные движения. Однако не рассматриваются такие субъекты как политические элиты, бюрократия (анализируются в другом разделе), которые хотя и являются политическими институтами, но все-таки частично формируемыми гражданским обществом, гражданами через институт политического представительства. И в этом отношении, конечно же, для политической социологии они выступают *средствами социального действия* и поэтому подлежат исследованию именно в таком контексте. Ведь по существу политическая социология исследует властный механизм в полном цикле его формирования и функционирования именно со стороны гражданского общества. Данная постановка вопроса указывает на то, что политическая социология должна в полном объеме исследовать и формы социально-политических изменений — политический конфликт, политический кризис, реформы и революции. Они также либо только предполагаются, либо рассматриваются в разных разделах учебника без конкретной предметной завязки.

В целом же рецензируемое пособие представляет очень большой интерес как с точки зрения его содержания, поскольку оно действительно может служить “справочным изданием”, так и с позиции обобщения опыта подготовки подобных работ учебно-методического порядка.

Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингеманна, Е.Б. Шестопаля. М., 1999 (Politicheskaja nauka: novye napravlenija / Pod red. R. Gudina, H.-D. Klingemanna, E.B. Shestopal. M., 1999).

The Handbook of political sociology: states, civil societies and globalisation / Ed. by T. Janoski, R. Alford, A. Hicks, M.A. Schwartz. Cambridge, 2005

СЛОВО МОЛОДОМУ УЧЕНОМУ

А.А. Родионов, асп. кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

РОЛЬ ПРОТЕСТАНТИЗМА В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

A.A. Rodionov

THE ROLE OF PROTESTANTISM IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN SOCIETY

В статье рассматривается влияние протестантских общин в России на социально-экономическое развитие страны. Выделены периоды развития протестантизма в России, а также приведены конкретные примеры из жизни протестантов в России.

Ключевые слова: протестантизм, межконфессиональное взаимодействие, благотворительность, социальное служение, социально-экономическое развитие.

This article examines the impact of Protestant communities in Russia on the socioeconomic development of the country. Periods of Protestantism in Russia are defined, and specific examples from the life of Protestants in Russia are given.

Key words: Protestantism, interfaith cooperation, charity, social service, social and economic development.

В научной, в том числе социологической литературе, посвященной анализу социальной функции религии в обществе, обращается внимание на значительный потенциал протестантизма, который может оказывать влияние на общественное развитие. Рассматриваемую тематику разрабатывали многие зарубежные авторы, среди них и классики социологии, такие как М. Вебер, Э. Дюркгейм и др. В данной же работе мы будем обращаться в большей степени к трудам отечественных исследователей, таких как В.И. Гараджа, Т.К. Никольская, А.П. Керзум, Ю.В. Иванов, В.Д. Бадалян, С.П. Скифигов, Н.М. Астырев, О.Ю. Гончаров и др., что обусловлено темой работы.

В процессе обращения к теме протестантизма, мы будем опираться на принципы социокультурного анализа, сформулирован-

* Родионов Александр Алексеевич, e-mail: roda.alex@mail.ru

ные Н.Н. Лапиным¹. Эти принципы позволяют рассматривать протестантизм, как социальный институт, с присущими ему признаками и функциями, и как социокультурное явление, выраженное в ценностном ядре протестантизма, которое может выступать основой социального взаимодействия на личностном, групповом и институциональном уровнях.

Исторический опыт показывает, что религиозные чувства и ценности находили воплощение в обеспечении относительно устойчивых социальных связей и отношений в обществе, определенной организации социальной деятельности с помощью социальных ролей, социальных норм и санкций, выполняя роль социального института.

Протестантизм в России появился практически сразу же после Реформации. В XVI в. появляются первые общины: в 1570-х гг. в Москве была построена Лютеранская церковь². В то время протестантами являлись в основном иностранцы, проживавшие на территории России. В конце XVII — начале XVIII в. это было связано с решением Петра I о привлечении в страну иностранных специалистов.

Екатерина Великая, привлекая к освоению новых земель крестьян-переселенцев из Польши и Пруссии, исповедующих лютеранство, содействовала укреплению положения протестантов. В соответствии с указами Екатерины II от 1787 и 1789 г. переселенцам предоставлялась земля на вновь осваиваемых территориях Малороссии, Таврической губернии, Поволжья, а также ряд существенных социально-экономических льгот и привилегий, в частности освобождение от воинской службы.

Представляет интерес динамика социального состава протестантских общин. При Петре I протестантизм в России — это в основном иностранные специалисты, при Екатерине II — крестьяне, а в XIX — начале XX вв. среди активных протестантских деятелей были уже не только земледельцы, но и выходцы из военных и светских аристократических слоев и др. Социально-экономическая деятельность протестантских общин была сосредоточена в области земледелия, ремесла и производства.

¹ См.: Добрынина В.И., Кухтевич Т.Н. Социокультурный подход как базисное основание современных социальных технологий // Социально-технологическая культура как феномен XXI века: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Белгород, 29–31 мая 2006 г.). М., 2006. С. 34–37.

² Алленов А.Н. Евангелиско-Лютеранская церковь на тамбовщине // Протестантизм в современной России. Вклад в развитие общества, религии, истории и культуры. Мат-лы всероссийск. науч.-практич. конф., посвященной 495-летию Реформации. Пермь, 2012. С. 37.

С течением времени протестанты стали значимым элементом социальной структуры российского общества, однако, являясь частью общества, они не сливались с ним, сохраняя свои обычаи, нормы, ценности и образ жизни. При этом важнейшим каналом взаимодействия протестантов с представителями других социальных групп как в прошлом, так и в наше время были и есть их социально-экономическая деятельность, а также социальное служение, благотворительность, на основании которой они активно взаимодействовали как с представителями различных религий и конфессий, так и со светскими организациями, и с органами государственной власти.

Н.В. Варадинов пишет об активном участии протестантов-переселенцев XVIII в. в интенсивном развитии сельского хозяйства, ремесла и промышленности. Быстрыми темпами развивалось животноводство, протестанты организовали сыроваренное производство, завезли в Россию улучшенные породы меринских овец и т.д.³ Вскоре после их приезда в Россию здесь появились мастерские по изготовлению инвентаря, позже превратившиеся в заводы. Таким образом, можно утверждать, что протестанты активно участвовали в развитии сельского хозяйства и предпринимательства в Российской империи. По мере укрепления роли протестантских общин в российском обществе расширялась и их благотворительная деятельность среди населения страны. Отметим также, что в середине XIX в. государственная казна в виде податей получала с колонистов более миллиона рублей в год⁴.

После царского “Манифеста об укреплении начал веротерпимости” от 17 апреля 1905 г., который менял характер взаимоотношений между государством и “инакомыслящими”, не принадлежавшими к Православной Церкви, многие протестантские общины активно включились в социальную работу на территории страны. В это время, взаимодействуя с органами власти, выросшие численно и укрепившие свое финансовое положение в стране адвентисты в одном из своих документов, адресованных директору Департамента духовных дел, утверждали следующее: “Русская Унион-Конференция поставила себе задачей помогать в своем районе каждому нуждающемуся в помощи как телесно, так и духовно. Для этой цели учреждаются школы, лечебные заведения, приюты для престарелых и сирот. Попечение о бедных состоит, между прочим, в том, что в первую субботу каждого месяца производится сбор подаяний. В случае неурожая или голода, как на Волге в текущем году, Русская Унион-Конференция отправляет денежные суммы на места,

³ См.: Варадинов Н.В. История МВД. СПб., 1863. Кн. 1. Ч. 2.

⁴ Немцы в России: Историко-документальное издание. СПб., 2004. С. 2–4.

которые там затем распределяются между нуждающимися”⁵. В октябре 1907 г. на Всероссийском съезде адвентисты постановили построить адвентистскую школу, «в которой молодые люди могли бы получать образование “для блага человечества”»⁶. Проектируемая школа была рассчитана на 100 воспитанников. Кроме Библии изучались гуманитарные науки, русский язык, а также основы земледелия, садоводства, элементарная медицина, ремесла и различные местные (инородческие) языки. Школа должна была находиться вдали от больших городов.

Стремясь к активному участию в нуждах людей, 14 февраля 1908 г. в Оренбурге протестанты зарегистрировали Дамское благотворительное общество евангелическо-лютеранского прихода. Оно провозглашало своей целью оказание помощи нуждающимся. С этой целью общество выдавало единовременные или ежемесячные пособия лицам, попавшим в трудные жизненные ситуации, вносило плату за обучение детей из бедных семей, причем не только лютеран, но и представителей других конфессий⁷. Кроме того, общество перечисляло деньги оренбургской тюрьме на нужды заключенных, поддерживало местные приюты и благотворительные организации. В основном финансы привлекались посредством членских взносов, розыгрышей благотворительных лотерей и др.⁸ Для оказания социальной помощи нуждающимся в 1914 г. в Саратове протестанты открыли завод по выпуску продуктов питания. Вот как об этом пишет руководитель протестантской общины того времени Г. Лебсак: «Братья решили начать дело с большой кофейной фабрики. Из учредительного фонда было взято 5000 рублей. Был основан Торговый Дом под именем фирмы “Exelsior”. Кроме того, наши беженцы и другие бедные собратья могли облегчить свое существование продажей кофе»⁹. Эта небольшая фабрика успешно работала до конца 1917 г. Помимо открытия фабрики в планах общины было открытие школ, санаториев, типографий, но этим планам не суждено было сбыться в связи с известными изменениями в политической жизни страны¹⁰.

⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 1035. Л. 56.

⁶ Бондарь С. Д. Адвентизм седьмого дня. СПб., 1911. С. 95.

⁷ Устав Дамского благотворительного общества евангелическо-лютеранского прихода в г. Оренбурге. Оренбург, 1908. С. 3.

⁸ Оренбургская газета. 1908. 21 ноября; Оренбургская газета. 1908. 23 ноября; Оренбургская газета. 1913. 1 июня; и др.

⁹ Лебсак Г. Великое Адвентистское движение и адвентисты седьмого дня в России // Кавказская союзная миссия Церкви христиан-адвентистов седьмого дня. М., 2006. С. 290.

¹⁰ Там же. С. 291.

После событий 1917 г. многие предприятия, принадлежащие протестантам, были разрушены, а вскоре и им самим пришлось уйти в подполье. После прихода к власти большевиков согласно Декрету Совета народных комиссаров РСФСР “Об отделении церкви от государства и школы от церкви” (1918 г.) все религиозные благотворительные организации были запрещены. Однако к 1919 г. появляются некоторые послабления.

Весной 1919 г., получив разрешение представителей советской власти, Средне-Российская конференция адвентистов создает детскую трудовую колонию “Пенаты” при станции Половцево Новохоперского уезда Воронежской губернии, на что получает одобрение Совета защиты детей Комиссариата народного просвещения г. Москвы от 2 мая 1919 г. за № 1045. В колонии дети в возрасте от 7 до 15 лет получили возможность укрепить свое здоровье, питаясь на пожертвования местных протестантов¹¹.

В период Гражданской войны протестанты активно занимались благотворительной деятельностью среди населения. В 1921 г. при содействии руководителя адвентистов Д. Исаака была создана благотворительная организация по оказанию гуманитарной помощи голодающим. Из Швеции в Москву был направлен груз с продовольствием: 600 тонн пшеницы и несколько тысяч посылок с продуктами питания. Этот груз был распределен среди адвентистских проповедников в различных городах, где проповедники совместно с органами местной власти раздавали продукты нуждающимся. Силами адвентистских общин организовывались благотворительные кухни, на которых кормили сотни детей¹².

В то же время протестанты начали работу в сфере здравоохранения. В г. Маркштадте Саратовской области была открыта глазная клиника и отделение по лечению заболеваний уха, горла, носа. Местные власти были расположены к сотрудничеству и всячески поддерживали доброе начинание. В клинике был стационар на 25 коек, с больными работали специальные врачи, часть которых была приглашена из Германии. Лечение в клинике было бесплатным. В обоих отделениях за первые восемь месяцев работы прошли курс лечения 2430 больных¹³.

Советская власть понимала, какой потенциал заложен в русском протестантизме, а потому на XIII съезде ВКП(б) в мае 1924 г. была принята резолюция, в которой указывалось (п. 17), что “особо

¹¹ Гончаров О. Ю. Социально-экономическая деятельность адвентистов седьмого дня в истории России // Протестантизм в современной России... С. 61.

¹² Там же.

¹³ Зайцев Е. В. История Церкви АСД. Заокский, 2008. С. 350–351.

внимательное отношение необходимо проявлять к сектантам¹⁴, в среде которых замечается много активности. Умелым подходом надо добиться того, чтобы направить в русло советской работы имеющиеся среди сектантов значительные хозяйственно-культурные элементы. Ввиду многочисленности сектантов работа эта имеет большое значение”¹⁵.

В начале советского периода протестанты создавали коммун, которые быстро становились крупнейшими производителями сельхозпродукции. Описывая работу одной из коммун, Д.В. Горюнов утверждает: “Коммуна продемонстрировала высокие организационные и производственные качества. Она не просила финансовой помощи у государства, напротив, жертвовала деньги на осуществление культурных проектов и заботу о бедных из соседних деревень”¹⁶. Коммуна владела большим поголовьем птицы и скота, множеством помещений и машин.

По воспоминаниям очевидцев, подобного рода сельскохозяйственные протестантские общины существовали на территории всего Советского Союза и имели немалый успех в своих делах¹⁷. Так, об успехах подобных артелей писала “Правда” (№ 108, 1924 г.). В.Д. Бонч-Бруевич называл верующих протестантов примерными передовыми работниками, которых, по его словам, было бы преступно не использовать в решении хозяйственных задач страны.

Обращая внимание на ценностные и морально-нравственные принципы построения жизни протестантами, мы можем утверждать, что рассмотренные М. Вебером в его работе “Протестантская этика и дух капитализма” принципы актуальны и для российских протестантов. Протестанты в России, сохраняя веру своих отцов, сохраняют и приверженность к качественному труду, считая его своим служением Богу. Основными качествами протестантов, которые подмечали их современники, являлись их любовь к труду, бережливость, любовь к порядку, стремление качественно и добросовестно выполнять поставленные задачи¹⁸. Отмечались также такие качества как дружелюбие, терпимость и т.п.

На протяжении своей жизни в составе российского общества, как его неотъемлемой части, протестанты не замыкались на себе,

¹⁴ Именно этот термин использовался в Российской Империи и Советской России для обозначения большинства протестантов.

¹⁵ *Зайцев Е.В.* Указ. соч. С. 64.

¹⁶ Цит. по: *Гончаров О.Ю.* Указ. соч. С. 65.

¹⁷ 100 лет Церкви христиан адвентистов седьмого дня в Москве: Юбилейное издание // Московская миссия Западно-Российского союза Церкви АСД. М., 2005. С. 76.

¹⁸ Там же. С. 55.

а, напротив, активно взаимодействовали с представителями разных социальных групп, институтов, в том числе с представителями государственных органов, а также других религий и христианских конфессий.

Например, общины адвентистов седьмого дня, вышедшие из состава колонистов-менонитов, не уклонялись от общественной жизни и принимали участие даже в поддержке местных православных общин. Исследователь процессов развития инославных движений в России XIX в. Н.М. Астырев пишет об адвентистах в с. Каменка Воронежской губернии: “Когда Каменские жители вздумали купить новый и большой колокол для приходской церкви и сделали для этого душевой оклад, то субботники не отказались внести причитающуюся с них сумму денег; или в селе производили сбор пожертвований в пользу больных и раненых воинов — и субботники сделали посильные пожертвования”¹⁹.

Н.В. Варадинов пишет о повседневной жизни протестантов в XVIII в. следующее: “В колониях менонитов вообще не было ни пивных, ни таверн. И праздников у них было значительно меньше, чем у православных. Отличались своей религиозностью, ценили порядок и точность”²⁰. Нравственный образ жизни менонитов во многом способствовал успеху их деятельности на территории России.

Сохраняя уже названные ценности благотворительности и труда, протестанты отличались приверженностью идеям мира и ненасилия. Так, в соответствии со своим учением, во время Великой Отечественной войны они (в основной своей массе) отказались брать в руки оружие, за что многие из них были репрессированы. Однако немало протестантов продолжали быть активными участниками жизни общества, служили на фронте в качестве медбратьев, шоферов, участвовали во фронтовых оркестрах или работали в тылу, в том числе и на лесоповале в Сибири²¹.

Стоит заметить, что не всегда протестанты в России получали возможность развиваться и на практике реализовывать свои ценностные установки. Становление социального института протестантизма в России полно противоречий, взлетов и падений. Периоды расцвета сменялись временами трудностей.

Расцвет социального служения в начале XX в. также оказался очень коротким. Вскоре государственно-конфессиональные отношения изменились, и власти стали представлять протестантов со-

¹⁹ *Астырев Н.* Субботники в России и в Сибири // Северный вестник. 1891. № 6.

²⁰ *Варадинов Н.В.* Указ. соч. С. 30.

²¹ *Горбатов А.В., Шиллер В.В.* Адвентисты седьмого дня в Сибири. История и современность // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Вып. 3. Сборник статей. М., 2006. С. 335–336.

всем в ином свете²². Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. “О религиозных объединениях”, по сути, были отменены все свободы, которыми ознаменовалась Новая экономическая политика. Все предписания Постановления были направлены на взятие под контроль властей любых религиозных действий, на разобщение верующих и церковной жизни²³. В 1930-е гг. началась мощная антирелигиозная кампания, в ходе которой были арестованы многие активные религиозные деятели, а некоторые из них оказались расстрелянными. Протестантам пришлось уйти в подполье, речь шла уже не о служении, а о выживании. Деятельность многих религиозных организаций была совсем приостановлена, так, в Оренбуржье с 1930-х до конца 1980-х гг. фактически не действовала Лютеранская церковь²⁴, нет данных о деятельности адвентистов седьмого дня с 1930-х и до конца 1950-х гг.²⁵

В послевоенные годы общины евангельских христиан уже представляли собой небольшие разрозненные группы, постоянно подвергающиеся гонениям со стороны властей и вынужденные скрывать свою веру. Например, уполномоченный Н.Г. Музлов о русскоязычных группах евангельских христиан начала 1950-х гг. писал, что они «упорно отрицают факты проведения молений, указывают, что собираются в “гости”»²⁶. В то время протестантизм, как часть общества, как социальный институт в структуре общества, фактически был уничтожен. Свой вклад в общественное развитие, протестанты могли внести только личным трудом и примером. Многие из них в то время были отмечены руководством, коллегами по работе или просто соседями, как добросовестные и честные работники, ответственные и заботливые руководители²⁷, примерные колхозники, хорошие семьянины.

Возобновление государственно-конфессиональных отношений начинается только в 1970-е гг. В июле 1975 г. выходит Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О внесении изменений и дополнений в Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. “О религиозных объединениях”»²⁸. Принятый Указ предоставлял

²² Путицев Ф. Кабальное братство сектантов. М.; Л., 1931; *Он же*. Кулацкое светопредставление. М., 1930; Морозов И. Сектантские колхозы. М.; Л., 1931.

²³ Гончаров О.Ю. Указ. соч. С. 72.

²⁴ Конфессии и религиозные объединения в Оренбургской области: Справочник // Министерство культуры, общественных и внешних связей Оренбургской области. Оренбург, 2012. С. 105.

²⁵ Там же. С. 99.

²⁶ Информационный отчет <...> за IV квартал 1950 г. // Государственный архив Пермского края (далее — ГАПК). Ф. р-1204. Оп. 2. Д. 2. Л. 94.

²⁷ Копылова Е. Честный Иоганн и его наследники // Теперь Время. 2002. № 1.

²⁸ СУ РСФСР. 1975. № 27. Ст. 572.

религиозным организациям право приобретения транспортных средств, аренды, строительства и покупки в собственность зданий для своих нужд, производства и продажи церковной утвари и предметов религиозного культа. Кроме того был снят ряд ограничений финансового характера. Но полную свободу ведения социально-экономической деятельности религиозные организации получили только в конце XX в., во времена начавшейся перестройки. 1 октября 1990 г. Верховный Совет СССР принял Закон СССР “О свободе совести и религиозных организациях”. Вслед за ним 25 октября 1990 г. Верховный Совет РСФСР принял Закон “О свободе вероисповеданий”²⁹. Одновременно утратили силу Декрет 1918 г. и Постановление 1929 г. Таким образом, протестанты снова получили возможность вести социально-экономическую деятельность на законном основании.

Мощный подъем религиозных движений в России в 1990-е гг. ознаменовался также активностью протестантов в общественной жизни страны. Началось строительство реабилитационных центров для наркоманов и алкозависимых. Открывались бесплатные столовые. Только у адвентистов в центральной России в 1993 г. действовали 12 бесплатных столовых, в которых регулярно питались около 300 тыс. человек³⁰. Во время чеченского конфликта 1995–1996 гг. около 40 000 беженцев получили гуманитарную помощь в виде одежды и продуктов питания. После трагедии в Беслане протестанты активно включились в работу как с прямыми, так и с косвенными жертвами трагедии, им была оказана социальная и психологическая помощь, помимо этого были приготовлены и розданы продовольственные наборы весом 14 кг для 210 семей, или приблизительно для 1050 человек. После работы в Беслане протестанты получили от администрации Правобережного района и города Беслана благодарственное письмо, подписанное главой администрации и местного самоуправления Правобережного района Республики Северная Осетия — Алания В.Х. Ходовым³¹.

На территории России на данный момент действуют несколько средних образовательных протестантских учреждений, которые пользуются заслуженным авторитетом у местного населения. Гимназия, действовавшая в 2000-е гг. на базе Тамбовского Храма Христа Спасителя Евангельских христиан³², принимала для обучения как

²⁹ Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 21. С. 240.

³⁰ Гончаров О.Ю. Указ. соч. С. 83.

³¹ Там же. С. 85.

³² <http://russia-church.com>

детей из христианских семей, так и детей из семей, не разделяющих религиозные убеждения протестантов. Отдавая своих детей на обучение в протестантскую гимназию, неверующие родители ссылались на высокоморальную обстановку среди гимназистов и на высокий уровень образования, которое давала гимназия. Подобного рода средние общеобразовательные протестантские учреждения действуют в Рязани, Туле и других городах.

В современной России немало исследователей, которые подчеркивают важную роль протестантских общин в социальном служении. Д.В. Горюнов утверждает: “На данный момент на территории Перми и Пермского края наибольшую активность в плане социальной работы проявляют протестантские деноминации”³³. Автор говорит о создании протестантами на территории Пермского края проекта тюремного служения, за 2008–2010 г. охватившего 40 тыс. заключенных. Протестанты в Пермском крае осуществляют специальные программы по реабилитации наркозависимых, организуют работу с их родителями. По словам автора, в отдельных общинах “представлен достаточно широкий спектр социальной деятельности: посещение и помощь детским домам, поддержка инвалидов, пожилых людей, бездомных, реабилитация наркозависимых, лиц, освободившихся из мест заключения, и т.д.”³⁴

Обращая внимание на несомненные положительные стороны социальной работы протестантских общин в России, стоит отметить и негативные моменты в их деятельности. Можно согласиться с Д.В. Горюновым, который указывает на наиболее распространенный негативный момент в социальном служении протестантов, он утверждает, что “часть данных религиозных объединений рассматривает гуманитарную деятельность как плацдарм для миссионерской работы, что несколько умаляет гуманистический потенциал подобной деятельности”³⁵. Во многом именно неспособность современных российских протестантов разделить социальное служение и миссионерскую деятельность и становится причиной негативного отношения к ним со стороны общества.

Вместе с тем, значительная роль протестантов в социальном развитии российского общества очевидна. На наш взгляд, большой потенциал социально-экономического и духовного служения, заложенный в протестантизме, используется далеко не полностью. И сегодня многие протестантские общины сталкиваются с труд-

ностями в реализации своей деятельности и ценностных установок. Во многом из-за деятельности некоторых представителей РПЦ и чиновников властных органов в общественном мнении недооценивается большой потенциал, заложенный в протестантских общинах. Мы считаем, что только в рамках взаимодействия представителей всех христианских конфессий и органов власти возможно конструктивное развитие и эффективное использование всех имеющихся ресурсов построения гражданского общества на территории современной России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

100 лет Церкви христиан адвентистов седьмого дня в Москве: Юбилейное издание // Московская миссия Западно-Российского союза Церкви АСД. М., 2005 (100 let Cerkvi hristian adventistov sed'mogo dnja v Moskve: Jubilejnoe izdanie // Moskovskaja missija Zapadno-Rossijskogo sojuza Cerkvi ASD. M., 2005).

Аленов А.Н. Евангелическо-Лютеранская церковь на тамбовщине // Протестантизм в современной России. Вклад в развитие общества, религии, истории и культуры. Мат-лы всероссийск. науч.-практ. конф., посвященной 495-летию Реформации. Пермь, 2012 (Allenov A.N. Evangelicheskko-Ljuteranskaja cerkov' na tambovshhine // Protestantizm v sovremennoj Rossii. Vklad v razvitie obshhestva, religii, istorii i kul'tury. Mat-ly vserossijsk. nauch.-prakt. konf., posvjashhennoj 495-letiju Reformacii. Perm', 2012).

Астырев Н.М. Субботники в России и в Сибири // Северный вестник. 1891. № 6 (Astyrev N.M. Subbotniki v Rossii i v Sibiri // Severnyj vestnik. 1891. N 6).

Бондарь С.Д. Адвентизм седьмого дня. СПб., 1911 (Bondar' S.D. Adventizm sed'mogo dnja. SPb., 1911).

Варадинов Н.В. История МВД. СПб., 1863. Кн. 1. Ч. 2 (Varadinov V. Istoriya MVD. SPb., 1863. Kn. 1. Ch. 2).

Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 21 (Vedomosti S#ezda narodnyh deputatov RSFSR i Verhovnogo Soveta RSFSR. 1990. N 21).

Гончаров О.Ю. Социально-экономическая деятельность адвентистов седьмого дня в истории России // Протестантизм в современной России. Вклад в развитие общества, религии, истории и культуры. Мат-лы всероссийск. науч.-практ. конф., посвященной 495-летию Реформации. Пермь, 2012 (Goncharov O.Ju. Social'no-jekonomicheskaja dejatel'nost' adventistov sed'mogo dnja v istorii Rossii // Protestantizm v sovremennoj Rossii. Vklad v razvitie obshhestva, religii, istorii i kul'tury. Mat-ly vserossijsk. nauch.-prakt. konf., posvjashhennoj 495-letiju Reformacii. Perm', 2012).

Горбатов А.В., Шиллер В.В. Адвентисты седьмого дня в Сибири. История и современность // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Сборник статей. Вып. 3. М., 2006 (Gorbatov A.V., Shiller V.V.

³³ Горюнов Д.В. Социально-гуманитарная деятельность протестантских деноминаций // Протестантизм в современной России... С. 95.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 96.

Adventisty sed'mogo dnja v Sibiri. Istorija i sovremennost' // Svoboda sovesti v Rossii: istoricheskij i sovremennij aspekt. Sbornik statej. Вып. 3. М., 2006).

Горюнов Д.В. Социально-гуманитарная деятельность протестантских деноминаций // Протестантизм в современной России. Вклад в развитие общества, религии, истории и культуры. Мат-лы всероссийск. науч.-практ. конф., посвященной 495-летию Реформации. Пермь, 2012 (*Gorjunov D.V.* Social'no-gumanitarnaja dejatel'nost' protestantskih denominacij // Protestantizm v sovremennoj Rossii. Vklad v razvitie obshhestva, religii, istorii i kul'tury. Mat-ly vserossijsk. nauch.-prakt. konf., posvjashhennoj 495-letiju Reformacii. Perm', 2012).

Государственный архив Оренбургской области. Ф. 175. Оп. 1. Д. 33. Т. 2. Л. 35 (Gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti. F. 175. Op. 1. D. 33. T. 2. L. 35).

Добрынина В.И., Кухтевич Т.Н. Социокультурный подход как базисное основание современных социальных технологий // Социально-технологическая культура как феномен XXI века: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Белгород, 29–31 мая 2006 г.) (*Dobrynina V.I., Kuhtevich T.N.* Socio-kul'turnyj podhod kak bazisnoe osnovanie sovremennyh social'nyh tehnologij // Social'no-tehnologicheskaja kul'tura kak fenomen XXI veka: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Belgorod, 29–31 maja 2006 g.)).

Зайцев Е.В. История Церкви АСД. Заокский, 2008 (*Zajcev E.V.* Istorija Cerkvi ASD. Zaokskij, 2008).

Информационный отчет <...> за IV квартал 1950 г. // Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. р-1204. Оп. 2. Д. 2. Л. 94 (Informacionnyj otchet <...> za IV kvartal 1950 g. // Gosudarstvennyj arhiv Permskogo kraja (GAPK). F. r-1204. Op. 2. D. 2. L. 94).

Конфессии и религиозные объединения в Оренбургской области: Справочник // Министерство культуры, общественных и внешних связей Оренбургской области. Оренбург, 2012 (Konfessii i religioznye ob#edinenija v Orenburgskoj oblasti: Spravoch-nik // Ministerstvo kul'tury, obshhestvennyh i vneshnih svjazej Orenburgskoj oblasti. Orenburg, 2012).

Копылова Е. Честный Иоганн и его наследники // Теперь Время. 2002. № 1 (*Kopylova E.* Chestnyj Iogann i ego nasledniki // Teper' Vremja. 2002. N 1).

Лебсак Г. Великое Адвентистское движение и адвентисты седьмого дня в России // Кавказская союзная миссия Церкви христиан-адвентистов седьмого дня. М., 2006 (*Lebsak G.* Velikoe Adventistskoe dvizhenie i adventisty sed'mogo dnja v Rossii // Kavkazskaja sojuznaja missija Cerkvi hristian-adventistov sed'mogo dnja. М., 2006).

Морозов И. Сектантские колхозы. М.; Л., 1931 (*Morozov I.* Sektantskie kolhozy. М.; Л., 1931).

Немцы в России: Историко-документальное издание. СПб., 2004 (Nemcy v Rossii: Istoriko-dokumental'noe izdanie. SPb., 2004).

Оренбургская газета. 1908. 21 ноября (Orenburgskaja gazeta. 1908. 21 nojabrja).

Оренбургская газета. 1908. 23 ноября (Orenburgskaja gazeta. 1908. 23 nojabrja).

Оренбургская газета. 1913. 1 июня (Orenburgskaja gazeta. 1913. 1 ijunja).

Путинцев Ф. Кулацкое светопредставление. М., 1930 (*Putincev F.* Kulackoe svetopredstavlenie. М., 1930).

Путинцев Ф. Кабальное братство сектантов. М.; Л., 1931 (*Putincev F.* Kabal'noe bratstvo sektantov. М.; Л., 1931).

РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 1035. Л. 56 (RGIA. F. 821. Op. 5. D. 1035. L. 56).
СУ РСФСР. 1975. № 27 (SU RSFSR. 1975. N 27).

Устав Дамского благотворительного общества евангелическо-лютеранского прихода в г. Оренбурге. Оренбург, 1908 (Ustav Damskogo blagotvritel'nogo obshhestva evangelicheskogo-ljuteranskogo prihoda v g. Orenburge. Orenburg, 1908).

russia-church.com

В.В. Рыбакова, асп. кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ НАУЧНОГО КОЛЛЕКТИВА КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

V.V. Rybakova

STRUCTURE AND FUNCTIONS OF A SCIENTIFIC RESEARCH TEAM AS AN OBJECT OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS

В статье рассматриваются категории “структура” и “функции” применительно к научному коллективу. Раскрываются возможности использования этих категорий в социологическом анализе работы научного коллектива и поиске путей повышения его результативности, приводится алгоритм подобного анализа.

Ключевые слова: научный коллектив, структура и функции научного коллектива, этос науки, наука как социальный институт, научные роли, Роберт Мертон.

The article examines categories “structure” and “functions” relating to a scientific research team, the possibility of their application in sociological analysis of a research team performance and ways of its improving. The article also contains an algorithm of such analysis.

Key words: scientific research team, structure and functions of scientific research team, scientific ethos, science as a social institute, scientific roles, Robert Merton.

В современном мировом сообществе наука является одним из основополагающих и наиболее важных для дальнейшего развития социальных институтов. В России наука также является одним из приоритетных направлений развития общества, которое зафиксировано в основных государственных программных документах¹. Изучение состояния отечественной науки и разработка путей повышения ее эффективности являются стратегически важными государственными задачами, а регулярное и комплексное социологическое изучение научно-исследовательского коллектива как основной структурно-функциональной единицы социального ин-

ститута науки — необходимым условием ее выполнения. Сегодня абсолютное большинство научных исследований проводится научными коллективами, а по их результатам издается множество публикаций с коллективным авторством.

Коллектив является одной из основных категорий социологического анализа и определяется как группа людей, объединенная решением конкретных производственных, общественных, политических и других задач, характеризующаяся общими интересами и целями, чувством солидарности, самоопределением². *Научный коллектив* в свою очередь определяется как профессиональная группа исследователей, распределенный субъект научного познания, дисциплинарное или междисциплинарное сообщество ученых, работающих над одной или несколькими сходными темами, проблемами, проектами³. В рамках структурно-функционального подхода научный коллектив рассматривается как относительно устойчивая функциональная социальная общность, создаваемая и функционирующая с целью производства нового научного знания и определения путей его практического применения, обладающая четко выраженной формальной и неформальной структурой, специфическими механизмами функционирования, саморазвития и саморегуляции. Одно из главных преимуществ организации исследовательской деятельности в форме научного коллектива заключается в возможности распределения ее между членами данного сообщества в соответствии с их интересами, способностями, профессиональными качествами для достижения наилучшего результата.

Структурными элементами научного коллектива выступают взаимосвязанные члены этого сообщества, т.е. ученые. Социальная структура науки, как и другие сферы общественной жизни, имеет собственный набор статусов и ролей, распределенных между членами посредством сложных механизмов социального отбора. Роберт Мертон выделяет четыре основные роли в научном сообществе: исследователь, преподаватель, администратор и эксперт. В то же время он признает, что для эффективного продвижения научного исследования существует широкий спектр вспомогательных ролей, таких как инженеры различных видов, конструкторы экспериментального оборудования и инструментов исследования,

* Рыбакова Виктория Викторовна, e-mail: viktoria_msu@mail.ru

¹ См.: Указ Президента РФ “О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки” от 07.05.2012 г. // Официальный сайт Президента России. URL: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1610850> (дата обращения: 26.01.2015).

² См.: Энциклопедия социологии. Antinazi. 2009 // Интернет-портал “Словари и энциклопедии на Академике”. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/1516> (дата обращения: 26.01.2015).

³ См.: Лебедев С.А. Философия науки: Словарь основных терминов. (Серия “Gaudeamus”). М., 2004.

а также ассистенты, вовлеченные в проведение научной работы (например, подготовка и наблюдение за экспериментальными материалами).

Статус ученого не подразумевает исполнение лишь одной социальной роли, ему присущ набор ролей, исполняемых одновременно. Интенсивность реализации той или иной конкретной роли напрямую зависит от времени и усилий, которые ученый затрачивает на ее исполнение. В крайних случаях специализации ученые вовлечены в одну из этих ролей, полностью исключая остальные, но в большинстве своем они исполняют все эти роли в различных пропорциях, изменяющихся в течение жизни. То, что предстает как последовательность ролей с точки зрения индивидуального движения через жизненные фазы ученого, с точки зрения социальной системы науки является распределением ролей в каждый конкретный момент времени⁴.

Выделенные Мертоном роли неодинаковы в своей важности для функционирования научного коллектива и социального института науки в целом. Роль исследователя является основной, поскольку именно она способствует приросту научного знания напрямую, остальные роли являются вспомогательными по отношению к ней. Проще говоря, «если бы не проводились научные исследования, не было бы нового научного знания, которое можно передать в процессе преподавания, не было бы необходимости распределять ресурсы для исследования с помощью администрации, а также не было бы потребности в экспертном регулировании потока новых знаний»⁵.

Отношения между исследовательской и преподавательской ролью двойственны в сознании ученого. С одной стороны, ученый признает, что его прямой обязанностью является воспитание новых поколений ученых. С другой стороны, он не должен позволять преподаванию превалировать над обязанностью преумножать достоверное научное знание. В процессе своей деятельности на протяжении всей жизни ученый постоянно перераспределяет роли преподавателя и исследователя.

Третьей основной ролью ученого является роль администратора. Эта роль охватывает широкий спектр различных должностей и структур, и может присутствовать в жизни ученого с различной интенсивностью, начиная от редких консультаций по тем или иным вопросам и заканчивая полной занятостью в должности научного администратора. Бюрократизация науки связана с возрас-

танием количества административных должностей полной занятости и усилением их влияния на направление научного развития. В процессе бюрократизации все больше ученых вовлекается в административную работу, будь то подготовка планов предстоящих исследований или отчетов о результатах работы.

Четвертая роль, роль эксперта, заключается в том, чтобы объективно оценить, подходит ли тот или иной ученый для работы на определенной должности, чего он уже добился и насколько он перспективен. Таким образом, оценка эксперта влияет как на индивидуальную мобильность молодого ученого и его карьеру, так и на распределение персонала в научном коллективе в целом.

В своей работе научный коллектив выполняет ряд функций⁶, главная из которых — *познавательная*, так как основным продуктом научной деятельности является достоверное научное знание. А поскольку институциональная цель науки состоит в распространении научного знания, то на нее направлена деятельность всех без исключения научных коллективов. Эта определяющая функция в свою очередь подразделяется на ряд подфункций, среди которых наиболее существенными являются: *генерирование новых знаний* (реализуется в научном творчестве), *преемственность* (новое научное знание является продуктом синтеза результатов предыдущих исследований), *оценка* (реакция научного сообщества на вклад в исследование), *восприятие новых идей* (анализ новых идей и гипотез с точки зрения их перспективности).

Второй важной функцией деятельности научного коллектива является *функция коммуникации*. Согласно теории Мертона, значительные открытия в науке являются продуктом социального взаимодействия, а значит, принадлежат всему научному сообществу и обществу в целом⁷. Именно поэтому высокая степень коммуникации между научными коллективами, особенно на мировом уровне, является основополагающим условием нормального функционирования социального института науки.

В процессе коммуникации происходит обмен научной информацией, идеями, мнениями. Научная коммуникация может осуществляться по формальным и неформальным каналам. Формальная коммуникация отражает субъектно-объектные отношения, выражена преимущественно в письменной форме, методологична, стандартизирована, унифицирована, инвариантна, направлена на результат, реализуется в официальной обстановке, выступает зачастую

⁴ См.: Merton R.K., Zuckerman H. Age, aging and age structure in science (1972) // The Sociology of Science Theoretical and Empirical Investigations. N.Y., 1973. P. 523.

⁵ Ibid. P. 520.

⁶ См.: Бабосов Е.М., Мамедов А.К. Социология науки. М., 2011. С. 88–92.

⁷ См.: Merton R.K. Normative structure of science (1942) // The Sociology of Science Theoretical and Empirical Investigations. P. 272.

как средство управления, хотя и не исчерпывается только этим⁸. Результатом формальной научной коммуникации является любая актуализированная информация, например научные статьи, монографии, материалы научных конференций.

Неформальная коммуникация, напротив, отражает субъектно-субъектные отношения, соответствует интерактивной модели, предполагает равноправие участников, распространяется преимущественно в устной форме, диалогична, произвольна, уникальна, менее достоверна, направлена на процесс, для нее характерна неформальная обстановка. Примерами неформальной научной коммуникации являются участие в конференциях, методологических семинарах, работа в исследовательской команде, внедрение результатов научных исследований в процесс преподавания и т.д.

Для нормальной работы научного коллектива немаловажное значение имеет *информационная функция*, которая не сводится только к представлению научных знаний и результатов исследовательской деятельности обществу, но и активно содействует реализации этих результатов. С информационной функцией тесно связаны две другие функции научного сообщества, а именно *культурно-образовательная функция*, связанная с просвещением и воспитанием общества, и *реализаторская функция*, под которой понимается доведение до общественности результатов научных исследований, новых идей, знаний, концепций. При этом на ученого ложится специальная ответственность за тщательную оценку последствий собственных исследований и доведение ее до общественности⁹. Выполнение данной функции в условиях современного общества осложняется тем, что статус новой науки приобретает в потребительском поле, знание рассматривается как товар, услуга, ресурс, сводя на нет этическую размерность науки¹⁰.

С этическими вопросами в процессе научной деятельности напрямую связано понятие научного этоса, т.е. эмоционально окрашенного комплекса ценностей и норм, который разделяется учеными и которым они руководствуются в процессе своей деятельности, тем самым координируется их работа в коллективе¹¹. Нормы вы-

⁸ См.: Дуденкова Т.А. Формальное и неформальное в научной коммуникации // Вестн. Нижегородск. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2010. № 3 (19). С. 130.

⁹ См.: Юдин Б.Г. От утопии к науке: конструирование человека // Вызов познания: стратегии развития науки в современном мире. М., 2004. С. 14.

¹⁰ См.: Мамедов А.К. Этические параметры развития современной науки (опыт институционального анализа) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2011. № 1. С. 59.

¹¹ См.: Merton R.K. Normative structure of science. P. 268–269.

ражаются в форме предписаний, предпочтений, запретов и легитимизируются в терминах институциональных ценностей. *Этос науки* состоит из четырех основных императивов, а именно коммунизма, универсализма, незаинтересованности и организованного скептицизма.

Согласно Р. Мергону, поскольку знание производится не отдельными индивидами, а целым сообществом, отдельный ученый в своей работе опирается на результаты предыдущих исследований, а значит, зависит от интеллектуального наследия дисциплинарного сообщества. Поэтому императив *коммунизма* предписывает, что результаты науки должны быть доступны широкой общественности посредством оперативной и как можно более полной публикации. Это требование предписывает, по сути, равенство членов научного сообщества в праве на обладание истиной. Именно норма коммунизма сводит к минимуму права собственности ученых на свои научные открытия, ограничивая их лишь признанием и уважением со стороны научного сообщества и общества в целом.

Норма *универсализма* требует, чтобы оценка научного результата основывалась исключительно на внеперсональном уровне, без каких-либо субъективных предрассудков по отношению к личности исследователя. В науке должны приниматься во внимание только рационально-логические и экспериментально доказанные факты. Универсализм находит дальнейшее выражение в требовании открытости научных должностей и возможности построения научной карьеры для молодых талантливых ученых, так как ограничивать научные карьеры на любых основаниях кроме отсутствия компетенции значит препятствовать продвижению знания.

Норма *незаинтересованности* заключается в том, что на результаты исследования не должны влиять различные интересы ненаучного характера. Незаинтересованность или бескорыстность не отождествляется с альтруизмом, и в то же время не противопоставляется эгоизму. Требование бескорыстности, имея основание в публичном и проверяемом характере науки, требует гласности и открытости научной коммуникации и вносит вклад в единство научного сообщества в целом и научного коллектива в частности.

Норма *организованного скептицизма* предполагает, что исследователи обязаны скептически относиться как к работе других, так и к собственной работе. Все сомнения и затруднения, возникающие в ходе исследования и по его результатам, должны обязательно обсуждаться коллегиально. Организованный скептицизм выступает одновременно как основной методологический и институциональный научный принцип, применение которого к другим общественным сферам может привести к конфликту, так как он стремится

рассмотреть проблему объективно, не принимая во внимание уже устоявшиеся в этой сфере ценности.

В процессе научной деятельности реализуется еще одна важная специфическая *функция признания*, которая логическим образом вытекает из сущности научного знания. Научное знание как продукт научной деятельности является достоянием общественности, права собственности самих ученых на открытия сводятся к минимуму посредством научной этики, а заявления ученого о его интеллектуальной собственности ограничиваются лишь признанием и уважением, вследствие чего в научном сообществе всегда присутствует высокая конкуренция.

Множество различий в интеллектуальной и социальной структуре научных специальностей оказало влияние на степень и интенсивность конкуренции за открытия внутри них. Каждая научная сфера обладает своей интенсивностью присутствия в ней ученых, которая не сводится к очевидным различиям в абсолютном числе ученых, работающих в той или иной дисциплине или специальности. Интенсивность присутствия относится скорее к количеству работающих в отношении к значимым проблематикам в сфере, таким образом, некоторые сферы более “заполнены” чем другие, т.е. многие работники фокусируются на одних и тех же проблемах.

В терминологии Мертона, по интенсивности присутствия ученых, научные сферы можно разделить на так называемые “горячие сферы” и “холодные сферы”. “Горячие сферы” не только более активные, чем “холодные”, но их результаты применяются в областях, лежащих далеко за пределами специализации. Они характеризуются тем, что хотя бы на время привлекают множество талантливых ученых. “Горячие сферы” также обладают большой степенью входа и низкой степенью выхода ученых из них до тех пор, пока эти сферы не начинают “остывать”¹². Уровень взаимодействия научных сотрудников в “горячих сферах”, особенно на уровне лидеров, необычайно высок.

Виды и степень конкуренции различаются не только среди специальностей, но и среди различных престижных страт ученых внутри каждой конкретной сферы. На высоких уровнях конкуренция носит персональный характер, на средних и низших уровнях — стремится к более общей, так как ученые не знают, кто еще работает с ними над одними проблемами¹³. Таким образом, на более высоких научных должностях на первый план выходит международное признание, а для рядовых научных сотрудников большей важно-

стью обладает признание со стороны коллег, выражающееся в степени свободы в принятии решений и оценке их личного вклада в общее дело со стороны руководства. Данные особенности мотивации научных сотрудников необходимо учитывать при структурировании пространства и распределении функционала с целью достижения большей эффективности работы научно-исследовательского коллектива.

Ввиду высокой конкуренции важную роль в успешной работе научного коллектива играет его *социально-психологическая функция*. Социально-психологическая совместимость работающих в коллективе людей, уровень их срабатываемости и взаимопонимания формирует “социально-психологический климат коллектива”. Отношения в коллективе определяются целой группой взаимосвязанных факторов: структурой деятельностных функций каждого его члена, характером порученного им задания, индивидуальными интересами членов коллектива и личными отношениями между ними. Таким образом, структура отношений в коллективе складывается из отношений по поводу деятельности и вне ее. Нередко они называются соответственно формальной и неформальной организацией коллектива.

С социально-психологической функцией тесно связана *адаптивная функция* научного коллектива, которая имеет два взаимосвязанных проявления: приспособление научного сообщества к внешним условиям и адаптация научной молодежи к внутренним особенностям своего развития.

Социологический анализ способов объединения людей в научных коллективах, разделения и кооперации труда между ними, их удовлетворенности существующим распределением позволяет организовать научный коллектив оптимальным способом для наиболее успешного выполнения им своих функций, с учетом как индивидуальных особенностей ученых, так и внешних обстоятельств, стоящих перед ними задач и т.д. Структурно-функциональный анализ научного коллектива, на наш взгляд, может быть осуществлен по алгоритму, состоящему из пяти этапов: структурирование, сопоставление, анализ, разработка рекомендаций, мониторинг результатов.

Этап структурирования предполагает разбиение научного коллектива как единого целого на его составляющие. На этом этапе происходит выделение ролей, которые выполняют члены коллектива, стоящих перед ними основных задач, определение внешних обстоятельств, оказывающих влияние на их работу, а также идентификация и конкретизация функций, которые коллектив выполняет в процессе своей работы.

¹² См.: Merton R.K. Behavior patterns of scientists (1968) // The Sociology of Science Theoretical and Empirical Investigations. P. 331–332.

¹³ Ibid. P. 331.

Этап сопоставления заключается в соотнесении выделенных ролей в научном коллективе с теми функциями, которые они помогают осуществлять и определении набора ролей участвующих в выполнении той или иной задачи, поставленной перед коллективом. Кроме того, на данном этапе важно определить, какие именно внешние условия влияют на успешность коллектива в выполнении каждой из поставленных задач.

На *этапе анализа* выявляется важность каждой конкретной роли ученого в выполнении коллективом той или иной функции, решения той или иной задачи. Также определяется степень влияния внешних факторов на успешность коллектива в выполнении этих функций и решении задач. Таким образом, оценивается вклад каждой роли ученого (тех или иных специалистов в составе коллектива) в решение конкретной задачи, выполнение каждой конкретной функции. Кроме того, на данном этапе разрабатываются четкие критерии оценки того, что считать выполненной функцией, а что нет (решенной задачей или нет), а также выявляются и анализируются причины невыполнения как с субъективной точки зрения самих ученых, так и с учетом объективных обстоятельств.

На основе проведенного анализа делаются выводы и разрабатываются рекомендации по улучшению работы коллектива, выделяются основные моменты, на которые стоит обратить особое внимание. Рекомендации передаются руководителям, которые ориентируются на них в управлении работой коллектива, например при распределении сфер ответственности в будущих исследованиях.

Последний *этап* — *мониторинг*, особенно важен для определения динамики работы коллектива, он должен проводиться на регулярной основе с целью отследить изменения в качестве работы конкретных коллективов и индивидуальных ученых в их составе. Такой подход полезен для разработки долгосрочных программ развития научно-исследовательских коллективов, а также определения и апробирования наиболее эффективных мер по улучшению качества их работы.

Структурно-функциональный анализ научного коллектива, по нашему мнению, является неотъемлемой частью комплекса мер в рамках Федеральной целевой программы “Научные и научно-педагогические кадры инновационной России” на 2014–2020 гг., которая направлена на усиление государственной поддержки в отношении наиболее успешных научных коллективов посредством увеличения объемов финансирования и продолжительности исследовательских проектов с особым вниманием к повышению результативности их научной деятельности, соответствующей мировому

уровню¹⁴. Социологический анализ научно-исследовательского коллектива является эффективным инструментом определения способов повышения его результативности и успешности, а значит, актуален на различных уровнях руководства научной деятельностью как внутри страны, так и на мировом уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бабосов Е.М., Мамедов А.К. Социология науки. М., 2011 (*Babosov E.M., Mamedov A.K.* Sotsiologiya nauki. M., 2011).

Дуденкова Т.А. Формальное и неформальное в научной коммуникации // Вестн. Нижегородск. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2010. № 3 (19) (*Dudenkova T.A.* Formal'noe i neformal'noe v nauchnoy komunikatsii // Vestn. Nijegorodsk. un-ta imeni N.I. Lobachevskogo. Ser. Soci-al'nye nauki. 2010. N 3 (19)).

Лебедев С.А. Философия науки: Словарь основных терминов. Серия “Gaudeamus”. М., 2004 (*Lebedev S.A.* Filosofiya nauki: slovar' osnovnyh terminov. Seriya “Gaudeamus”. М., 2004).

Мамедов А.К. Этические параметры развития современной науки (опыт институционального анализа) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2011. № 1 (*Mamedov A.K.* Eticheskie parametry razvitiya sovremennoy nauki (opyt institutsional'nogo analiza) // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 18. Sociologiya i politologiya. 2011. N 1).

Указ Президента РФ “О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки” от 07.05.2012 г. // Официальный сайт Президента России. URL: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1610850> (дата обращения: 26.01.2015) (*Ukaz Prezidenta RF “O merah po realizacii gosudarstvennoj politiki v oblasti obrazovaniya i nauki”* от 07.05.2012 г. // Oficialniy sajt Prezidenta Rossii. URL: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1610850> (data obrashheniya: 26.01.2015)).

Федеральная целевая программа “Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2014–2020 гг.” // Интернет-портал “Гарант.ру. Информационно-правовой портал”. URL: <http://base.garant.ru/70384512/> (дата обращения: 26.01.2015) (*Federal'naja celevaja programma “Nauchnye i nauchno-pedagogicheskie kadry innovacionnoj Rossii na 2014–2020 gg.”* // Internet-portal “Garant.ru Informacionno-pravovoj portal”. URL: <http://base.garant.ru/70384512/> (data obrashheniya: 26.01.2015)).

Юдин Б.Г. От утопии к науке: конструирование человека // Вызов познания: стратегии развития науки в современном мире. М., 2004 (*Yudin B.G.* Ot utopii k nauke: konstruirovaniye cheloveka // Vyzov poznaniya: strategii razvitiya nauki v sovremennom mire. М., 2004).

¹⁴ См.: Федеральная целевая программа “Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2014–2020 гг.” // Интернет-портал “Гарант.ру Информационно-правовой портал”. URL: <http://base.garant.ru/70384512/> (дата обращения: 26.01.2015).

Энциклопедия социологии. Antinazi. 2009 // Интернет-портал “Словари и энциклопедии на Академике”. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/1516> (дата обращения: 26.01.2015) (Jenciklopedija sociologii. Antinazi. 2009 // Internet-portal “Slovari i jenciklopedii na Akademike”. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/1516> (data obrashhenija: 26.01.2015)).

Merton R.K. Normative structure of science (1942) // *The Sociology of Science Theoretical and Empirical Investigations*. N.Y., 1973. P. 267–278.

Merton R.K. Behavior patterns of scientists (1968) // *The Sociology of Science Theoretical and Empirical Investigations*. N.Y., 1973. P. 325–342.

Merton R.K., Zuckerman H. Age, aging and age structure in science (1972) // *The Sociology of Science Theoretical and Empirical Investigations*. N.Y., 1973. P. 497–559.

Г.П. Смирнов, асп. кафедры теории и истории социологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета*

СООТНОШЕНИЕ ОСНОВНЫХ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВА “СМЫСЛ” И ФОРМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

G.P. Smirnov

THE CORRELATION BETWEEN BASIC DEFINITIONS OF THE WORD “MEANING” AND FORMS OF HUMAN ACTIVITY: THE PROBLEM FORMULATION

В статье описана попытка согласования представлений о формах и уровнях человеческой активности и возможных трактовок понятия “смысл”. Автор, используя общую схему активности человека, состоящую из трех уровней, предлагает выделить соответствующие значения слову “смысл”.

Ключевые слова: *смысл, активность, взаимодействие, поведение, деятельность, ценности, потребности.*

The article states an attempt to adjust the views on the forms and levels of human activity and possible interpretations of the notion of “meaning”. Author offers to give three definitions of the word “meaning” according the general scheme of human activity, which includes three levels.

Key words: *meaning, activity, interaction, behavior, values, needs.*

В работах, посвященных описанию человеческого поведения, обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, в них для объяснения поведения часто и в самых различных значениях употребляется слово “смысл”. Во-вторых, наблюдается неопределенность в значениях терминов “поведение”, “деятельность”, “коммуникация”, которые часто употребляются как синонимы, поясняющие друг друга. Аналогичным образом дело обстоит со словами “действие”, “акт”, “поступок”. Возникает проблема: нельзя ли соотнести некоторые основные значения слова “смысл” и отдельные формы человеческой активности? Не исключено, что рассмотрение подобного соотношения позволило бы уточнить совокупность понятий, отражающих поведение человека и те основания, которыми он руководствуется. В настоящей статье (в дискуссионном

* Смирнов Григорий Петрович, e-mail: smirnovgrigory@mail.ru

плане) предлагается схема, в которой конкретные значения слова “смысл” сопряжены с конкретными формами активности человека.

Обыденное использование слова “смысл”, отраженное в словарях, предполагает три основных его значения. Во-первых, оно понимается как некое разумное основание или цель действия; во-вторых, оно используется как синоним слова “значение”; в-третьих, слово “смысл” трактуется как разум или разумность, нечто рациональное¹.

В социологических концепциях, посвященных описанию человеческого поведения, понятие “смысл” нередко является одним из ключевых. Оно используется социологами при объяснении оснований или причин поведения, деятельности, а также отдельных действий людей. Чаще всего, слово “смысл” понимается как “цель”, “мотив”, “стимул”, что отчасти соответствует значениям этого слова в обычном языке. Однако четкое определение понятия “смысл”, как правило, отсутствует. По-видимому, авторы исследований предполагают, что слово “смысл” должно пониматься интуитивно.

Впервые в социологической теории понятие “смысл” появляется в работах М. Вебера. В его концепции оно используется в определении социального действия, каковым является “такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием *других* людей и ориентируется на него”². Вебер различает два типа смысла, характерных для человеческого действия. Первый тип является “действительно субъективным *предполагаемым* действующим лицом в данной исторической ситуации, или приближенным, средним смыслом, субъективно предполагаемым действующими лицами в определенном числе ситуаций”, второй — “теоретически конструированным *чистым* типом смысла, субъективно предполагаемым гипотетическим действующим лицом или действующими лицами в данной ситуации”³.

Предположительно, первый вид смысла формируется самим субъектом в конкретной ситуации, поэтому его можно обозначить как “конкретный” смысл. В этом случае именно субъект или субъекты определяют условия и цель действия, происходящего реально. Второй смысл можно обозначить как “абстрактный” или “абстрактно возможный”, поскольку он формируется исследователем и фиксируется в идеальной сконструированной ситуации.

¹ См.: *Даль В.И.* Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2003. С. 603.

² См.: *Вебер М.* Основные социологические понятия // Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М., 2006. С. 454.

³ Там же. С. 454.

С учетом других элементов теоретической конструкции Вебера, можно предположить, что словом “смысл” он обозначает также мотив и цель. Во-первых, на это указывает его типология социальных действий, в которой признаком рациональности является наличие осознанной цели⁴. Во-вторых, он называет мотивом “некое смысловое единство, представляющееся действующему лицу или наблюдателю достаточной причиной для определенного действия”⁵.

Следует обратить внимание, что понятие “смысл” употребляется Вебером контекстуально в отношении разнородных явлений, отражающих человеческую активность. В частности, он утверждает, что “поведение... всегда являет собой для нас действие одного или нескольких отдельных лиц”⁶, а социальное действие оказывается частным видом человеческих действий (см. выше). Выходит, что поведение, действие и социальное действие — явления одного порядка.

Однако поведение является процессом, и его следует соотносить с процессами же, т.е. деятельностью, общением, коммуникацией. Слова же “действие”, “социальное действие” означают завершенное в определенный момент времени проявление активности. И их нужно соотносить со словами: “поступок”, “акт”, “высказывание” и пр. Представляется при этом, что поведение состоит из цепочки поступков, речь — из высказываний, деятельность — из действий. Тем самым, можно сделать вывод, что Вебер, пользуясь термином “смысл” как по отношению к отдельным действиям, так и по отношению к поведению человека в целом, не вполне отчетливо различает процессы и отдельные акты.

А. Шюц, один из последователей Вебера и представитель феноменологического направления в социологии, также использует понятие “смысл” в своих теоретических рассуждениях о социальной реальности. В частности, он утверждает, что все наше знание о мире, как обыденное, так и научное, содержит конструкты. Эти конструкции имеют смысл и могут представлять собой “вещь” или те явления, которые следует изучать феноменологической социологии⁷. При этом вслед за Вебером смысл действия он предлагает рассматривать как цель или мотив. Причем мотив Шюц разделяет на два типа: “мотив-для” и “мотив-потому-что”. Шюц считает, что процесс взаимосвязи отдельных действий человека осуществляется посредством этих мотивов. С помощью “мотива-для” и “мотива-

⁴ Там же. С. 471–472.

⁵ Там же. С. 460.

⁶ Там же. С. 461.

⁷ См.: *Шюц А.* Методология социальных наук // Шюц А. Избранное: мир, святиющийся смыслом. М., 2004. С. 8.

потому-что” выстраивается цепь последовательных действий “Эго” и “Альтера” как субъектов взаимодействия⁸.

Новым в употреблении Шюцем слова “смысл”, по сравнению с применением этого же слова Вебером, оказывается то, что первый рассматривает не только смысл поведения человека, но и смысл влияющих на это поведение социальных объектов. Для этого он использует понятие “жизненный мир”, привнесенный из феноменологической философии. Формирование жизненного мира происходит в ходе взаимодействия индивидов и возможности intersubjectivного формирования смысла “вещей”, окружающих объектов. С помощью принципа intersubjectивности Шюц обосновывает возможность существования не только субъективных, но и объективных смыслов жизненного мира и поведения.

Необходимо отметить, что Шюц, также как и Вебер, использует оба понятия цели и мотива при описании действий и поведения. Цель в его концепции участвует в объяснении действий человека, а мотив участвует в объяснении не только отдельного действия, но и взаимосвязи нескольких последовательных действий. Тем самым Шюц старается выйти за рамки объяснения отдельных поступков. С учетом того, что Шюц применяет понятие “смысл” не только по отношению к действию, но и к объектам, он вводит принципиальное для социологии представление о смысле вещей (объектов), имеющих значение в описании человеческого поведения.

Параллельно с немецкими исследователями явлением смысла занимался представитель американской школы социальных наук Дж.Г. Мид. Большое влияние на методологию Мида оказал В. Вундт, поэтому концепция первого основывается на психологии, социальной психологии и бихевиоризме. В последующем Мида называли одним из основателей “символического интеракционизма”, представители которого часто использовали понятие “смысл”.

Мид использует слово “meaning” — “смысл” при описании взаимодействия (“интеракции”) между двумя индивидами, определяя его как тройственную связь между причиной и результатом последовательных реакций. Такое тройное отношение между жестом, соответствующим ответом и результатом социального акта, который инициирует жест, и является смыслом⁹. Тем самым, понятие “смысл” охватывает целостный процесс взаимодействия индивидов, включающий такие элементы, как действие (жест), коммуникацию как особый тип взаимодействия, поведение, про-

являющееся в ответной реакции на жест, и результат поведенческого акта. В конечном счете, представления Мида о смысле закладывают основу для разработки теорий коммуникации, описывающих коммуникацию именно как особый тип взаимодействия.

Весьма широко трактует значение слова “смысл” немецкий социолог-теоретик Н. Луман, отводя ему ключевую роль в своей концепции. Исследование Лумана обобщает множество идей о феномене смысла. Это позволяет ученому предположить, что социальные системы являются “смысловыми”, поскольку признаки смысла также распространяются и на социальные системы. В свою очередь понятие “смысл” соотносится с понятием “интенциональность”, которое позволяет избежать возможных трудностей при исследовании конкретных типов взаимодействия между людьми как наиболее абстрактное основание функционирования социальных систем¹⁰.

Сложно кратко описать масштабное исследование Лумана, однако остановимся на главных идеях. Одним из важнейших признаков смысла является “базальная нестабильность”, которая приводит к постоянному движению. Эта нестабильность следует из двух центральных проблем самореференции и комплексности, которые требуют, пользуясь словами Лумана, одновременной переработки избытка указаний и актуализации, т.е. постоянного отбора. Он пишет: “Всякая смысловая интенция является самореферентной, поскольку одновременно предусматривает свою повторную актуализацию, т.е. воспринимает себя в своей структуре указаний снова как одну из многих возможностей дальнейшего переживания и действия”¹¹.

Помимо этого Луман проводит феноменологический анализ смысла, в котором выделяет три измерения: предметное, временное и социальное. Предметное измерение позволяет определить границы и форму смыслового основания активности; временное — требует обращать внимание на актуальность смысловой интенции; социальное измерение указывает на то, что смысл активности может разделяться множеством субъектов, участвующих во взаимодействии и генерализироваться¹².

Краткий обзор вышеизложенных представлений М. Вебера, А. Шюца, Дж.Г. Мида и Н. Лумана подтверждает наличие указанной выше проблемы необходимости соотношения понятий “действие”, “поведение”, “взаимодействие” и т.п., а также значений

⁸ Там же. С. 118–122.

⁹ См.: Mead G.H. Mind, self and society: from the standpoint of a social behaviorist. Chicago, 1962. P. 78–79.

¹⁰ См.: Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб., 2007. С. 100.

¹¹ Там же. С. 98–100.

¹² Там же. С. 118–124.

слова “смысл” при описании человеческой активности. Для ее решения необходимо рассмотреть различные формы человеческой активности и их понятийное обозначение, отразив их в виде системы взаимосвязанных понятий, определить соответствующие им формы смысла, а затем “приписать” наиболее подходящие для этих форм значения слова “смысл”.

Опираясь на идеи представителей деятельностно-ценностного подхода, будем исходить из того, что наиболее общей категорией, охватывающей все формы и виды активности человека, является категория “существование” (см. рис. 1)¹³. В существовании с учетом интенсивности траты энергии можно выделить два основных состояния: *активность* и *покой*. Активность связана с интенсивной тратой энергии субъектом и взаимодействием с окружающим миром. Покой, в свою очередь, связан с потребностью в отдыхе, при котором осуществляется накопление энергии и восстановление организма.

Смысл всех форм существования человека может быть обозначен широким понятием “интенция”. Как уже отмечалось, оно используется Н. Луманом в теории социальных систем. Но наиболее удобно использовать его для обозначения смысла первых, наиболее абстрактных форм активности, покоя и поведения, понимаемого в широком смысле.

Активность может быть двух типов: *целесообразная* и *хаотичная*. Наличие цели (идеальной модели будущего результата деятельности) свойственно именно человеку. При отсутствии цели активность осуществляется хаотично. Целесообразную активность можно назвать *поведением*. Поведение, направленное на контакт с миром, — это *инициативное поведение*, а на минимизацию контакта с миром, — *уклоняющееся поведение*¹⁴.

В ходе инициативного поведения субъект вступает во взаимодействие с окружающим миром, в котором можно выделить два класса явлений: объекты и субъекты. Инициативное целесообразное взаимодействие субъекта с объектом удобнее всего назвать деятельностью, т.е. специфической формой активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение и преобразование¹⁵. Осуществление взаимодействия между субъектами можно назвать *общением*. Соответ-

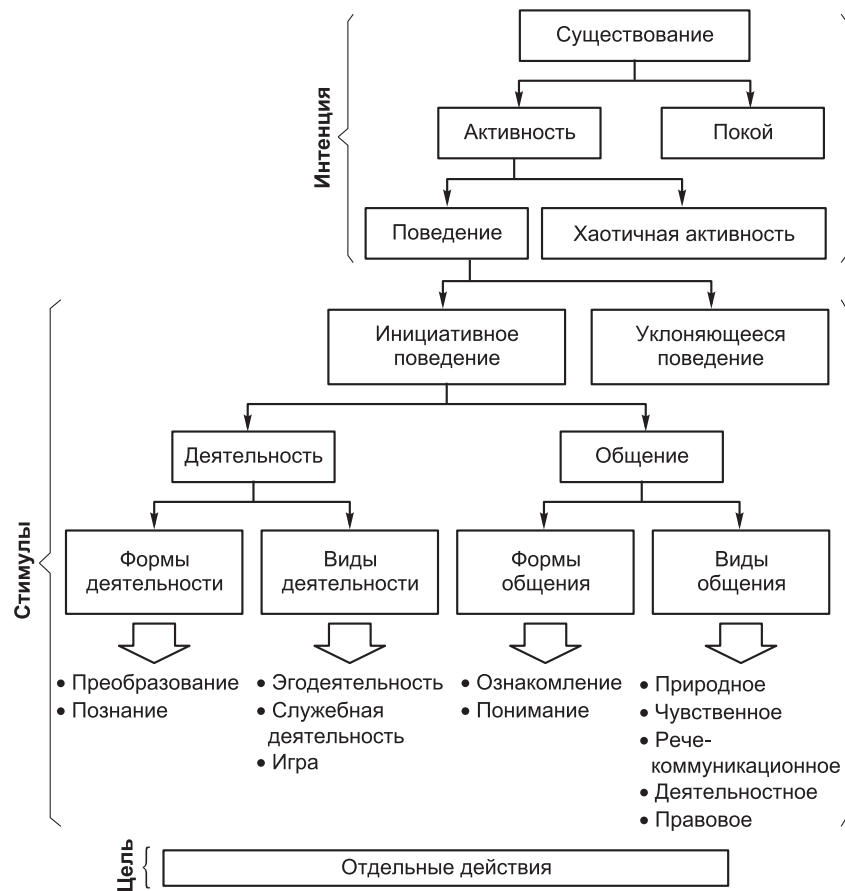

Рис. 1. Схема форм активности человека

ственно, инициативное поведение по отношению к объектам и субъектам обретает две основные формы — *деятельность* и *общение*.

Логично предположить, что инициативное поведение каким-то образом регулируется. В рамках деятельностно-ценностного подхода к описанию социальных явлений выделены три основных регулятора деятельности: ограничители, оформители и стимулы¹⁶. Эти же три регулятора можно распространить на инициативное поведение вообще. При этом основанием смысла инициативного

¹³ См.: Смирнов П.И. Деятельность как форма человеческой активности. Специфика человеческой деятельности // Теоретический журнал Credo new. 2010. № 3. С. 146.

¹⁴ Там же. С. 146.

¹⁵ См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 151.

¹⁶ См.: Бороноев А.О., Смирнов П.И. Деятельностно-ценностный подход к описанию социальных явлений: основные положения // Проблемы теоретической социологии. Вып. 8. СПб., 2011. С. 120–122.

поведения (т.е. деятельности и общения) являются стимулы деятельности, а именно, потребности и ценности.

Потребности вызваны несамодостаточностью субъекта, и деятельность по их удовлетворению обеспечивает существование субъекта. Сама по себе деятельность человека несвободна и в этом отношении подобна деятельности животных. Смысл деятельности, связанный с потребностями, объективно задан структурой субъекта деятельности. Различные виды потребностей человека — физиологические, социальные, престижные, духовные — сравнительно адекватно отражены в пирамиде потребностей А. Маслоу¹⁷. Однако его принцип возвышения потребностей сомнителен. Его нельзя принять без использования представлений о ценностях как особых стимулах деятельности человека, а также о наличии в психике человека волевого начала¹⁸.

Что касается ценностей, то связаны они со свободой субъекта, который субъективно задает смысл своей деятельности. Ценности способны придать человеку смысл существования, и они являются собственно человеческим стимулом деятельности.

Деятельность отражает взаимодействие субъекта с объектом, субъект с ее помощью его познает, преобразует, использует, причем одновременно в процессе деятельностного взаимодействия с миром может меняться и он сам. В зависимости от того, чья структура (объекта или субъекта) меняется по преимуществу можно выделить две ведущие формы деятельности: *преобразование* и *познание*.

В результате преобразования изменяется объект в соответствии с целями субъекта. Можно сказать, что объект меняет свою структуру, облик и свойства в соответствии со структурой субъекта, в частности, с идеальной моделью будущего результата деятельности. Для человека основным видом преобразования является *труд*.

Допустив, что деятельность всегда осуществляется ради чего-то или кого-то, можно выделить три простейшие разновидности деятельности, исходя из ее направленности. Первая разновидность — *эгодеятельность*: деятель осуществляет ее для самого себя, обеспечивая существование. Вторая разновидность — *служебная деятельность*: деятель совершает ее ради кого-то или чего-то другого. Этим другим может быть другой индивид, группа, нечто неодушевленное и т.п. Третья разновидность — *игра*, в процессе которой деятельность совершается ради самого процесса деятельности. Она приносит в существование деятеля радость¹⁹.

Можно предположить, что существует зависимость между стимулами деятельности, ее смыслом и конкретной разновидностью. Например, если основным стимулом деятельности является потребность, то зачастую мы можем говорить об эгодеятельности, смысл которой состоит в обеспечении существования деятеля, а ценности как стимулы деятельности в основном побуждают осуществлять служебную деятельность, придающую смысл существованию деятеля. Смысл игры связан со свободной тратой жизненных сил деятеля, приносящей деятелю радость бытия.

Второй вид инициативного поведения — *общение*. Данный вид определяется взаимодействием между субъектами, которые “признают” друг друга равными себе. В общении субъекты воспроизводят друг друга. Основными формами общения, аналогичными преобразованию и познанию, являются *информирование* и *понимание*.

Однако П.А. Сорокин заявлял о возможности субъектов относиться друг к другу как к объектам. В зависимости от характера взаимоотношений взаимодействующих людей можно различать взаимодействие одностороннее и двустороннее. Одностороннее взаимодействие двух индивидов происходит в том случае, если одна сторона влияет на поведение другой, а другая не влияет на поведение первой. Двусторонним будет всякое взаимодействие, в котором обе стороны влияют на поведение друг друга²⁰.

На основе конкретной стороны природы человека Сорокин также выделял разные виды общения между субъектами²¹. Общение может осуществляться на основе обмена генетической информацией, передаче чувств и сигналов, обмене результатами деятельности, принятыми решениями. Соответственно, возможно природное, чувственное, рече-коммуникационное, деятельностное, правовое общение²².

Предположительно, можно выделить особые стимулы, отвечающие за осуществление того или иного взаимодействия. Очевидно, что на уровне природного взаимодействия, важнейшую роль играют естественные потребности. Но далее смысл у типов взаимодействия может формироваться, исходя из определенных потребностно-ценностных ориентаций. Поэтому при описании поведения человека следует использовать смысл в значении стимулов. На этом уровне рассматриваются процессы деятельности и взаимодействия человека, которые обусловлены именно потребностями и ценностями.

¹⁷ См.: Маслоу А.Г. Мотивация и личность. СПб., 1999. С. 77–96.

¹⁸ См.: Смирнов П.И. Потребность: стимул деятельности и одно из основных понятий социологии // Теоретический журнал Credo new. 2010. № 4. С. 176–178.

¹⁹ См.: Бороноев А.О., Смирнов П.И. Указ. соч. С. 114–138.

²⁰ См.: Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994. С. 23.

²¹ Там же. С. 25.

²² См.: Бороноев А.О., Смирнов П.И. Указ. соч. С. 114–138.

В классической и современной социологической теории предпринимались попытки усложнить представление об основаниях человеческого поведения. Так, например, Т. Парсонс использует понятия мотивационной или “потребностной” ориентации и ценностной диспозиции²³. Тем не менее, его концепция подтверждает мысль о ценностях и потребностях как о стимулах поведения.

Таким образом, смыслом на данном уровне рассмотрения активности человека следует считать стимулы, которые составляют систему и находятся в определенных отношениях между собой. При этом выделенные типы отношений между стимулами поведения можно использовать и в рассмотрении поведения человека как целостного явления.

Это можно представить следующим образом: при осуществлении деятельности, а именно “преобразовании” формируется система, в которой эгодеятельность является ведущей, служебная деятельность — инструментальной, а игра — сопутствующей. Предполагается, что формирование такой системы позволит лучше понять поведение людей при эмпирических исследованиях, а также поможет в дальнейшем развитии социального моделирования и прикладных исследованиях.

Непосредственное поведение человека раскрывается в отдельных действиях и поступках. Действием принято считать фрагмент поведения человека, которое обособляется ситуацией (местом и временем) и целью. В действии цель формируется на основе стимулов поведения и функционально зависима от этих стимулов и остальных действий. Цель в данном случае определяет смысл, хотя она уже обуславливается набором потребностей и ценностей, ради которых осуществляется деятельность и общение. Тем самым любое действие, с одной стороны, предельно, а с другой — является звеном в цепи последовательных действий, составляющих процесс поведения. Это выражается в том, что действие само по себе предельно и конечно, поскольку его смысл заключается в конкретной цели, но при рассмотрении цепи последовательных действий можно рассматривать данную цель как функционально зависимую по отношению к целям других действий.

Обобщая проделанное исследование определений смысла в социологической теории, а в частности теории социального действия, предлагается выделить три основные формы смысла, которые связаны с системой активности человека.

Первой формой смысла активности человека является общая интенция, связанная с несамодостаточностью человеческого орга-

низма как субъекта. Само существование человека определяется множеством физических и биологических факторов, которые постоянно и непосредственно влияют на него. Тем самым первая форма смысла может определяться интенцией, обусловленной местом человека в природе и его несамодостаточностью.

Вторая форма смысла является конкретизацией первой. Интенция на уровне поведения или целесообразной активности начинает определяться стимулами. Стимулами поведения принято считать потребности и ценности. Они также связаны с несамодостаточностью человека, что выражается в их константности.

Кроме того, стимулы поведения человека можно разделить по их возможным отношениям между собой: терминальности, инструментальности, препятствования и нейтральности. Данные отношения позволяют более четко представить систему ценностей и потребностей, которыми руководствуются люди в своем поведении.

Поведение каждого индивида опирается на свою собственную систему потребностей и ценностей, которые выстраиваются как ДНК во взаимосвязанную структуру.

На уровне отдельных действий возникает *третья форма* смысла — цель. Сама по себе цель определяется стимулами, но в отличие от них она предполагает конечный результат и функционально связана с другими действиями.

Предложенная совокупность понятий, в которой соотнесены понятия смысла, общей направленности, форм и видов человеческого поведения, а также стимулов, потребностей, ценностей и конкретных целей, нуждается в критическом анализе со стороны обществоведов. Но можно надеяться, что разработка подобной целостной совокупности понятий будет полезна для теоретического описания самых разных социальных процессов и явлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию. СПб., 1999 (*Abels H. Interaktia, identichnost, presentatia. Vvedenie v interpretativnuu sociologiu. SPb., 1999*).

Бороноев А.О., Письмак Ю.М., Смирнов П.И. Моделирование социальных систем: концепция и основные категории // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1996 (*Boronev A.O., Pismak U.M., Smirnov P.I. Modelirovanie socialnih system: koncepcia i osnovnie kategorii // Problemi teoreticheskoi sociologii. SPb., 1996*).

Бороноев А.О., Смирнов П.И. Деятельностно-ценностный подход к описанию социальных явлений: основные положения // Проблемы теоретической социологии. СПб., 2011 (*Boronev A.O., Smirnov P.I. Deyatelnostno-*

²³ См.: Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2002. С. 467–468.

cennostnii podhod k opisaniu socialnih yavlenii: osnovnie pologenia // Problemi teoreticheskoi sociologii. SPb., 2011).

Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М., 2006 (*Weber M.* Osnovnie sociologicheskie poniatia / Weber M. Izbrannoe: Protestanskaya etika i duh kapitalizma. M., 2006).

Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2003 (*Dal V.I.* Tolkovii slovar russkogo yazika. Sovremennaiia versia. M., 2003).

Луман Н. Социальные системы. СПб., 2007 (*Luman N.* Socialnie systemi. SPb., 2007).

Маслоу А.Г. Мотивация и личность. СПб., 1999 (*Maslou A.G.* Motivacia i lichnost. SPb., 1999).

Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2002 (*Parsons T.* O stukture socialnogo deistvia. M., 2002).

Смирнов П.И. Деятельность как форма человеческой активности. Специфика человеческой деятельности // Теоретический журнал Credo new. 2010. № 3 (*Smirnov P.I.* Deiatelnost kak forma chelovecheskoi aktivnosti. Specifika chelovecheskoi deiatelnosti // Teoreticheskii jurnal Credo new. 2010. N 3).

Смирнов П.И. Потребность: стимул деятельности и одно из основных понятий социологии // Теоретический журнал Credo new. 2010. № 4 (*Smirnov P.I.* Potrebnost: stimuli deiatelnosti i odno iz osnovnih poniatii sociologii // Teoreticheskii jurnal Credo new. 2010. N 4).

Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994 (*Sorokin P.A.* Obshedostupnii uchebnik sociologii. Statii raznih let. M., 1994).

Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 1993. № 4 (*Habermas U.* Teoriia kommunikativnogo deistvia // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 7. Filosofija. 1993. N 4).

Философский энциклопедический словарь. М., 1983 (*Philosovskii enciklopidicheskii slovar.* M., 1983).

Шпет Г.Г. Явление и смысл. Томск, 1996 (*Shpet G.G.* Yavlenie i smisl. Tomsk, 1996).

Шюц А. Методология социальных наук // Шюц А. Избранное: мир, святящийся смыслом. М., 2004 (*Shutz A.* Metodologia socialnih nauk // Shutz A. Izbrannoe: mir, svetiashchisya smislom. M., 2004).

Mead G.H. Mind, self and society: from the standpoint of a social behaviorist. Chicago, 1962.

Журнал “Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология” публикует статьи по социологии и политологии, результаты исследований и экспериментов в различных сферах социальной и политической жизни России и зарубежных стран, методические материалы, информацию о конференциях, библиографические обзоры и критические рецензии. Журнал открыт для публикации результатов научных исследований ученых Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, других научных учреждений и высших учебных заведений.

Материалы представляются в редакцию в электронной версии (на дискете, компакт-диске или по электронной почте) и в распечатанном виде (1 экз.).

Требования к оформлению статей

К рассмотрению принимаются материалы и статьи преподавателей и научных сотрудников объемом от 0,7 (28 тыс. знаков) до одного авторского листа (40 тыс. знаков). Объем аспирантских статей, как правило, не должен превышать 0,25 авторского листа (10 тыс. знаков). Ссылки обычные (подстрочные), нумерация сквозная. Документ должен быть выполнен в формате MS Word for Windows. Шрифт — Times New Roman, кегль — 14; интервал — 1,5; абзацный отступ — 1,25 см. Обязательны ссылки на источники всей информации (цитат, цифр) и расшифровка необщепотребительной аббревиатуры. Библиографическое описание изданий оформляется в соответствии с государственным стандартом.

Автор сопровождает статью краткой аннотацией (около 5 строк) на русском и английском языках и ключевыми словами также на русском и английском языках. В конце приводится список литературы (10—15 названий). Обязательно указание следующих сведений об авторах: ученой степени, должности и места работы, а также контактной информации (e-mail).

Напоминаем, что все рукописи направляются редакцией на рецензию (экспертную оценку).

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Рукописи не возвращаются. Гонорар авторам не выплачивается. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала.

Адрес редакции: 119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й учебный корпус, социологический факультет, каб. 514 (e-mail: vestnik@socio.msu.ru), тел.: (495) 939-08-54; 8(903) 268-89-69.

Уважаемые авторы!

Просим Вас обратить внимание на **изменение требований к оформлению статей**, которое связано с необходимостью соблюдать стандарты отечественных и зарубежных информационных баз (Scopus, Web of Science и др.).

С № 1, 2016 г. статьи следует сопровождать следующими материалами.

Сведения об авторе: ученая степень, ученое звание, должность, основное место работы, контактные данные [телефон (для осуществления связи ответ. секретаря журнала с автором) и e-mail (для потенциальной связи читателей с автором)]. Сведения необходимо предоставлять на русском и английском языках.

Аннотации на русском и английском языках должны содержать не менее 150 слов.

Ключевые слова – 3–7 слов/словосочетаний на русском и английском языках.

Список литературы оформляется следующим образом. 1. Список литературы на русском языке. 2. References: а) транслитерация латиницей и перевод на английский (в скобках после транслитерации каждого названия) вышеприведенного списка литературы на русском, б) список литературы на иностранных языках. Все части списка литературы оформляются без нумерации, русскоязычная часть – по алфавиту, транслитерация с переводом – в соответствии с русскоязычным списком, список на иностранных языках – по алфавиту. При переводе русскоязычных названий книг, статей и т.п. необходимо найти уже существующий перевод (например, когда переводится на английский русскоязычное название переводной работы зарубежного автора). Это необходимо для более четкой идентификации той или иной работы (в том числе при поиске в интернете).

Необходимо давать авторский, **профессиональный перевод** аннотаций, ключевых слов и литературы на английский (убедительная просьба использовать электронные переводчики исключительно как вспомогательное средство).

В ближайшее время все требования с примерами оформления будут представлены на нашем сайте www.vestnik.socio.msu.ru. Там же всегда можно посмотреть архив номеров (полнотекстовые версии).

Соблюдение вышеуказанных норм позволяет легче включиться в иностранные информационные базы (Scopus, Web of Science) и, соответственно, расширить свое присутствие в информационном научном пространстве, что, безусловно, является актуальнейшим требованием времени. Надеемся на Ваше понимание! Всегда рады сотрудничеству и открыты для контактов.

С уважением,

редколлегия журнала

“Вестник Московского университета.

Серия 18. Социология и политология”

Вниманию авторов!

Изменились сроки приема статей.

Теперь статьи принимаются:

в № 1 – до 1 августа,

в № 2 – до 1 ноября,

в № 3 – до 1 февраля,

в № 4 – до 1 мая.

С уважением, редколлегия журнала.

Кочетков В.В.

Идентичность и культура в современных международных отношениях: Учебное пособие. — М.: Издательство Московского университета, 2015. — 320 с.

ISBN 978-5-19-010864-4

Учебное пособие посвящено рассмотрению идентичности и культуры в качестве ключевых факторов, определяющих развитие международных отношений на современном этапе. В пособии даны теоретические основы исследований культуры и идентичности и обозначены особенности культуры и идентичности ведущих стран мира. Особое внимание уделено межкультурным различиям и процессам взаимодействия культур. В книге обобщен более чем десятилетний опыт чтения автором курсов, посвященных культурному измерению международных отношений, в МГУ имени М.В. Ломоносова.

Издание адресуете студентам, аспирантам и преподавателям высших учебных заведений по направлениям подготовки «Международные отношения» и «Политология», а также более широкой аудитории читателей, интересующихся проблемами международных отношений.

This textbook examines identity and culture as pivotal factors in contemporary international relations. It explores theoretical foundations of culture and identity studies and particularities of leading world powers' cultures and identities. Special attention is paid to cross-cultural interactions and differences. This textbook summarizes author's experience in teaching cultural aspects of international relations in Lomonosov Moscow State University for more than a decade.

This book is addressed to both undergraduate and graduate students and lecturers of political science and international relations, as well as to a wider audience of readers interested in contemporary world politics.